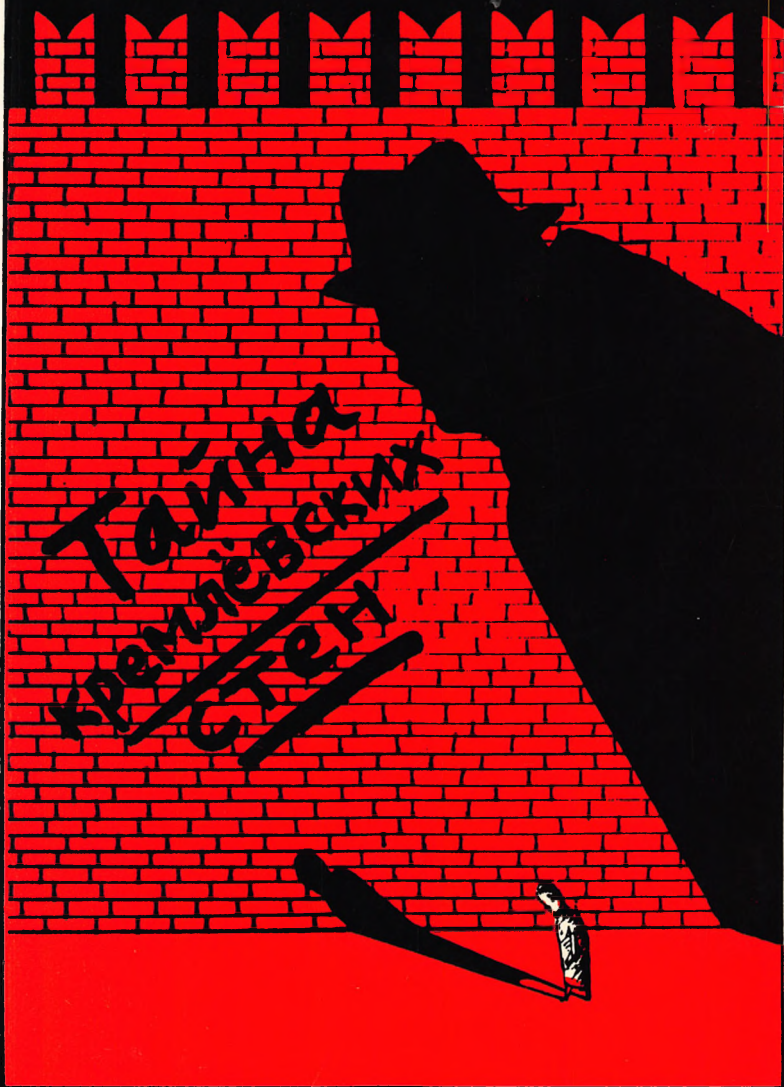

БОРИС ВИНОКУР

ТАЙНА КРЕМЛЕВСКИХ СТЕН

Boris Vinokur

**INSIDE
THE KREMLIN
WALLS**

A historical novel

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1987**

Борис Винокур

**ТАЙНА
КРЕМЛЕВСКИХ
СТЕН**

Исторический роман

**Overseas Publications Interchange Ltd
London 1987**

Boris Vinokur: TAINA KREMLEVSKIKH STEN.
Istoricheskii roman

First Russian edition published in 1987
by Overseas Publications Interchange Ltd
8 Queen Anne's Gardens, London W4 1TU, England

First published in English
under the title «Inside the Kremlin Walls»
(Columbus Books, Chicago, 1985)

Copyright © Boris Vinokur, 1985 & 1987
Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd, 1987

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN 0 903868 99 7

Cover design by Andrzej Krauze

Printed in West Germany

Эта книга была задумана мною давно, еще там, в Советском Союзе. Точнее говоря, задумала ее сама жизнь, из рук в руки передавшая мне эту удивительную историю, приключившуюся с людьми всего за один год, и притом самый обыкновенный год. Иных я хорошо знал, других ежедневно встречал на работе... Я ел с ними и пил, я жил среди них и дышал с ними одним воздухом. Это была и моя история. Это был и мой год, один из прожитых в той стране.

Какой далекой кажется эта история! И какой близкой она остается! Она — и наше прошлое! И настоящее! Станет ли она нашим БУДУЩИМ?

Я посвятил свою книгу жертвам той ужасной истории. И я не хочу, чтобы она повторялась вновь — из года в год, из года в год...

Борис Винокур

Время неумолимо продвигалось вперед и не обманывало человечество в его надеждах хотя бы на миг задержать быстротечность жизни. Подходил к концу еще один год, и только сутки отделяли его от наступавшего Нового года. Планета уже повернулась к нему лицом, и люди связывали с грядущим свои самые лучшие чувства.

Но в том Старом году оставался еще один день, и он успел тогда многое изменить в нашей жизни. Тот день кому-то из нас принес радость и счастье, а кому-то смерть и страдания. Вот каким выдался этот день для тех, кого судьба тесно свела в одна тысяча девятьсот восемьдесят ... году.

ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

1

В канун Нового года в Москве ударил мороз, и с утра 31 декабря пошел мелкий колючий снег. Резкий ветер кружил его, и вдоль улиц наметались сугробы. В тот день рассвет с трудом пробивался сквозь снежную пелену, свисавшую откуда-то свысока и теряющуюся в уходящей ночной черноте. Уличные фонари, погашенные ночью, не горели, и люди, выбираясь из своих домов, почти в потемках брели к автобусным остановкам. Так в Москве начинался последний день года.

В тот ранний час у первого подъезда дома № 32 на Автозаводской улице уже стояли две голубые милицейские машины и белый фургон "Скорой помощи".

— Проходите! Проходите! — съезжившись под ветром, милиционер покрикивал на любопытных.

Вдруг у самого подъезда резко затормозила черная "Волга", и из нее вышли двое в шинелях. На погонах виднелись голубые канты, это говорило о том, что оба были офицерами КГБ. Не глядя на милиционера, они тотчас скрылись в подъезде и быстро затем поднялись на второй этаж. Там на лестничной площадке ничком лежал человек, и возле него на коленях склонился врач. Вокруг все было в крови.

— Жив? — спросил у врача один из офицеров КГБ, тот, который выглядел совсем молодым, с погонами капитана.

— Скончался. Только что...

Убитый жил на том же втором этаже, и выйдя из квартиры, успел, вероятно, сделать всего несколько шагов по

направлению к лестнице, ведущей вниз. Он, надо полагать, шел на работу и не знал, что его судьба была уже кем-то предрешена.

Милицейский фотограф, шуплый человечек в длинном сером пальто до пят, приступил к съемке. Он старательно делал фотоснимки убитого, выбирая то одну, то другую позу покойного, и все с серьезным видом наблюдали за его работой. Только офицер КГБ, высокий, полный и уже с седыми висками майор Петр Иваницкий, был ко всему этому совершенно равнодушен. Он в полнейшем безразличии стоял в углу лестничной площадки и курил.

Сегодня у майора Иваницкого был последний в его жизни рабочий день. Он уходил на пенсию. И сейчас майор думал только о том, как он уже в этот вечер сбросит наконец-то свой военный китель и избавится от него, как от давно надоевшей и тяжелой ноши.

Иваницкий с нетерпением ждал этого момента и кроме собственных переживаний его уже больше ничего не волновало. А было ведь время, когда он и не представлял свою жизнь вне КГБ и не мыслил без него свое будущее. Иваницкий очень бурно переживал тогда все происходящее вокруг и всегда реагировал с завистью на любые повышения своих коллег. А самой трепетной его мечтой была заграница. Но не сбылась мечта. Петр Иваницкий все время оставался в Москве и продолжал работать следователем отдела особых расследований. И к своему шестидесятилетию он дослужился всего лишь до майора.

Отдел, в котором работал майор Иваницкий, считался в КГБ очень важным. Он расследовал все случаи, когда кто-либо из советских граждан подозревался в предательстве или шпионаже. В этом отделе люди задерживались, как и Иваницкий, годами, и мало кому приходилось вырываться из него в "загранку", как называли в КГБ работу советских шпионов за рубежом. Но бывали, конечно, и редкие исключения. Вот и сейчас Иваницкий без всякого интереса смотрел на молодого капитана Шабанова, который собирался после Нового года выехать в советское посольство в Вашингтон.

Александр Шабанов совсем недавно был произведен

в капитаны, и вскоре после этого его назначили в сверхсекретный отдел, который значился под кодовым названием "Отдел В". Так что и Шабанов по существу проводил свой последний рабочий день в Москве, но он, в отличие от Иваницкого, с исключительным вниманием наблюдал за всем, что происходило на той лестничной площадке дома № 32 на Автозаводской улице.

Трудно сказать какими качествами заслужил Шабанов столь редкий перевод в "Отдел В". Но так или иначе, вскоре ему предстояло влиться в узкий круг профессиональных шпионов, считавшихся специалистами по разрушению промышленных объектов, телефонных, телеграфных и вообще всех коммуникационных линий в зарубежных странах. Но будущие коллеги Шабанова обладали еще и другой квалификацией. Они несли ответственность за все политические убийства и похищения людей, которые совершались за рубежом по указанию советских лидеров. Недаром начальника "Отдела В" генерала Антонова в шутку, а иногда и всерьез, называли в КГБ "мастером мокрых дел". Во всех крупных советских посольствах работали его люди, и они, как правило, пользовались услугами завербованных профессиональных гангстеров или уголовников. В такой вот отдел накануне Нового года был переведен капитан Шабанов.

Но сейчас Шабанов старался не думать о своем назначении, его мысли были заняты происходящим на этой лестничной площадке, и капитан начинал уже с нетерпением посматривать на фотографа, который, как ему казалось, увлекся съемкой и делал уже лишнюю работу.

— Достаточно! — сказал он ему, а затем обратился к врачу городской "Скорой помощи", — Вы тоже можете быть свободны. Мы ждем машину, и труп увезут в наш морг. В морг КГБ, — пояснил капитан.

Шабанов был преисполнен серьезности, и глядя на него, Иваницкий вспомнил свою молодость, которая представилась ему теперь какой-то пустяшной и бестолковой.

А Шабанов продолжал давать указания:

— Попросите жильцов не выходить из квартир, пока не увезут труп. Не надо вызывать у них излишний инте-

рес... — Это он говорил лейтенанту милиции, который первым прибыл сюда, получив известие о происшествии. — А где ключ от квартиры убитого?

— У него, — неуверенно ответил лейтенант и взглядом показал на труп.

— Достань!

И лейтенант стал шарить в карманах покойного. Наконец, он вытащил всего один единственный ключ, висевший на маленьком колечке.

Шабанов открыл дверь. Надо было начинать обыск, и Ивацкий, докурив сигарету, бросил окурок на пол, растоптал его сапогом и прошел вслед за капитаном в квартиру убитого.

Лейтенант милиции в недоумении посмотрел им вслед, видимо, не понимая с какой вдруг стати КГБ вмешалось в это, по его мнению, банальное уголовное дело. Какое-то мгновение он еще раздумывал, глядя на захлопнувшуюся дверь, а затем мигом побежал вниз к машине докладывать по радиации своему начальству все, что произошло в этом злополучном подъезде.

Труп увезли быстро. С лестничной клетки и со ступеней начисто смыли разбрызганные пятна крови и тщательно очистили стены, не оставив и малейшего следа преступления. Но слух об убийстве, конечно, разнесся по дому, и соседи в недоумении обсуждали случившееся.

Убийство произошло в рабочем районе Москвы в одном из домов, принадлежавших автозаводу имени Лихачева. На этом заводе и работал покойный. Звали его Эдуард Гонзалес. Он был испанец.

В Советскую Россию Эдуард приехал пятилетним мальчишкой. Его привез туда отец, фанатичный испанский коммунист, бежавший в СССР в августе 1939 года после провалившегося путча испанских коммунистов против правительства Франко.

В ту осень 1939 года советское правительство перевезло из Испании в Москву сотни своих неудачливых единомышленников, и многие из них, как и Гонзалес-старший, нашли работу на автозаводе. Отец Эдуарда поселился тогда в том же доме и в той же квартире, в которой Иваницкий и Шабанов

нов производили сейчас обыск. Это была крошечная квартира — одна комната и маленькая кухня. Но считалась она чуть ли не самой лучшей в том старом пятиэтажном доме, ибо была изолированной, не то что другие, в которых было, правда, по две и три комнаты, но зато в них и жили по две, а то и по три семьи.

В квартире Эдуарда Гонзалеса оказалось мало мебели и Иваницкий с Шабановым быстро справились с ее осмотром. Они проверили содержимое шкафа, вывернули наизнанку карманы брюк и пиджаков, тщательно потом обыскали кровать и перетряхнули белье. Но больше всего им пришлось повозиться с книгами. Эдуард Гонзалес был инженер, и все полки в его квартире оказались заставленными всякими техническими справочниками и каталогами. Следователи КГБ внимательно их перелистали, но ничего подозрительного не нашли. Ничего интересного не оказалось и в старом альбоме с семейными фотографиями и в пухлом портфеле, валявшемся на полу возле кровати.

— Ни черта! — Шабанов даже выругался от досады и стал перелистывать записную телефонную книжку покойного. Там были, в основном, служебные номера телефонов, не имевшие по мнению Шабанова особого значения. Но на самой последней странице и не в алфавитном порядке размашисто и крупными буквами было написано: "Виктор Быстров. 338—5217".

Шабанов спрятал записную книжку в свой портфель, и на этом закончился обыск квартиры Эдуарда Гонзалеса.

Следователи тотчас уехали. В десятом часу утра их машина стремительно неслась к площади Дзержинского.

2

Дом № 2 на площади Дзержинского знают не только москвичи. Сокращенно он известен во всем мире как КГБ. Это и есть Комитет Государственной Безопасности СССР. А тысячам террористов, обученных в СССР, множеству

тайных советских агентов, проживающих в западных странах, он знаком под названием "Центр".

После Второй мировой войны советские власти расширили владения КГБ и пристроили к его старому зданию новый громадный корпус. Его сооружали пленные немецкие солдаты. Все они были потом расстреляны, чтобы никогда не имели возможности разгласить тайну внутреннего устройства "Центра".

Оба эти здания, старое и новое, слитые воедино, стоят теперь под одним почтовым адресом — дом № 2, образуя на площади Дзержинского унылый мрачный массив, отделанный серым камнем. С высоты птичьего полета он напоминает огромный замкнутый прямоугольник. Внутри его находится большой двор. А под ним — подземная тюрьма. В народе ее прозвали Лубянкой — по старому названию улицы, проходящей вдоль одной из сторон дома № 2.

Узкие кельи Лубянской тюрьмы холодили сердца сотен тысяч заключенных. В ней были расстреляны многие советские политические деятели, каким-то образом разгневавшие своих вождей. Там были казнены собственными же палачами и три бывших руководителя КГБ.

Сегодня в предновогодний день нынешний глава КГБ Юрий Андропов еще не появлялся в своем кабинете на третьем этаже, хотя шел уже десятый час. Он решил немного задержаться дома, полагая, что до конца года уже ничего сверхъестественного не произойдет.

Когда Иваницкий и Шабанов, возвращавшиеся с Автозаводской улицы, подъезжали к площади Дзержинского, Андропов неторопливо завтракал в своей просторной, светлой квартире, уставленной добротной венгерской мебелью. Андропов почему-то не любил носить военную форму, хотя был генералом армии, и сегодня он сидел за столом в свежей накрахмаленной рубашке и в синем в красную полоску галстуке с золотой булавкой.

Андропов производил впечатление сдержанного, учтивого, образованного человека. Когда-то он любил много читать. В доме и сейчас все полки были заставлены книгами. Он умел располагать к себе людей непринужденной манерой обращения, казаться участливым и доброжела-

тельным. Андропов сносно говорил по-английски, чем не могли похвастать его партийные коллеги по Политбюро. И первым, кто по-настоящему оценил эти его качества, был бывший глава партии и государства Никита Хрущев. Он назначил Андропова послом в Венгрию, что приобрело впоследствии серьезное значение. С тех пор и началась головокружительная партийная карьера Андропова.

А тогда, в ноябре 1956 года, когда венгры восстали против советского засилья, Андропов сделал все, на что был способен. Он так искусно сыграл свою нелегкую и опасную роль, как только мог сыграть ее самый блистательный актер. Вежливостью и тактичностью Андропов склонил главу нового венгерского правительства Имре Надя к переговорам и убедил его в том, что Хрущев якобы искренне намерен вывести советские войска из Венгрии. Имре поверил послу. Через пару дней Андропов организовал банкет, куда под предлогом переговоров заманил героя венгерского восстания и министра обороны нового правительства Пала Малетера. Но как только венгры прибыли на банкет, вся их делегация была арестована, а Пал Малетер расстрелян.

Спустя две недели Андропов превосходно разыграл еще одну операцию. Обманным путем он выманил из Югославского посольства скрывавшихся там других членов венгерского правительства и всех их арестовал. Несчастный и доверчивый Имре Надь, ранее очарованный внешним лоском советского посла, был вывезен в Румынию и там расстрелян. А Андропов образовал из рекомендованных Хрущевым венгерских коммунистов просоветское правительство и посадил во главе его бесцветного и послушного Яноша Кадара.

Теперь Андропов жил в одном доме со своим новым вождем, только в разных подъездах. Но из окна столовой Андропов мог видеть черный бронированный лимузин главы партии и государства, всегда ожидавший своего хозяина у самой двери подъезда. И допив чай, Андропов выглянул в окно. Лимузин все еще стоял на своем месте. Значит и вождь несколько задержался сегодня дома.

Андропов посмотрел на часы. Было десять утра. Он вы-

шел из столовой налево и прошел по коридору в прихожую. Там Андропов одел черное драповое пальто с каракулевым воротником и каракулевую папаху.

Во дворе у подъезда его ожидал черный бронированный лимузин, точно такой же, как и у вождя. Телохранитель открыл дверцу, и через мгновение лимузин вырулил из-под арки дома на Кутузовский проспект. Спустя двадцать минут Андропов вошел в подъезд № 1 дома на площади Дзержинского.

3

Окна кабинета главы КГБ выходили на площадь Дзержинского, на огромную клумбу, напоминавшую могильный холм безымянных героев. А над клумбой возвышался высоченный памятник первому руководителю советских карательных органов Феликсу Дзержинскому. На самой макушке этого памятника за ночь выросла пышная белая шапка, и видно было, как вихрем вокруг нее продолжал кружиться колючий мелкий снег.

Справа от окон кабинета стоял магазин "Детский мир". Сквозь метель проглядывали у его подъезда две разукрашенные новогодние елки и тянувшаяся в магазин длинная очередь. Люди сутулились, прикрываясь воротниками от порывистого резкого ветра.

У Андропова было хорошее настроение. Улыбнувшись, он приветствовал своего секретаря, коренастого полковника, вставшего перед ним "смирно", и поздравил его с наступающим Новым годом.

— Спасибо, товарищ генерал!

Андропов прошел в кабинет, и за ним тут же поспешил его секретарь.

— Не зажечь ли свет, товарищ генерал? На улице пасмурно!

Вспыхнула яркая люстра, и показалось, что в огромном кабинете, отделанном красным деревом, стало еще просторнее. Бесшумно ступая по мягкому розовому ковру, полковник вышел, и за ним так же бесшумно захлопнулась тяжелая массивная дверь.

Зазвонила "кремлевка", специальный телефон, связывавший с членами Политбюро и секретарями Центрального Комитета партии.

— С наступающим, тебя! — Андропов услышал скрипучий голос главы партии и государства. Вождь был уже в Кремле и жаловался на несносную погоду. Затем он пригласил Андропова обсудить с ним кое-какие дела. По существовавшему правилу председатель КГБ отчитывался только перед одним человеком в государстве, перед вождем, и тот, видимо, сейчас чем-то интересовался.

Вождь имел особое пристрастие к КГБ. На него он никогда не жалел денег, никогда не терпел никакой критики в адрес этого ведомства. Вождь и сам бывал инициатором некоторых крупных акций своего разведывательного Центра. Правда, не всегда его инициатива приводила к успеху. В партийных кулуарах долго не забывалась одна из задуманных им операций. Лет десять назад по его указанию советские агенты приступили к массовому похищению технологических секретов в Англии. Но вся эта затея провалилась и закончилась позорным изгнанием из Англии ста пяти советских шпионов. Вождь тогда немедленно прервал поездку по Восточной Европе и даже отложил давно им запланированный прием премьер-министра Индии Индиры Ганди. Западная пресса устроила по этому поводу большой шум, но вождь был равнодушен к ее критике, он даже посмеивался над иными журналистами, называя их наивными младенцами.

— Их дело писать, а наше дело — на ошибках учиться!

Вождь постоянно модернизировал структуру КГБ, максимально приближал ее к насущным потребностям своей политики. При нем КГБ обрело небывалое ранее могущество, и вождь выдвинул этот партийный орган на авансцену всей государственной жизни. Он сделал КГБ своим главным заокеанским эмиссаром. Эта окутанная ореолом таинственности организация оттеснила традиционные дипломатические службы и превратила их в свои легальные заграничные филиалы. А внутри страны КГБ стало главным цензором не только жизни простых советских людей, Ко-

митет Государственной Безопасности возвысился над армией и даже над самой партией.

Но полностью ли доверял глава партии и государства своему КГБ? Кто же на самом деле этот Андропов? Что там у него за душой?

Андропову шел тогда шестьдесят девятый год. Но был он все же на восемь лет моложе своего вождя, который сам же и назначил его председателем КГБ, а потом и членом высшего партийного органа — Политбюро. Может быть, все это вождь сделал на свою беду? Но так или иначе в руках Андропова оказалось сейчас столько реальной, практической власти, сколько не было, пожалуй, ни у одного другого человека в правящей элите партии, кроме как у самого вождя. И это начинало иногда тревожить главу партии и государства. А в последнее время ему в голову стали приходиться даже дурные мысли. Однажды вождь вдруг подумал, а что же с ним произойдет, если не дай Бог, случится переворот? И он с тревогой осознал, что навряд ли кому-то удастся укротить в той агонии борьбы за престол стихию андроповской власти.

Правда, такие мысли появлялись у вождя не часто. Но в те горькие минуты раздумий ему вспоминались почему-то казавшиеся отталкивающими старческие морщины председателя КГБ. А они выступали на лице Андропова всякий раз, когда он улыбался. Но никто не знал точно, что означала эта мягкая вкрадчивая улыбка...

... Настенные часы пробили одиннадцать, и Андропов вызвал к себе генерала Кружкова, который руководил отделом № 1 Первого главного управления. Это был географический отдел, и его мишенью являлась Северная Америка. Отдел имел очень широкие полномочия. Он руководил шпионской резидентурой советских посольств в Вашингтоне и в Оттаве, советской миссии при ООН и советского консульства в Сан-Франциско. Он отвечал и за все операции против США, которые приводились в исполнение через компартии разных стран. На отделе лежала ответственность и за внедрение шпионов в правительственные учреждения США, в Конгресс и Сенат, за насаждение влиятельных агентов в прессу, в университеты и в дело-

вые круги. Агенты генерала Кружкова несли прямую ответственность за подкуп американских государственных служащих, сенаторов, конгрессменов, журналистов, ученых, бизнесменов. Для этих целей средства отделу выделялись неограниченные.

Кружков, стройный щеголеватый генерал лет сорока, сразу же явился в кабинет шефа. Андропов указал ему на широкий мягкий диван, и они сели на него около журнального столика. Кружков знал, зачем его вызывал шеф, и тут же приступил к делу.

— Артур Борден будет в Москве в начале будущего года. Причем, не один.

Андропов вскинул быстрый взгляд на генерала, и тот добавил:

— Он привезет известного политического деятеля из Миннеаполиса Фреда Фишера и епископа Епископальной церкви Нью-Йорка Чарлеса Мурина.

Андропов одобрительно посмотрел на Кружкова и подумал, что американский институт стратегических исследований Артура Бордена приносит пользы вовсе не меньше, чем дюжина тайных зарубежных агентов КГБ. В пятидесятых и шестидесятых годах сотрудники этого института были активистами студенческих волнений и настойчиво выступали против войны во Вьетнаме. Им даже удалось побывать в Северном Вьетнаме и снискать славу у тамошнего коммунистического режима. А сейчас институт нацелился против оборонной программы американской администрации, против разведывательных органов США, против развития атомной энергии в стране. Андропов и лично сам вождь проявляли большой интерес к институту Артура Бордена и были крайне заинтересованы в участии этого института в задуманной ими политической авантюре. Под ширмой Бордена они намеревались провести американо-советскую конференцию по разоружению, чтобы еще раз посеять пацифистские смуты в чувствительном американском обществе.

— Ну, а как насчет конференции? — Андропов откинулся на спинку дивана, и было видно, что он в прекрасном расположении духа.

— Борден согласен. Мы проведем ее в Миннеаполисе.

— Превосходно!

— О деталях, думаю, договоримся, когда Борден придет в Москву.

— Хорошо! — Андропов улыбнулся, и на его лице запечатлелись морщины. — По всем этим вопросам подготовьте необходимую информацию для международного отдела ЦК. И по делу Бордена держите с ним постоянную связь.

Кружков подумал, что аудиенция закончилась, и встал.

— Сейчас нам покажут пару фильмов, — остановил его Андропов, — задержитесь, пожалуйста.

Через несколько минут в кабинете Андропова уже находились хорошо знакомые Кружкову люди. Это были старшие чины Первого главного управления, ответственного за всю деятельность советской разведки за границей, за исключением военного шпионажа, которым руководило Главное Управление Генерального штаба советской армии.

— Первый фильм сделан по просьбе членов Политбюро. Это короткие фрагменты... Отнеситесь критически к фильму и дайте нам свои замечания... Не сегодня, конечно, — Андропов произнес эти слова предельно равнодушно и развел руками. — Сегодня предновогодний день, и я не хотел бы утомлять вас.

Старшие офицеры и генералы уже расселись в креслах и на диване, на противоположной от них стене раздвинулась шторка, и опустилось белое полотно экрана. Фильм начался словами: "Восьмидесятые годы будут победными в нашей тайной и необъявленной войне против Запада". Затем крупным планом появилось лицо главы партии и государства, а под ним, как в школьных букварях, большими буквами было написано: "Тайная война является нашей многолетней стратегией покорения Запада".

В кабинете воцарилась какая-то настороженная тишина и, казалось, каждый боялся ее нарушить. Во всяком случае, никто даже не пытался выразить хотя бы малейшее неудовольствие от бездарного времяпрепровождения. Все, что показывалось на экране, было им и без того превосходно известно, и подчиненным Андропова казалось,

что они сами могли бы обо всем этом в тысячу раз лучше и красочнее рассказать. Но высшие чины КГБ прекрасно понимали, что Андропов неспроста усадил их в своем кабинете и что этот сугубо секретный фильм был очередной прихотью вождя. Вождь и прежде не раз заказывал похожие фильмы, в которых цитировались его собственные высказывания и в которых он играл главные роли. И в каждом таком случае Андропов почему-то просил делать критические замечания, но на них, конечно, потом никто не обращал никакого внимания. Однако, шеф КГБ наизусть запоминал слова каждого критика.

А сейчас же на экране опять появился глава партии и государства, но теперь он был во весь рост и стоял рядом с Арафатом. Оба они презрительно улыбались, глядя куда-то в глубину кадра, откуда словно бы из руин, выкарабкивались бывшие канцлеры Шмидт и Крайский. "Теперь, — комментировал диктор словами вождя, — западные правители уже боятся закрывать двери перед лидерами нашего тайного фронта. Красный террор преподнес западному миру благотворный урок. Но скоро придет время, когда при нашей поддержке отряды тайного фронта смогут менять политические режимы государств. В этом и состоит геополитическая стратегия коммунизма".

Так закончился этот безымянный фильм, и Кружков неожиданным образом на него прореагировал:

— Прекрасная работа операторов!

Сняв очки, Андропов бросил на него незаметный взгляд и обратился ко всем:

— А сейчас короткий, но поучительный учебный фильм.

В кабинете опять погас свет, и на экране крупным планом показался американский сенатор Харрисон Вильямс. Кадр тут же ушел вглубь, и стало отчетливо видно, как сенатор берет взятку от агента ФБР, переодетого в арабского шейха. В замедленной съемке этот кадр методично появлялся десятки раз, и в течение трех минут инструктор так же методично повторял: "Обратите внимание на технику поведения агента, обратите внимание на технику поведения агента...".

В этом коротком фильме больше ничего не было, а за-

канчивался он вопросом: "Какой мог быть результат, если бы агент ФБР переоделся не в арабского шейха, а выступил от нашего имени?"

Присутствующие ответили дружным смехом.

Зажегся свет, и Андропов, поблагодарив своих подчиненных, пожелал им счастливого Нового года.

Вслед уходящим зазвонила "кремлевка".

— Да, выезжаю, — ответил шеф КГБ.

Через несколько минут Андропов уже сидел в своем лимузине. Машина миновала площадь Дзержинского, выехала на улицу Куйбышева и помчалась в Кремль. Андропов не смотрел по сторонам и не обращал внимания на суетившихся в снежной пелене пешеходов. Он думал сейчас о статье, прочитанной в свежем номере "Нью-Йорк Дейли" и озаглавленной "Загадочное убийство братьев Саундерс". Андропов старался даже представить себе лицо младшего Саундерса — Джека, с которым был лично знаком.

В статье сообщалось, что оба брата были совладельцами крупной химической фабрики в предместье Чикаго и что их бизнес оценивался в несколько миллионов долларов. Старший брат Ларри, которому шел уже восемьдесят второй год, был найден мертвым на складе своей фабрики. По словам представителя полиции, его сразили две пули, выпущенные из пистолета и попавшие в грудь. Младший брат Ларри, семидесятипятилетний Джек, был в тот же день задушен в одном из отелей на побережье Флориды, куда он незадолго до этого приехал на рождественские праздники. А в конце статьи публиковались фотоснимки братьев Саундерс.

Когда Андропов въезжал в Спасские ворота Кремля, в московском аэропорту Шереметьево приземлился самолет, прилетевший из Нью-Йорка. Американский журналист Ральф Бушнелл стал собирать вещи. Но при выходе из самолета он не поднял с сидения прихваченную в дорогу газету. Ральф взял ее в редакции вчера и надеялся прочитать в пути кое-какие интересовавшие его спортивные новости. Однако, так и не раскрыв газету и не обратил, конечно, никакого внимания на фотографии бра-

тьев Саундерс. А он ведь тоже хорошо знал младшего Джека.

... Ральфу казалось, что сегодня в его жизни произошел какой-то странный перелом, что прошедшее и будущее оказались разделенными невидимой, но сейчас хорошо ощутимой гранью.

РАЛЬФ БУШНЕЛЛ

1

За день до прибытия в Москву, 30 декабря Ральф проснулся очень рано и посмотрел на светящийся циферблат часов. По нью-йоркскому времени еще не было шести утра. Ральф попытался было заснуть опять, но какая-то внутренняя сила заставила его встать с постели. Он постоял с минуту, о чем-то раздумывая, потом, чтобы не разбудить жену, крадучись вышел из спальни. Ральф чувствовал себя разбитым и не отдохнувшим. Слоняясь по гостиной, он стал перебирать в памяти подробности вчерашней ссоры с Алленом.

— Черт бы побрал все его нотации об угрозах коммунистов! — Ральф со злостью ударил ногой стоявшее рядом тяжелое бархатное кресло, будто оно и было виновником всех его недоразумений в отношениях с Алленом.

Ральф и Аллен почти одновременно лет десять назад поступили на работу в крупнейшую нью-йоркскую газету "Нью-Йорк Дейли". И, кажется, с первого же дня знакомства их стала преследовать взаимная антипатия. Но каждый по-разному вел себя в их взаимной и долголетней войне нервов. Ральф старался не замечать Аллена, демонстративно не здоровался с ним, пренебрежительной улыбкой реагировал на упоминания имени своего недруга. Внешне уравновешанный Ральф был прямой противоположностью экспансивному и вспльщивому Аллену, порой до предела накалявшему обстановку.

— Какой болван может сожалеть об арестах подонков! —

так еще много лет назад Аллен прореагировал на первый репортаж Ральфа в "Нью-Йорк Дейли". Это был репортаж о марше протеста против войны во Вьетнаме, организованном коммунистами. Ральф тогда с большим сочувствием отнесся к арестованным демонстрантам, несколько часов буйствовавшим на улицах города и осквернявшим американский флаг.

Тогда Ральф уклонился от полемики. Он вообще не любил спорить, а тем более с Алленом, но обиды на него, копившиеся годами, стали в последнее время причинять боль, которую он ощущал где-то в самой глубине души. И вот сегодня Ральф опять почувствовал эту неприятную ноющую, как от занозы, боль.

Ральф сел в кресло и тупо уставился в потолок. Вдруг он вспомнил то прекрасное время, когда никто в редакции не подшучивал над ним и не пускал в его адрес колкостей, когда никто не покушался на его авторитет и не вторгался в его мироощущение. Он писал тогда о событиях так, как понимал их, и никто не опровергал его версий о необходимости прекращения войны во Вьетнаме, важности детанта и предоставления Советскому Союзу статуса благоприятствования в торговле. "Нью-Йорк Дейли" чуть ли не каждый день публиковала его репортажи.

Ральф Бушнелл находился тогда на гребне волны и был недосыгаем для критики своего постоянного оппонента. В то время Аллен жил в Москве, куда он прибыл незадолго до окончания войны во Вьетнаме в качестве постоянного корреспондента "Нью-Йорк Дейли" в СССР. Именно в его отсутствие карьера Ральфа Бушнелла пошла стремительно ввысь.

Ральф в детстве выучил русский и превосходно владел им. Русский он знал от родителей, выходцев из России, но Ральф совершенствовал язык в Гарвардском университете, где изучал политические науки. В те студенческие годы Ральф в подлинниках читал Ленина, Сталина и многих других советских авторов. Знания русского языка и советской России ему долгое время не удавалось применять, но вот в "Нью-Йорк Дейли" эти знания пришлось как нельзя кстати.

Постепенно Ральф занял в редакции положение признанного и ведущего советолога и к его мнению начали серьезно прислушиваться. Бушнелл стал желанным гостем телевизионных студий, и вся страна с интересом слушала тогда его комментарии к отношениям Востока и Запада.

Не довольствуясь одним своим корреспондентом в Москве, "Нью-Йорк Дейли" послала туда и Ральфа для освещения визита президента США в СССР. Когда Бушнелл вернулся в Нью-Йорк, шеф преподнес ему своеобразный подарок. С того дня все московские репортажи Аллена Филда стали передаваться на просмотр Ральфу Бушнеллу. И Ральф пользовался своими новыми полномочиями. Он вычеркивал из репортажей те абзацы, которые казались ему чересчур резкими и способными вызвать раздражение советских лидеров.

Сейчас Ральф с удовольствием вспоминал то время. Поразмыслив, он признался себе в том, что возвращение Аллена из Москвы в Нью-Йорк уже никак не могло поколебать его популярность, а вот звезда Аллена стала угасать на политическом небосклоне. Резкость его статей и категоричность суждений о нависшей коммунистической угрозе пугали газетных и телевизионных боссов. Они отдавали предпочтение спокойному, примирительному тону статей Бушнелла. "Да ведь не так уж у меня все плохо! — на какое-то мгновение Ральф задумался. — Не так уж и плохо! — повторил он самому себе. — К черту этого Филда! К черту!"

Ральф встал, наконец, с кресла, подошел к окну и раздвинул шторы. Какая-то птичка, видимо, встревоженная им, вспорхнула с ветки старой ели, росшей совсем рядом с домом. И тут же с этой ели посыпались пушистые снежинки. Ими же были сказочно выстланы и газоны и дорожки. В темной синеве рассвета Ральф только сейчас разглядел выпавший за ночь снег. "Завтра же Новый год!" — с радостью подумал он, и усталость и раздражение, мучившие его все это время, куда-то начисто исчезли.

Новый год предвещал быть для Ральфа особенным, не таким, какими были все предыдущие прожитые им годы. Ральф уезжал в советскую Россию. И лететь он должен был

сегодня же утром, в загадочную для многих страну, о которой он так много знал, и о которой он почти ничего не знал, и в которой побывал всего лишь миг в дни президентского визита. Он был тогда очарован Москвой и вот теперь уезжал туда на год постоянным корреспондентом своей газеты.

Вчера Ральф позвонил в Москву корреспонденту "Правды" Юрию Колосову, с которым познакомился, когда был в советской столице. Юрий произвел на него тогда очень хорошее впечатление — прежде всего безукоризненными манерами интеллигентного человека и совершенным английским языком. Ральф, видимо, тоже понравился советскому журналисту, который выкроил время проводить Бушнелла в аэропорт.

— Будем поддерживать контакты — сказал тогда при прощании Колосов. "А почему бы и нет?", — подумал Бушнелл. И вот теперь он позвонил в Москву, чтобы по-приятельски, а не официально уведомить корреспондента "Правды" о своем назначении.

— Будем поддерживать контакты? — Ральф спросил Колосова по-русски.

— О, конечно, с удовольствием! — ответил Юрий по-английски. А затем неожиданно для Ральфа пригласил его отпраздновать Новый год в кругу своих друзей.

Ральф какое-то мгновение колебался. Но подумав, принял приглашение. "Мне ведь действительно будут нужны контакты с русскими", — эта мысль тогда подсказала ему решение, и теперь Ральф был попросту рад, что так все произошло. Его ждала совершенно необычная новогодняя ночь среди незнакомых людей в этой далекой морозной Москве.

2

Всю свою жизнь до этого дня Ральф Бушнелл провел в пригороде Нью-Йорка Лонг Айлэнд. До женитьбы он жил в родительском доме, а потом, лет двадцать назад обвенчавшись с Кэрол, купил свой собственный дом. Детей у Ральфа и Кэрол не было, и они довольствовались скром-

ными размерами своего жилища: спальней, рабочим кабинетом Ральфа, небольшой гостиной, соединенной со столовой, и баром, где по викэндам они обычно принимали гостей.

Родители Ральфа уже ушли в мир иной. Во весь рост портреты Николас и Лилиан Бушнелл, написанные еще при их жизни, висели в гостиной, и Ральфу всегда казалось, что отец и мать вечно присутствуют с ним в доме. Ральф очень любил их, в особенности отца, который был для него образцом мужчины. В детстве Ральф во многом старался ему подражать и даже заимствовал от отца манеру неторопливой речи, выражавшей сдержанность и достоинство.

Николас Бушнелл родился в конце прошлого века в Киеве в семье среднего достатка. Отец Николаса был учителем гимназии, а мать играла в местном киевском театре. Как и многие его сверстники из интеллигентских семей, Николас зачитывался марксистской литературой. В те годы это было очень модным явлением в России, и он горел миссионерским желанием освободить всех обездоленных.

Путь этого молодого интеллигента к социализму был скорее эмоциональным, чем практическим, хотя Николас и числился в одном из социал-демократических кружков. За свои увлечения марксизмом он был строго наказан. Отец отказал ему в наследстве, и юноше пришлось оставить занятия в университете. В это время он и познакомился с Лилиан, уговорившей своего жениха бежать в Америку. Обвенчавшись, они так и поступили. Молодая чета пересекла океан и поселилась под Нью-Йорком — в Лонг Айлэнд. Случилось это за пару лет до того, как Ленин произвел в России большевистский переворот.

Со временем Николас разочаровался и в Ленине и в Сталине, но на всю жизнь остался приверженцем левых взглядов. Он почти во всем поддерживал социалистов и прослыл ярым либералом. Ральф иногда присутствовал при спорах отца со своими друзьями о материалистической философии, в которых Николас проявлял себя примитивным догматиком. Но Ральфу это было невдомек, и он с

вожделением слушал неторопливую речь отца. "Ты просто не в курсе дела, — такими словами он часто отвечал собеседникам. — Маркс сказал все, что нужно сказать, а поэтому нечего спорить".

В первое время жизни в Америке Николас зарабатывал продажей конфет в железнодорожных поездах. Но потом он выучился на машиниста и вступил в профсоюз. Там именно Николас и нашел свой новый жизненный путь. В начале тридцатых годов он был уже членом Генерального исполнительного совета всеамериканской ассоциации машинистов. Ральф, конечно, не помнил того времени, но тем не менее, жизненные вехи отца знал хорошо. После смерти Николаса осталось множество различных документов и писем, рассказывавших о бурной карьере Бушнелла-старшего. Ральф, например, очень ценил первую публичную речь отца в поддержку Франклина Рузвельта в период избирательной кампании тысяча девятьсот тридцать второго года. Бушнелл-старший проявил себя тогда страстным поклонником рузвельтского "нью-дил" — новой программы, объявленной будущим президентом страны. После той речи Николас с головой ушел в пропагандистскую кампанию и выступал сторонником Рузвельта во многих городах. Николас чувствовал себя тогда на вершине счастья.

Но в жизни Бушнелла-старшего были и неприятные минуты. В тысяча девятьсот тридцать шестом году в дни очередной избирательной кампании он вновь находился в числе активных сторонников Рузвельта. И вот в самый разгар борьбы за президентское кресло нью-йоркские газеты вышли с аншлагом: "По указанию Москвы коммунисты агитируют избирателей голосовать за переизбрание Рузвельта". Одна из газет прямо задавалась вопросом: "Как долго вы, господин Рузвельт, будете оскорблять избирателей присутствием в списке выборщиков от Демократической партии человека, оказывающего материальную помощь коммунистам Испании?". И далее приводилось имя этого выборщика: Николас Бушнелл. Газета сообщала, что он переправил коммунистам Испании большую сумму денег, взятую из фондов профсоюза.

Николас не любил вспоминать об этой истории и ни разу о ней не рассказывал сыну. Ральф поэтому не мог в точности знать, что же в действительности произошло, хотя факт пересылки денег сам Бушнелл-старший никогда и нигде не пытался оспаривать.

Был ли Николас связан с коммунистами? Ральф нередко задавал себе этот вопрос и всякий раз приходил к выводу, что если и "да", то страшного в этом, в конце-то концов, ничего нет. Отправлял ли Бушнелл-старший деньги по доброй воле, исходя из своих убеждений, или сделал это под чьим-то давлением? Ральф категорически отвергал мысль, что отец его мог быть советским агентом. Но в то же время Ральф готов был оправдать отца, если бы знал, что он стал советским агентом по собственной инициативе, без принуждения, без вербовки, повинувшись только своим личным взглядам.

Бушнелл-младший старался понять мотивы совершенного и получившего тогда широкую огласку поступка отца. Ральф решительно отказывался понимать разницу между тем, что сделал его отец и тем, что сделал, например, известнейший Форд, который помог коммунистам России построить их первый автомобильный завод. Защищая отца в разговоре, возникшем как-то случайно в редакции пару месяцев назад, Ральф приводил и другие примеры: американскую корпорацию Мак-Ки, построившую в те годы для советской России ее самый крупный тогда сталелитейный завод в Магнитогорске, компанию Дженерал Электрик, соорудившую в СССР на реке Днепр гигантскую по тем временам электростанцию "Днепрогэс". Демонтируя свои познания о советской России, Бушнелл-младший ссылался в том разговоре даже на самого Сталина, признавшегося как-то американскому промышленнику Эрику Джонсону, что примерно две трети крупнейших заводов, появившихся в СССР до Второй мировой войны, были построены лишь благодаря американской технической помощи. "И все это произошло в те же самые времена! Что же более предосудительно, — спрашивал Ральф, — помогать коммунистам Испании или коммунистам России?"

Вообще же Ральф придерживался той точки зрения, что

отношения между Востоком и Западом должны прежде всего строиться на коммерческой основе. Торговля, он полагал, является отличнейшей почвой, на которой впоследствии взрастут богатые плоды не только благоприятных для мира политических решений, но и попросту хороших человеческих отношений между обеими сторонами. Ральф любил часто повторять: "Все, что хорошо и выгодно американцу, хорошо и выгодно советскому человеку". И в своих статьях Бушнелл-младший старался убеждать читателей в том, что путь к стабильному миру "выслан в чреве коммерции". Он призывал к взаимному экономическому проникновению. Да, Ральф был сторонником конвергенции и не пытался отыскивать разницу между целями, которые преследуются в экономических системах двух противоположных сторон мира.

Собственно говоря, именно эти взгляды Бушнелла и, вообще, вся его концепция пацифизма и являлись причиной столь длительного конфликта с Алленом Филдом. И вчерашняя их ссора была типичной и похожей, как две капли воды, на все предыдущие. А возникла она из-за пустяка.

Ральф, закончив разговор с Москвой, стал размышлять над тем, как Кэрол отнесется к предложению Юрия Колосова. И незаметно для себя он вдруг проникся сентиментальными чувствами от предвкушения встречи с неизвестной жизнью в Москве. В таком настроении он и решил, повинаясь долгу вежливости, попрощаться с Алленом. Их короткая беседа, протекавшая в довольно-таки корректной форме, подходила к концу. Аллен пожелал уже успешного пути своему коллеге, и тут вдруг Ральф спросил:

— О ком это у тебя статья? — и он кивнул на исписанные листы бумаги, в беспорядке лежавшие на столе Аллена.

— О таких как ты, — то ли всерьез, то ли в шутку отрезал Филд. Ральф нагнулся к столу и разглядел заголовок: "Розовые очки господина Джеральда Эдвардса".

— Не нахожу сходства.

— Ты хочешь, видимо, сказать, что не находишь разницы! — с сарказмом парировал Аллен.

Ральф сдержался:

— Эдвардс порядочный человек и неплохой сенатор. Он опасается наращивания наших ядерных сил в Европе...

— Но зато не опасается наращивания там советских ядерных сил! — перебил Аллен. — Твой отец, между прочим, тоже почему-то не замечал в Испании советские пушки. И ты не лучше его. И ты, мне кажется, замешан на такой же, как и твой отец, чечевично-красной похлебке.

— Довольно! — Бушнелл не выдержал.

— Да, да! Ты и тебе подобные не хотят видеть мир, каким он есть! — уже в дверях прокричал Аллен чуть ли не бежавшему по коридору Бушнеллу.

Ральф заплатил за эту последнюю ссору бессонной ночью и раздражавшей его утренней усталостью. Но вот сейчас он уже чувствовал себя бодрым и даже повеселевшим от одной только мысли, что через каких-нибудь пару часов будет уже лететь над океаном и сможет сказать: "Прощай, Нью-Йорк!"

... Когда Бушнеллы — уже в московской квартире на Кутузовском проспекте — готовились к встрече Нового года в кругу друзей Юрия Колосова, в Шереметьевском аэропорту совершил посадку последний в том году самолет международной авиации, прилетевший из Нью-Йорка. Он привез в Москву Николая Пашутина, еще одного участника истории, которая приключится в наступающем Новом году.

НИКОЛАЙ ПАШУТИН

1

Николай Пашутин прилетел в Москву на день раньше обещанного срока.

Самолет только что зарулил на стоянку, и пассажиры поднялись со своих мест. Высокий, полный, неуклюжий Пашутин тоже начал пробираться вперед. Был у него всего один маленький чемоданчик и, не глядя ни на кого, Пашутин беспрепятственно пронес в нем через таможенный кордон несколько мешочков кокаина и героина и пару сотен тысяч долларов. Ему даже отдавали честь офицеры охраны, а он, не оборачиваясь на них, хозяйской походкой шел к своему лимузину.

Этот огромный, толстый здоровяк был генералом КГБ и являлся крестным отцом подпольной международной организации, торговавшей оружием и наркотиками. Он руководил ею из Москвы, а тайную штаб-квартиру держал в Нью-Йорке. Но обо всем этом знали только его самые близкие подчиненные и высшее партийное руководство страны. Официально же Николай Пашутин занимал пост заместителя министра внешней торговли СССР. Ему было около пятидесяти, и он был полон сил и энергии.

Пашутин немного утомился в пути и с нетерпением ждал горячего душа, а потом и веселого новогоднего застолья в кругу близких друзей. И в предвкушении этого, он мечтательно развалился на заднем сидении машины. А из вечерних сумерек то и дело выплывали навстречу какие-то огни, замысловатые силуэты каких-то зданий, и все

это мелькание представлялось ему началом грандиозного и необозримого праздничного фейерверка. Пашутин даже улыбнулся, и посмотрев на часы, отметил, что до Нового года оставалось всего-то не более двух часов.

Николай Пашутин жил в правительственном доме на набережной Москва-реки недалеко от Кремля. Его лимузин уже пересекал Большой Каменный мост, и Пашутин даже смог разглядеть яркий свет в своей спальне на девятом этаже. "Что она там делает?" — подумал он о жене. Пашутин давно разлюбил ее, а в последнее время стал ненавидеть. Арина пила и в дни запоя была совершенно невыносима.

Лимузин остановился у подъезда. Пашутин вышел из машины, и в лицо ему сразу же ударил пронзительный ветер. Пашутин поспешил в дом.

Лифт доставил его на десятый этаж, и привычным движением ключа он открыл входную дверь. В коридоре свет не горел, зато вдали из-под двери спальни пробивался полоской луч. И оттуда же раздавался пьяный голос жены. Пашутин прислушался и понял, что Арина была не одна.

Пашутин сделал несколько бесшумных шагов вперед, и тут до него отчетливо донеслись слова:

— Ты знаешь, кто мой муж? Ты ничего не знаешь! — Арина была очень пьяна.

— Ну, хватит! Ложись! — мужчина был тоже пьян, и Пашутин это сразу понял.

— Мой муж с вождем на ты! Он ему из-за границы доллары возит! Ясно? — Пашутин услышал ее неровные шаги, а потом она опять взвизгнула. — Вот, смотри! Что это? Ты знаешь?

Пашутин отпрянул от двери. Ему стало ясно, что происходило в спальне. Пашутин быстро прошел в свой кабинет и взял револьвер.

— Ну, ляжешь же ты, наконец?! — опять услышал Пашутин, когда вернулся к спальне. Ему показалось, что мужчина встал с постели. Пашутин рванул дверь.

— Это же героин, болван! — Арина была невменяема и держала в руках маленький, величиною с кулак, мешочек. Она была нага, и с ней рядом стоял голый мужчина. Он

тут же отшатнулся назад, а Арина исступленно выкатила глаза.

Пашутин вплотную подошел к жене и выстрелил ей в висок. Мужчина бросился на пол, но вторая пуля догнала его там, угодив в затылок.

Пашутин вздохнул с каким-то надрывом. Он был бледен. Какое-то мгновение он неподвижно стоял. Потом подобрал мешочек героина, валявшийся на полу. Порылся в шкафу и достал еще какой-то кулечек и толстую пачку долларовых банкнот. Вышел из спальни и сложил все это в свой дорожный чемоданчик. Потом опять вернулся в спальню и подбросил к труп Арины пистолет. Пашутин осторожно вышел из квартиры и, не вызывая лифт, пустился по лестнице вниз.

Он выбежал на мороз и встал как вкопанный у подъезда. Напротив него за Большим Каменным мостом горели рубиновые звезды Кремля. Они показались ему повисшими в предновогоднем московском небе и светившимися в ночной черноте почему-то ярче обычного.

Кремлевские куранты пробили одиннадцать. Пашутин вздрогнул. Нужно было срочно что-то предпринимать. Стоять у подъезда было бессмысленно и опасно. Пашутин боялся встречи с любым из соседей и не хотел, чтобы в доме знали о его возвращении.

В дорожном чемоданчике Пашутина находилось теперь около двух килограммов героина и почти столько же кокаина. Там было и несколько сот тысяч долларов. Почти все это он привез сегодня из США, и чемоданчик нужно было спрятать немедленно. Но где? Куда бежать? Пашутин сплюнул и быстро зашагал через двор в противоположную от набережной сторону. Он вышел на улицу Се-рафимовича как раз возле гастронома, где на его удивление стояло несколько такси, хотя и народ толпился тоже. Пашутин открыл дверцу первой же к нему машины.

— Встань в очередь! — огрызнулся шофер.

— Заплачу! — грубо прервал его Пашутин и захлопнул за собой дверцу машины. — На Алексея Толстого! Живо!!

Там, на Алексея Толстого, в доме, принадлежавшем ЦеКа, жил его близкий друг Анатолий Горбунов. Ему Пашутин не испугался доверить свою судьбу.

Такси неслоь через ночную Москву, и уже не было видно дома на набережной. Пашутин увозил его тайну и надеялся скрыть ее до конца.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

1

До наступления Нового года оставалось совсем мало времени. Диктор московского телевидения еще раз напомнил о традиционном предпраздничном выступлении перед телезрителями главы партии и государства. Потом диктор сказал, что в полночь начнется тоже ставший традиционным концерт звезд эстрады и театров.

Виктор выключил телевизор.

Нина, его жена, гладила на кухне свое лучшее платье. Потом она прибежала в комнату и стала одеваться. Виктор терпеливо ждал ее. Он стоял к ней спиной и в задумчивости смотрел в окно, где все было так привычно. И фонари горели так же, как и вчера — тускло и противно. Улица была безлюдна. Лишь возле автобусной остановки, поеживаясь от резкого ветра и колючего снега, шедшего уже целый день, толпились люди. Вот возле них, поджав хвост, пробежала какая-то собака. Виктор посмотрел ей в след, и внезапная мысль поразила его: "А я ведь такой же бездомный, как и она". Виктору стало не по себе, и он повернулся к жене. Ему вдруг показалось, что видит перед собой совершенно незнакомого и далекого человека, хотя он и ощущал ее близость всем своим существом.

Нина стояла в комбинации всего в двух шагах от него и что-то искала в шкафу. Неожиданно для себя Виктор испытал неведомое ранее чувство неприязни к ее голым ногам и высокому бюсту. Ему даже доставила удовольствие мысль, что Нина, быть может, не такая уж и краси-

вая, какой ее многие считают, и что именно этот высокий бюст портит ее фигуру. Виктор с удивлением подумал, что прожил с этой женщиной почти двадцать пять лет.

Виктор и Нина были знакомы с детства. Жили в одном доме на улице Кирова, ходили в одну школу, вместе учились на историческом факультете Московского университета. Закончили его и поженились. Нина пошла работать учителем в школу, а Виктор, защитив диссертацию, стал читать лекции в университете. Он был членом компартии, и карьера его складывалась благополучно. Вскоре Виктор был приглашен в Институт международного рабочего движения. Этот Институт считался более престижным, чем столичный университет, и Нина, при случае, всегда с подчеркнутым достоинством называла место службы своего супруга.

Институт международного рабочего движения или, как его сокращенно называли, "ИМРД" — был особым институтом. Формально он считался научным учреждением, даже входил в состав Академии наук СССР. Но за скромной вывеской — "ИМРД" — скрывалось нечто совсем другое. На деле институт этот был одним из стратегических центров внешней политики, и подлинным его хозяином являлась не Академия наук, а международный отдел Центрального Комитета КПСС...

Диссертация Виктора была посвящена истории современной политики христианских демократов Италии. И в институте эта страна оставалась объектом его дальнейших интересов. Несколько раз ему поручались поездки в Италию. Он выезжал туда как представитель советского академического учреждения, и это открывало перед Виктором доверчивые сердца итальянцев. В международном отделе ЦК всегда оставались довольны его отчетами, и Виктор состоял в списке так называемых "выездных" сотрудников института.

Нина была тщеславна, и ей очень льстили зарубежные поездки мужа и его положение, но она все чаще думала о том, что Виктору пора бы уже подняться еще на одну служебную ступеньку. Она знала, что почти каждый год кто-нибудь да и перебирался из ИМРД на Старую Площадь,

где теснились серые здания Центрального Комитета. В последнее время Нина только и мечтала о том, чтобы на вопрос "где работает ваш муж?" ответить: "На Старой Площади".

Нина, как и Виктор, тоже была членом компартии, но она совершенно не интересовалась политикой и партийными делами, по существу безразлично относясь ко всему, что называлось марксизмом-ленинизмом. Однако же, она была не безразлична к другому — к преимуществам, которыми обладал класс высшей партийной элиты. И Нина не скрывала от Виктора своей откровенной зависти к Рае, жене Анатолия Горбунова, работавшего в международном отделе ЦК КПСС.

А жизнь у Раи была действительно превосходной. Оклад ее мужа, как и у всех партийных сановников высшего звена партии, превышал всякие разумные пределы. Но руководство партии этим вовсе не смущалось и даже не думало отменять издавна введенной практики дополнительных вторых окладов для своих ближайших помощников. Эти вторые оклады не облагались налогами, с них даже не взымались партийные взносы. Руководство партии платило своим высокопоставленным единомышленникам наличными, которые выдавались им ежемесячно в пакетах за сургучной печатью. Денежный пакет оказывался толще у того, у кого пост был повыше. А пост Анатолия Горбунова звучал весьма убедительно — консультант международного отдела ЦК КПСС по США. Таким людям, как он, полагались, кроме всего прочего, и бесплатные продуктовые пайки. Их также выдавали ежемесячно, и стоять в очереди за ними было не надо. Бесплатные пайки дефицитных продуктов доставлялись на дом. Оставалось только одно — кушать и наслаждаться жизнью.

Нина иногда горько шутила:

— Ты, Рая, уже в коммунизме! Все вокруг — народное, все вокруг — твое!

В таких случаях Рая отвечала тоже шутками, прекрасно понимая, что то, что доступно ей, недоступно даже ее подруге, муж которой работал в таком близком к ЦК КПСС институте. У Раи хватало такта на то, чтобы лишний раз не дразнить Нину рассказами о своих бесплатных поездках

за границу или на принадлежавшие ЦК партии лучшие курорты страны. Рая знала, что Нину в такие места попросту не пустят, как не пустили ее однажды в закрытый магазин ЦК. В тот раз они вместе приехали в этот магазин, и вызванный Раей из гаража ЦК КПСС лимузин остановился тогда прямо возле ворот у высокой ограды на улице Грановского. Рая прошла в эти ворота, у нее был особый пропуск, а у Нины, разумеется, он отсутствовал, и встретивший их человек в военной форме сухо сказал:

— Вам, гражданка, вход сюда запрещен.

У Раи не было детей, и они вдвоем с мужем жили на улице Алексея Толстого. Это был один из лучших районов Москвы, некогда застроенный старинными особняками и домами с колоннами и лепниной. Теперь здесь высились современные, добротные и красивые здания. Улица Алексея Толстого считалась одной из самых фешенебельных в столице.

Здесь, в этих недавно выстроенных роскошных домах, жили только семьи членов Политбюро и высокопоставленных сановников ЦК КПСС. Улица круглые сутки охранялась усиленными нарядами милиции и людьми в штатском из 9-го Управления КГБ. Вооруженная охрана находилась и в каждом подъезде каждого дома. Всегда, когда Нина приезжала в гости к Горбуновым, у нее трепетало сердце при виде этих молчаливых людей, и она испытывала унижительное плебейское чувство какой-то неполноценности. И Нина не желала больше знать этого унижительного состояния и не хотела больше жить так, как жила. Она старалась навсегда забыть те годы, которые прожила с мужем и сыном в одной комнате коммунальной квартиры, где была общая кухня и общая уборная. Она возненавидела и свою новую квартиру, наконец-то выхлопотанную Виктором совсем недавно, и в которую она с мужем переехала всего пару недель назад.

Они жили теперь на окраине Москвы, застроенной однообразными белыми домами, где по вечерам было опасно выходить на улицу: могли ограбить, избить, изнасиловать. Да и квартира их была вовсе не такая, как у Горбуновых — без импортных обоев, без импортной розовой ванны и

такого же унитаза. И была эта квартира не из трех комнат, как у Раи, а всего-то из одной, служившей и спальней и столовой. Правда, это была уже не коммунальная квартира, и собственная кухня и собственная уборная как-то скрашивали неудобства. И Виктору нравилось их новое жилье. А вот у Нины всякий раз, когда она возвращалась домой, портилось настроение.

Нина, конечно, понимала, что в таких же условиях, а то и хуже, находились и многие бывшие коллеги Виктора по университету, и его сегодняшние коллеги по институту, и миллионы других, чьи судьбы оказались отличными от судьбы Горбунова и его избранных каким-то богом партийных соратников. Но ей не было дела до этих миллионов, и она не имела ни малейшего желания больше оставаться в их сословии, а желала жить среди той горсточки людей, которые обитали на улице Алексея Толстого. В минуты своих завистливых раздумий Нина попросту ненавидела Раю, тонконогую невзрачную выскочку, и даже своего Виктора, ничего по ее мнению не делавшего для того, чтобы попасть в "нормальное человеческое общество". В ее устах эти слова означали общество партийной элиты, к которому всей душой стремилась она сама и к которому почему-то не стремился ее муж.

Сегодня Нина была чем-то особенно раздражена и перед тем, как пойти на кухню гладить свое лучшее выходное платье, она опять затеяла с Виктором разговор о их будущем.

— Ты что, хуже Горбунова? — язвительно бросила она ему в лицо.

2

Анатолий Горбунов тоже жил когда-то в одном с ними доме на улице Кирова и учился с ними в одной школе. Анатолий всегда был хорошим учеником, всегда аккуратно одевался и выделялся не свойственной его сверстникам холодной учтивостью не только с одноклассниками, но и с учителями. Это придавало ему какую-то солидность, он выглядел взрослее своих лет, и Нина симпатизировала

ему. Иногда Анатолия подвозил к школе его отец, работавший в Центральном Комитете Компартии. Все видели тогда, как школьные учителя с подобострастием раскланивались с ним, и как с завистью школьники поглядывали на Анатолия, выходящего из отцовского лимузина.

А вот Виктору, его однокласснику, никто и никогда не завидовал. Правда, Виктор учился неплохо, все предметы давались ему легко, но благосклонностью учителей он не пользовался: не отличался учтивостью в обращении с ними, всегда одевался в какие-то уже поношенные вещи и не имел такого, как Анатолий, отца. Родители Виктора погибли во Второй мировой войне, и он воспитывался у бабушки, которая почему-то никогда не произносила при нем таких слов как "Революция" или "Ленин".

Нине тогда казалось, что Анатолий разделяет ее симпатии, но в один прекрасный день он перестал ходить в ту школу, где они оба учились. Отец Анатолия получил квартиру в новом доме, и семья Горбуновых переехала в другой район Москвы. Их связь оборвалась и возобновилась лишь когда муж Нины стал работать в ИМРД. Впервые после стольких лет Виктор неожиданно встретил Анатолия в туалете пятого этажа здания ЦК КПСС, на котором размещался международный отдел.

— Ты что тут делаешь? — изумился Горбунов.

— Не видишь? — расхохотался Виктор.

— Я имею в виду... Ты как к нам попал? — пыхтел изрядно растолстевший Анатолий.

— К вам? — съехидничал его бывший одноклассник, но сразу же осекся. — Я тут по делам. Я ведь теперь в ИМРД.

После этой их встречи Виктор не проявил никакого желания возобновить со своим прежним школьным товарищем какие-нибудь отношения. "Мы с ним разные люди", — говорил он Нине. Но она тогда сама проявила инициативу и попросту напросилась в гости к Горбуновым. Рая оказалась радушной хозяйкой, и с тех пор началась, казалось, искренняя дружба этих двух семейств.

Однажды Нина и Виктор с удивлением увидели в доме Горбуновых давно ими забытого бывшего соученика Юрия Колосова. В те далекие годы учебы его никто всерьез не

воспринимал. Юра был настоящим шалопаем, часто прогуливал уроки, плохо учился и мало кто в школе дружил с ним. Но вот теперь он был в доме Горбуновых, и перед Ниной и Виктором стоял совсем неузнаваемый Юрий Колосов: степенный, элегантный человек с очаровательной, но, как показалось Нине, несколько грустной улыбкой. Юрий принял у нее пальто с той изысканной галантностью, с которой она уже давно не встречалась. Однако же, Нину и Виктора больше всего поразило другое — бывший школьный шалопай был теперь корреспондентом иностранного отдела "Правды".

Потом они часто виделись с Юрием Колосовым у Горбуновых. В один из таких дней, было это вскоре после того, как Нина и Виктор переехали с улицы Кирова в свою новую квартиру, Юрий предложил отпраздновать у них Новый год.

— Заодно и новоселье обмоем, — сказал он.

Идея всем понравилась, и тогда же возникла мысль пригласить на новогоднее торжество еще кого-нибудь из старых школьных друзей.

Виктор тут же вспомнил об Олеге Раковском, у которого было школьное прозвище "математик". Олег действительно увлекся тогда математикой и избрал ее основным предметом, когда поступил в университет. В те годы Виктор часто встречался с Раковским. Олег imponировал ему незаурядным мышлением и порой очень смелыми суждениями о происходящих вокруг событиях. Олег защитил диссертацию в том же году, что и Виктор, а потом куда-то внезапно исчез. В университете говорили, что он, якобы, уехал в Сибирь и работает там в каком-то секретном институте. Но однажды до Виктора дошли слухи, что Раковский вовсе и не уезжал в Сибирь, а, как и прежде, живет в Москве и работает в Комитете государственной безопасности. Шло время, и Виктор стал уже забывать о своем прежнем товарище, как вдруг он объявился. Позвонил в одну из суббот и как ни в чем не бывало пригласил в гости. На первые вопросы Виктора, где же он пропадал все это время, Олег шутя отвечал:

— По заграницам шастал. Потом как-нибудь расскажу. К тому времени, когда Олег объявился вновь, он, буду-

чи офицером КГБ, работал в Государственном комитете по науке и технике и занимал там хорошую должность. Какую именно, Виктор не допытывался, но знал от Олега, что в его непосредственные обязанности входило участие в переговорах с иностранными делегациями и частые поездки за границу, в основном, в США. Виктор догадывался, что работа Раковского так или иначе имела отношение к секретности, а поэтому не пытался даже интересоваться, было ли правдой то, что Олег связан с КГБ. Эта подробность не имела для Виктора никакого значения, ибо он продолжал благоволить к своему школьному приятелю, подкупавшему его теперь небывалой ранее откровенностью. И Виктор полагал, что Олег, пожалуй, тот единственный из кандидатов в новогоднюю компанию, с которым ему будет по-настоящему интересно.

В числе приглашенных оказался и Миша Дудин — "тихоня", как дразнили его в школе. Но он был тогда общим любимцем, и как все считали, самым умным и самым послушным в классе. Сейчас же, однако, никто толком-то и не знал, как протекала жизнь у этого "тихони" в прошедшие после окончания школы долгие годы. И, наверно, никто бы о нем и не вспомнил, если бы не Рая.

— А как вы насчет Дудина? — спросила она скорее из любопытства узнать, помнят ли о нем его бывшие соученики, чем из-за действительного желания пригласить на новогоднее празднество.

Первый раз в жизни Рая увидела Мишу Дудина всего месяц назад. Случилось это в театре во время антракта. Она прогуливалась в Анатолием в фойе, когда к ним подошел высокий худощавый мужчина с седеющей шевелюрой и в толстых роговых очках. Он поклонился Рае и протянул руку Алексею:

— Здравствуй, как поживаешь? — заговорил он тихим, вежливым голосом.

Горбунов вскинул на незнакомца ледяной взгляд. Еще секунда, и он прошел бы мимо протянутой руки. Но что-то заставило его остановиться, от напряжения Анатолий даже побагровел, и белый накрахмаленный воротничек сорочки впился ему в шею.

— Ах, да... разве это ты, Дудин?! — наконец-то вырвалось у него.

Вспыхнувшее оживление от неожиданной встречи быстро погасло и уступило место настороженности: а кто же он теперь, этот Дудин. Анатолий мерил взглядом стоявшего рядом человека в простеньком костюме и начинал понимать, что теперь он с ним, конечно, не пара, и Горбунов ощутил какую-то неловкость в разговоре. А Миша, между тем, уже успел рассказать, что очень любит ходить в театр и что работает инженером на автозаводе имени Лихачева. Антракт быстро закончился и, обменявшись телефонами, бывшие школьные друзья разошлись. Но несколько дней назад Миша позвонил по телефону и пригласил Горбуновых в театр. Анатолий, конечно, наотрез отказался, и Рая тогда вежливо сказала:

— Как-нибудь в другой раз, Миша. Звоните, не пропадите.

И вот теперь она вдруг ни с того, ни с сего с едва уловимым оттенком иронии вспомнила о Дудине.

— Ну, а что, — неожиданно отреагировал Колосов, — пусть приходит.

Горбунов не стал возражать, только пожал плечами, и никто не сказал "нет". Дудин был приглашен на новогоднюю ночь.

Все последующие дни Нина находилась в возбужденном и даже в восторженном настроении от одной только мысли, что наконец-то Горбуновы побывают у нее в доме. Анатолий был для нее равнозначен генералу на свадьбе. Но и остальные — Колосов и Раковский — вполне соответствовали ее взглядам на то общество, в котором она была не прочь находиться всегда. Дудин же не принимался ею в расчет, он просто отсутствовал в ее воображении, рисовавшем тот сладостный момент, когда в канун новогодней ночи к подъезду дома начнут по очередности съезжаться черные лимузины ее именитых гостей. Она представляла себе удивленные и завистливые лица соседей, которые будут через окна подсматривать, к кому же направляются такие представительные, хорошо одетые, почтенные люди. Все эти дни Нина не расставалась со своими грезами, доставляв-

шими ей маленькие житейские радости. Они заполняли ее скудную духовную жизнь, и Нина была почти счастлива.

Но вот вчера поздно вечером произошло нечто для нее ужасное. Позвонил Юрий Колосов и сообщил, что встреча нового года переносится в другое место.

— Куда? Что случилось?! — Нина была убита его словами.

Юрий объяснил, что в Москву приезжает его хороший знакомый, известный американский журналист, который уже приглашен с женой на их новогоднюю вечеринку.

— У тебя, Нина, очень тесно, понимаешь! Ну, и не тащить же в такую дыру американца. Соберемся у моей подруги в самом центре, на улице Горького, у нее две огромные комнаты, мебель-люкс... Не переживай! — успокаивал Колосов. — Все согласны.

— И Горбунов?

— И Горбунов! — соврал Колосов, хотя на самом деле Анатолий заявил категорически "нет".

Нина даже и не подозревала, что только сегодня Горбунов изменил свое решение, предварительно получив разрешение своего начальства находиться в одной компании с американским журналистом. Но для Нины оказалось достаточным и того, что сказал Колосов о ее квартире. Она почувствовала себя такой униженной и несчастной в своем убогом жилище, что ей расхотелось вообще куда-либо идти, и Нина пыталась даже свыкнуться с мыслью, что просидит в своей дыре всю новогоднюю ночь.

Виктор же никак не реагировал на состояние жены, и это его безразличие окончательно вывело Нину из себя. Почти за час до наступления Нового года она сорвала на нем свое раздражение. Нина упрекала Виктора за все ее переживания и за всю ее дурацкую и скотскую жизнь. Она обвиняла его в легкомысленном отношении к семье и в полнейшей импотентности сделать настоящую карьеру. Говорила Нина резко, грубо. Но тут вдруг какая-то мысль внезапно оборвала ее на полуслове, и Нина бросилась на кухню гладить свое лучшее выходное платье.

— Да, ты не Горбунов! — прокричала она оттуда.

Короткая из черного шелка юбка подчеркивала красоту ее высоких ног. Этой обольстительной блондинке, подруге Колосова, было, вероятно, около тридцати лет.

— Рита, — называла она себя, встречая гостей, и улыбка расплывалась на ее чувственных губах.

Квартира у Риты была действительно превосходная. На стенах висели тяжелые, высокие ковры, блестели лакированные паркетные полы, в двух больших комнатах стояла современная, очень удобная мебель из красного дерева и натуральной кожи. А стол уже был сервирован хрустальной посудой и ломился от яств.

Кэрл и Ральф прекрасно чувствовали себя в этой уютной квартире среди незнакомых людей и откровенно выражали восторг и удивление обилию выставленных закусок.

— Зачем так много? — смеялся Ральф, разводя возле стола руками.

— Мы будем просить "догги бэг"! — смеялась Кэрл.

Смеялся с ними и Колосов.

Однако, кроме них, никто из гостей не был так оживлен и праздничен.

А причиной тому была незваная гостья. Она сидела сейчас на мягкой кушетке, стоявшей в самом углу комнаты возле окна, и смущенно поглядывала по сторонам. У нее были длиннющие ресницы, крупные черные глаза и такие же черные прямые волосы, спадавшие на плечи. Ее звали Мария Моретти.

Марию привезли с собой Раковские. О Марии они никого не предупреждали, и появление нежданного и совершенно незнакомого человека произвело впечатление даже и на абсолютно уравновешенного и несколько флегмантичного Мишу Дудина.

— Этого еще не хватало! — вырвалось у него, когда Олег Раковский представлял Марию хозяйке дома. Правда, Миша очень учтиво поклонился пришелице, но потом тут же присел на краешек дивана к своей жене Елене, полной миловидной брюнетке, и стал с ней о чем-то шептаться.

Горбунов же, услыша представление Раковского, не

пожелал даже поздороваться с Марией. Он немедленно вышел на кухню. Со злости выпил там большую стопку водки, и полное лицо его сразу же покраснелось. Он развязал галстук и с выпяченным животом начал ходить взад и вперед по кухне, о чем-то сосредоточенно думая.

В его голове был сейчас сплошной сумбур. До этого мысли Горбунова неотступно возвращались к внезапному ночному визиту Пашутина и его ужасающему рассказу. По дороге к дому Риты Горбунов никак не мог освободиться от запавшего в память безумного, отчаянного взгляда Пашутина. Горбунов вспоминал дорогой, как Пашутин выпил стакан водки, как только после этого успокоился, обмяк и согласился сейчас же идти спать. Он почти тут же заснул, развалившись на диване в гостиной, и вот с тех пор Горбунов не переставал думать о происшедшем, все это время он находился в каком-то нервном состоянии. А приход Марии окончательно вывел его из равновесия. Горбунов налил себе еще одну стопку и тут услышал, как в соседней с кухней комнате Рая разговаривала с Наташей, женой Раковского.

— Зачем вы привезли ее? Зачем? — Рая еле сдерживалась. Она вскинула руки вверх, словно обращалась к Всевышнему, и ее худенькая фигурка дрожала. — Это ужасно! Как вы могли... подсунуть эту иностранку? — Чудовищно! Анатолий не имеет права на частные встречи с иностранцами...

— Олег тоже не имеет права, — перебила ее Наташа. — И ему пришлось получать разрешение у начальства на встречу с этим Бушнеллом. А ты думаешь, Дудина по головке погладят, если узнают, что он с американцем водку пил! Нам всем не доверяют встречаться с иностранцами. Таковы порядки. Но сегодня мы не могли оставить Марию. Не могли!.. Она позвонила перед самым нашим отъездом... Она так одинока в Москве, так несчастна! Мы же люди, Рая! Да, в конце-то концов, она же коммунистка, черт побери! Кого испугался твой Анатолий? Кого?

— Она же иностранка! Пойми ты это, Наташа! — и Рая опять вскинула руки вверх. — И Анатолий не ее боится, а...

Звонок в дверь прервал Раю, и Горбунов с облегчением

вздыхнул. А тем временем Рита уже бежала встречать последнюю пару — Нину и Виктора Быстровых. Не успела за ними хлопнуть дверь, как настенные часы пробили без четверти двенадцать.

— За стол! — хозяйка стала созывать гостей, и те молча и нехотя начали рассаживаться вокруг обилия хрусталя и деликатесных закусок.

Колосов же взялся разливать шампанское, но его остановил диктор московского телевидения, объявивший о начале предновогоднего выступления главы партии и государства. По экрану пробежали какие-то серые полосы, и вслед за ними появилась картинка вождя. Колосов поставил бутылку.

— Ты, что? — усмехнулся Виктор. — Наливай!

Его слова повисли в воздухе, и все стали слушать записанное на пленку выступление. Оно было о больших победах международного коммунизма, о крупных победах коммунистического строительства в СССР и о недостатках, которые имелись в этом строительстве. Всю вину за недостатки в своей собственной стране глава партии и государства возложил на США и, вообще, на страны Запада. Он ни словом не обмолвился о том, как советские люди будут жить в новом году, но зато пожелал им еще больших успехов в борьбе за коммунизм во всем мире и призвал наполнить бокалы. Картинка вождя исчезла с экрана, заиграла веселая музыка, и насупившийся Горбунов поднялся произносить тост.

— За партию, за ее вождя! — и он залпом осушил доверху налитый бокал.

— И за Новый год! — добавил Виктор.

Все встали и чокнулись. Шампанское было выпито, и гости принялись за еду. Мужчины затем без тоста налили себе водку и потом молча поставили пустые рюмки на стол.

Постепенно застолье расслабляло людей, и никто больше исподлобья не поглядывал на Марию Моретти, и даже Горбунов уже не косился в сторону Олега Раковского, которого он поначалу попросту обругал самыми грязными словами. Но первым молчание и общее напряжение попы-

тался разрядить Миша Дудин. Он произнес, как всегда, тихо и вежливо:

— Нас сегодня тринадцать. Говорят, это несчастливое число. Но я в это не верю. Я не хочу, чтобы мы стали несчастливыми. Я хочу, чтобы нам всегда было хорошо. Я предлагаю в том же составе встретиться за праздничным столом в следующую новогоднюю ночь! Пусть тринадцатое станет нашим счастливым числом!

— Bravo! — закричала Рита, сидевшая между Ральфом и Колосовым. — Bravo! — повторила она, и близко придвинувшись к Ральфу, шепнула, — давайте выпьем!

Рита и до этого как-то чересчур уж близко придвигалась к Ральфу, но он каждый раз вежливо отодвигался, не рискуя навлечь на себя каких-либо двусмысленных подозрений. Теперь же он ощутил ее теплое дыхание и не изменил позы от прикосновения обнаженного плеча.

— Давайте выпьем! — поддержал он Риту.

Потом были танцы. Кэрол кружилась в вальсе с Юрием Колосовым.

— Кто эта женщина? — спросила Кэрол, показав взглядом на Риту.

— Она вам нравится? — Юрий хорошо танцевал, легко увлекая партнершу. Он широко улыбнулся. — Она моя подруга. Я ведь все еще холостой.

Олег танцевал с Наташей. Он был высок, худощав, гладко причесанные волосы открывали его высокий лоб. Наташа еле доставала до плеча мужа и с настороженностью всматривалась ему в глаза.

— Ты что хандришь?

— Я? С чего бы это? — Олег отвечал по возможности бодро, хотя в действительности выглядел грустным, и выражение глаз выдавало его — он смотрел куда-то в пустоту и, казалось, мысли его находились где-то далеко, далеко.

Олег, вообще, изменился за последнее время. Он стал раздражителен и молчалив, завел манеру просиживать вечера за телевизором, тупо уставясь в экран. Наташа не решалась на разговор с ним о причинах такого настроения. Она просто не хотела причинять ему огорчений своими расспросами ибо считала, что все эти переживания каким-то образом

связаны с его предстоящей поездкой в Нью-Йорк. Но сейчас ее вопрос вырвался невольно, и Наташа впервые почувствовала тревогу за мужа.

В перерыве между танцами Виктор что-то сказал Олегу, и они, взяв со стола недопитую бутылку водки, удалились на кухню.

— Где ты раздобыл эту очаровательную итальянку? — спросил Виктор, разливая водку в маленькие граненые стаканчики.

— Понравилась? — кажется, впервые за этот вечер Олег улыбнулся и как-то загадочно произнес: — Она действительно хороша и несчастна...

— Все мы несчастны, — Виктор поставил на стол выпитый стакан. — Я видел сегодня заблудшую собаку. Она была продрогшая и куда-то бежала. А куда? Думаешь, она знала? Думаешь, мы знаем куда бежим? Черта с два! Все мы такие же продрогшие, как та собака, и такие же, как она, несчастные и заблудшие...

— Ты не пьян?

— Ни в одном глазу!

А в гостиной продолжались танцы. Из кухни видно было, как Нина, прижавшись к Горбунову, что-то говорила ему на ухо, и, как ее партнер, неуклюже расставляя ноги, сбивался с ритма музыки. Виктор закрыл кухонную дверь.

— Так вот, мне показалось, что я такой же бездомный, как та собака. — Виктор закурил и глубоко затянулся. — С Ниной я уже давно не нахожу общих интересов. Мы стали чужими. — Виктор говорил медленно, стараясь подобрать лишь самые важные для него слова. — Что же остается у меня? Сын? Его отняли! Ты знаешь, что его забрали в армию. Что еще у меня есть? Работа? А она — свирепая, тупая дичь! Мы изобретаем ханжество, лицемерие, вдальблываем в сознание людей духовное убожество. Как мне надоело — думать одно, а делать другое!

— Ну, и прорвало тебя! — Олег с удивлением посмотрел на Виктора.

— Знаешь, все у меня внутри лопнуло, как созревший нарыв, прорвало именно сегодня, когда я очень остро ощутил свое бездомство, когда мне показалось, что я потерял-

ся где-то в крошечной пустоте. А ведь вокруг нас, действительно, пустота! Куда от нее сбежать? Куда скрыться? Когда тебе пятьдесят, себя уже не переделать.

— Не переделать? Ты так считаешь?

— А почему ты об этом спрашиваешь? — Виктор настоялся.

— Видишь ли, не ты один... — Олег на какое-то мгновение задумался, видимо, решая продолжать ли свою мысль, и тут вдруг неожиданно для Виктора изменил весь ход разговора. — А не познакомиться ли тебе поближе с Марией Моретти?

— Зачем? — рассмеялся Виктор.

Олег рассмеялся тоже, и к нему, кажется, стало возвращаться его обычное самообладание. Куда-то пропала нахмуренность, и взгляд уже выражал присущую ему уверенность.

— У тебя с Марией много общего. Да, да! Ну, а что касается твоего скептицизма, то... переделывать себя, Виктор, еще не поздно!

— Тебя что — тоже прорвало?

Олег погасил сигарету и сделал вид, что не расслышал Виктора.

— Давай-ка, еще выпьем!

Он налил в стаканчик водку.

— Тебе что-то говорит фамилия Марии — Моретти?

Виктор пожал плечами.

— Ты помнишь Марио Моретти, вожака "Красных бригад"?

— Конечно!

— Мария его сестра. Она тоже была в "Красных бригадах". Ох, какой была она тогда отчаянной! Ей ничего не стоило убить человека! Она же замешана и в похищении Альдо Моро!

— Ну, а в Москве она как оказалась? — Виктор не скрывал удивления.

— Когда итальянская полиция арестовала ее брата, Мария бежала в Западную Германию. А там ее и схватили, и она ждала суда в берлинской тюрьме. Летом прошлого года наши агенты помогли Марии бежать в Восточную Германию,

а оттуда мы переправили ее в Чехословакию, в Карловы Вары. Там, ты знаешь, есть наша школа подготовки террористов.

— Да, я знаю, — Виктор встал со стула. Он был среднего роста, слегка сутулый, с подвижным выразительным лицом. — Ну, а что же дальше?

— В Карловых Варах Мария прошла курс обучения, а потом ее переправили в Москву. Ее обучали подрывной тактике здесь у нас, под Москвой...

— В Ховрино?

— Да. Ну, а сейчас Мария учится в институте Патриса Лумумбы. Из нее хотят сделать идеологического вожака "Красных бригад".

Виктору казалось, что хмель покидает его, что все у него внутри напряглось от неожиданного рассказа Раковского. А Олег продолжал:

— Никто, кроме руководства КГБ, не знает подлинной истории Марии. Официально она — итальянская коммунистка, но Мария живет здесь под вымышленной фамилией, и только сегодня она решилась раскрыть нам с Наташей свою тайну и сказать свое настоящее имя.

— У всех сегодня что-то произошло, что-то происходит, что-то произойдет! — с какой-то нервозностью Виктор доставал очередную сигарету. — Ну, а с Марией-то что произошло? Почему и ее прорвало сегодня?

— Это сложный вопрос. Вот и ты самому себе не можешь ответить, куда идти и что делать дальше! И ты себя чувствуешь в крошечной пустоте. И у Марии похожее состояние. Я говорил, у вас много общего.

— Ты давно ее знаешь?

— Несколько месяцев. Здесь у нее — ни друзей, ни знакомых. Мы с Наташей — единственные люди, с которыми она общается. А сегодня у Марии было такое состояние, что мы, честно говоря, боялись оставить ее одну...

Внезапно кухонная дверь отворилась, и в ней появился захмелевший Миша Дудин. Он был без очков, он улыбался, широко раскинув руки:

— Черти полосатые! Вы что тут затворничаете? Без вас дамы скучают!

— Неправда! — Олег громко рассмеялся, будто и не было у него с Виктором такого напряженного и долгого разговора. — Неправда! — повторил он, взглядом показывая на веселящиеся пары. Горбунов танцевал с Ниной, Ральф — с Ритой.

... Новогодняя ночь подходила к концу, и все выглядели немного уставшими. Усталой казалась и радиола, беспрерывно игравшая вальсы, танго, фокстроты и даже рок-н-рол. Гостями были уже вызваны лимузины, и все, распрощавшись с хозяйкой, вышли на улицу. Чуть брезжил рассвет. Снег перестал валить, но тяжелые клочковатые тучи все еще плыли над городом. Было зябко и противно. Первым пришел лимузин Юрия Колосова, и он тут же укатил на нем, захватив Ральфа и Кэрол...

Колосов не вернулся к Рите. Высадив Ральфа и Кэрол возле их дома на Кутузовом проспекте, Юрий прямым ходом поехал к себе домой. Не снимая пальто и шапки, он сразу же позвонил Рите.

— Ну, что? — голос его был сух.

— Кажется, клюнул, — сонно ответила Рита. — Но американец твой трусоват.

— С первых встреч, я тебе говорил, далеко не заходи! — на всякий случай Колосов еще раз проинструктировал ее.

— Не учи меня, как надо обращаться с мужчинами...

— Выполняй то, что тебе приказано! — Колосов зло ее перебил. — Не старайся казаться доступной! И попытайся подружиться с Кэрол! — не попрощавшись с Ритой, Колосов резко повесил телефонную трубку.

Он был раздражен и утомлен. "Пропади они все пропадом!" — подумал Колосов и тут же заснул...

Горбунов, приехав домой, застал Пашутина мертвецки спящего. А рядом с диваном на стуле стояла пустая бутылка из-под водки...

ПАУТИНА

1

Черный бронированный лимузин на большой скорости проскочил улицу Куйбышева, свернул на Старую Площадь и остановился у одного из зданий ЦК. Из лимузина вышли двое в штатском, осмотрелись по сторонам, затем из того же лимузина появился низкого роста пожилой человек с короткими, как у клоунов, усиками. Был он в дорогой шубе с бобровым воротником и пышной меховой шапке.

Двое в штатском проводили его до подъезда № 3, там часовые отдали ему честь, не глядя на них, он прошел к лифту и с человеком из внутренней охраны поднялся на свой этаж. Это был кандидат в члены Политбюро и заведующий международным отделом ЦК Борис Пономарев. Он только что вернулся из Кремля, где имел с главой партии и государства нелицеприятный разговор. Глава партии и государства не стеснялся в выражениях, и Борис Пономарев уже давно не чувствовал себя таким оскорбленным.

— Нам удалось, наконец, перенести центр нашей борьбы в США. За это мы заплатили дорогой ценой! Лучшими годами жизни! А я потерял здоровье! И это наш последний бой! Сейчас или никогда! Тридцать с лишним лет назад Сталин провалился в США. Сталину помешал тогда Мак-Карти. А нам кто мешает?! — глава партии и государства поднял тяжелые глаза на Пономарева. — А нам кто мешает?! — повторил он, процедив сквозь зубы. — Мы похоронили Мак-Карти и вместе с ним мак-картизм... Мы вдол-

били в американские головы пацифизм! — толстый, отвисший подбородок вождя задрожал и на одутловатом старческом лице высypали, похожие на оспу, розовые пятна. — Нам нужны новые Розенберги и Хиссы* ... Почему эта б... Мартин Прайс медлит? Почему?

Мартин Прайс был одним из лидеров американской компартии и такие слова, брошенные в его адрес, возмутили Пономарева.

Глава партии и государства зачем-то открыл верхний ящик своего письменного стола, что-то искал там и достал золотые ручные часы. Его взгляд несколько оживился, на какое-то мгновение на лице появилось даже нечто похожее на улыбку, потом он положил часы обратно и процедил опять. — Мартин Прайс сукин сын! Зачем мы наградили его орденом? Он и так получает от нас огромные деньги! Мало ему? Дадим еще... На этих б... Розенбергов денег не жалко...

— Нерасторопность Прайса снижает наши шансы в США, — улучив момент, сказал присутствовавший при разговоре член Политбюро председатель КГБ Юрий Андропов. Он мягко улыбнулся. — Мартин к сожалению, уже не молод... Может быть пора подумать о его замене?

— Сукин сын, этот Прайс! — глава партии и государства стукнул кулаком по столу и тяжело задышал.

* Розенберги (муж и жена) были американскими гражданами, ставшими советскими шпионами. Юлиус Розенберг, будучи инженером Эмерсон Электрик Компании, стащил сугубо секретные чертежи по изготовлению взрывателей и передал их советским агентам. По этим чертежам в СССР были изготовлены взрыватели, которые использовались против американских самолетов во время войны в Корее. Юлиус Розенберг был уличен также и в краже секретов изготовления атомной бомбы. Жена Юлиуса, Этель, была признана виновной в совершении тех же преступлений. В соответствии с решением суда в 1950 году Розенберги были расстреляны за предательство и шпионаж в пользу СССР.

Элжер Хисс, также американский гражданин, был обвинен в предательстве в 1948 году. Он был одним из влиятельнейших людей в Государственном Департаменте США. Во время Второй мировой войны Элжер Хисс участвовал в работе Ялтинской Конференции в качестве советника президента США Рузвельта.

Вот точно так же он тяжело задышал и точно так же стукнул кулаком по столу, когда принимал в Кремле председателя Национальной Ассамблеи Франции Жака Шабан-Дельмаса. "Верьте мне, — прохрипел он тогда, — после того, как наши ракеты разобьют ядерные установки Китая, у американцев останется мало времени для выбора между защитой китайцев и защитой своих собственных интересов".

Борис Пономарев вспомнил сейчас эту гадкую сцену и подумал, что одно дело вести себя по-хамски с каким-то французом, другое же... И вот вернувшись из Кремля, Борис Пономарев все еще не мог прийти в себя от какого-то неприятного, и как ему даже казалось, тревожного чувства. И действительно, давно уже глава партии и государства не говорил с ним столь грубо в присутствии третьего человека. С чего бы это?

Однако же, самым неприятным для Пономарева было вовсе не хамское поведение вождя. Сегодня был день рождения главы международного отдела ЦК КПСС, и Пономарев, естественно, рассчитывал на другой прием и в тайне души надеялся получить очередной орден. "Вот только какой?" — думал он, когда из дома ехал в Кремль. Но в Кремле его никто не поздравил с днем рождения, глава партии и государства даже словом не обмолвился об этом, нем и глух был и председатель КГБ Андропов.

В Кремле всегда очень ревностно следили за такими событиями, как дни рождения членов правящей верхушки партии. Подобные даты отмечались пышно и очень серьезно. В ритуал празднования дня рождения входил и обязательный обряд награждения именинника каким-либо орденом. Высокие партийные боссы, прицепив к лацканам пиджаков все свои ордена и медали, собирались тогда в одном из кремлевских залов, там "новорожденному" вручалась правительственная награда, по заранее написанному тексту читалась поздравительная речь, и придворные фотокорреспонденты запечатлевали эти исторические моменты.

О достоинствах юбиляра, его месте в партийной иерархии и о благоволении к нему главы партии и государства —

обычно судили по тому, кто из правящей партийной элиты присутствовал на церемонии, каким орденом награждался именинник, кто произносил речь и какого размера были опубликованные в газетах фотографии. Но сегодня 17 января не было торжественной церемонии, не было ни наград, ни поздравительных речей, ни газетных репортажей. И вот именно это больше всего тревожило тщеславного и самонадеянного главу международного отдела ЦК.

Пономарев устало опустился в свое мягкое кожаное кресло и принялся просматривать свежие бумаги, еще с утра лежавшие на его столе. Но мысли шефа международного отдела устремились совсем в другом направлении. Он никак не мог понять, что же в конце-то концов могло произойти. Пономарев, конечно, отдавал себе отчет в том, что глава партии и государства в силу своего возраста и здоровья превращался иногда в капризного и вздорного ребенка. Но все, что произошло сейчас, не было похожим ни на вздорность, ни на капризность, а представляло скорее всего новый и, вероятно, последний этап в его личных отношениях с главой партии и государства. Борис Пономарев подумал, что у него еще никогда не было таких тяжелых минут в жизни, и он вспомнил годы своей работы в партии при Ленине, Сталине, Маленкове, Хрущеве...

Сколько в те годы было пережито интриг и заговоров?! Но он как-то умудрялся лавировать, избегать острые углы, и ни один из уже ушедших в иной мир вождей не позволял себе столь грубо и публично шельмовать его. Даже Сталин ни разу не повысил на него голос. Наоборот, Сталин многое ему доверял и даже послал работать в Исполком Коминтерна. Уже в те годы Борис Пономарев считался одним из искуснейших агентов Кремля на поприще тайной дипломатии в мировом коммунистическом движении. Он преуспевал в те тридцатые и сороковые годы, и благодаря ему в Кремле были всегда осведомлены о политических взглядах лидеров западных компартий, их отношении к советскому режиму и лично к Сталину. Некоторые из тех лидеров внезапно куда-то исчезали, и о них считалось не нужным напоминать историкам мирового коммунистического движения. Почти перед самой своей смертью Сталин вознагра-

дил своего любимца, сделав Пономарева главой международного отдела ЦК. С тех пор, вот уже более тридцати лет, он не расставался со своим мягким, кожаным креслом. Оба они уже состарились здесь, в этом кабинете большого серого здания Центрального Комитета, пережив трех предыдущих советских вождей — Сталина, Маленкова, Хрущева...

Мало что изменилось в этом кабинете за прошедшие долгие и опасные годы. По полу от дверей до письменного стола тянулась все та же зеленая ковровая дорожка, и даже большой стеклянный графин, стоявший на тумбочке у окна, выглядел вещью, находящейся здесь вечно. Менялись лишь портреты вождей... Борис Пономарев посмотрел в лицо нынешнего вождя, и у шефа международного отдела появилось какое-то неприятное ощущение.

На портрете, висевшем в кабинете Пономарева, вождь выглядел сравнительно молодым. Во всяком случае, художники постарались не оставить на его лице глубоких морщин и внешность вождя казалась скорее всего добродушной, чем злой. А он и не был по натуре злым, он был иногда даже сентиментальным и мог при случае даже пустить слезу, вспоминая за рюмкой водки ушедших на тот свет друзей. И, вообще, он любил выпить и во время попоек никогда не возвеличивал себя, был добродушен и прост.

Но Пономарев знал его и другим: жестким и беспощадным. Таким он становился всегда, когда затрагивались прерогативы его тотальной верховной власти не только в своей собственной стране и в странах-вассалах, но и за их пределами в царстве мирового коммунистического движения. Вождь был диктатором, и аппетит его приходил во время еды. И он, как и его предшественники, пытался еще до конца своих дней до дна испытать дарованную судьбой чашу исполинской власти. Поэтому-то у Пономарева и были все основания испытывать сегодня гадливое, понижающее, как мороз, тревожное чувство.

Пономарев был умудрен житейским опытом тайной закулисной борьбы за власть в самом чреве Кремля. И он прекрасно знал, чем кончаются любые неудачные попыт-

ки помещать диктатору насыщаться властью. "Наша коммунистическая диктатура без диктатора есть понятие, лишенное всякого здравого смысла, — рассуждал Пономарев. — Если есть диктатор, то у него всегда найдется конкурент. И чем авторитетнее конкурент, тем острее и опаснее борьба за власть".

Размышляя таким образом, Пономарев не обращал внимание на настойчивые звонки кремлевского телефона и не думал снимать трубку, даже если бы это звонил сам глава партии и государства. Шеф международного отдела был полностью поглощен только своими переживаниями, и ему казалось, что если не завтра, то в скором времени может решиться и его собственная личная судьба. Пономарев предвидел фатальную неминуемость конца чуть ли не двадцатилетней эры правления нынешнего главы партии и государства и предчувствовал ближайший общий и глубокий кризис всего политического руководства страны. "Ну, а что же произойдет со мной?" — Борис Пономарев спрашивал сам себя и не находил ответа. Он лишь доподлинно знал, что когда междоусобные распри вырвутся наружу, в Кремле шутить не будут. В ход пойдут любые средства, и никто — ни лидеры враждующих группировок, ни их сообщники, — не смогут гарантировать себе личную безопасность. Исход может оказаться самым невероятным и непредвиденным, ведь смертельная схватка пойдет тогда за пост главы партии и государства.

Пономарев подумал, что он всего лишь на несколько месяцев моложе своего очень больного и тающего буквально на глазах вождя, и, что им обоим не так уж и много осталось земных радостей. "Что же, черт нас побрал, мы живем с ним, как кошка с собакой? — вдруг вырвалось у него. — Не потащим же мы на тот свет свой коммунизм! Ведь там, слава Богу, ни коммунизма, ни социализма!" Но тут какая-то внутренняя сила, словно молния, пронизала его сознание и, не дав расслабиться мыслям, вернула их к прежнему течению. И Пономарев вновь стал самим собой — глубоко и безотчетно верующим в своего обожаемого бога: коммунизм. Бог этот стал владеть его душой и телом с тех пор, как он еще пятнадцатилетним

безграмотным мальчишкой вступил в партию большевиков...

В дверь кто-то осторожно постучал, Пономарев сказал "войдите", и перед ним появилось давно знакомое лицо одной из служащих его секретариата.

— Да, да... я буду обедать, — Пономарев знал зачем приходила эта служащая.

Через пару минут шеф международного отдела уже сидел в небольшой комнате-столовой, оборудованной сразу же за его кабинетом, и нехотя ел куриный бульон. Шеф снял пиджак и поверх жилетки накинул белоснежно-накрахмаленную салфетку. Он выглядел из-под этой салфетки, словно суслик из норы, и своими неизменно короткими и уже слегка поседевшими усиками был действительно похож на состарившегося циркового клоуна. "Наш вождь — порядочный циник и он ни черта не понимает в марксизме. Неуч, невежда! — Пономарев продолжал рассуждать о своих проблемах. — Он думает, что марксизм — не наука. Ему нужен марксизм лишь как ширма. Да, собственно говоря, он никогда не читал ни "Капитала", ни "Диалектики природы". Тоже мне — марксист! Марксизм вождя — это его собственные взгляды, которые он меняет столь часто, как иные женщины нижнее белье".

Однако же, Пономарев признался себе, что никогда не имел расхождений с вождем в глобальных вопросах политики. Жизненный постулат марксизма был для них вечен и неизменен. Оба они ни на йоту не отходили от заветной стратегической линии марксизма — установления во всем мире нового, коммунистического порядка. Они расходились лишь в тактике достижения этой цели, в средствах экспорта коммунистических революций. Но эти тактические расхождения вовсе не являлись сугубо личными разногласиями вождя и шефа международного отдела, а были тем самым яблоком раздора, которое не давало покоя и мешало жить в мире членам правящей верхушки компартии СССР.

Пономарев сделал сейчас гримасу, похожую на улыбку: "Какой вздор иногда пишут о нас на Западе! Разве есть у нас в ЦК "голуби" или "ястреба"? А кто же среди нас так

называемые сталинисты? Какая чушь! Мы все ленинисты, мы все сталинисты. Наивные простаки от политики! А может быть, они просто выдумывают эти сенсации? Но так или иначе, хорошо, что враги наши так плохо нас знают!”

Пономарев уже не раз высказывал членам правящего Политбюро мысль о необходимости постоянной дезинформации Запада о реальных причинах внутренних противоречий в партийном стане. “Пусть там почаще пишут, что кое-кто из нас пытается реабилитировать Сталина и что кое-кто другой противится этому и думает, что мы решили опять всех пересажать за решетку. Ну, и что? — шеф международного отдела задавался таким вопросом в узком кругу советских руководителей. — Все это чепуха гороховая! И нам нечего бояться, когда там на Западе мусолят наши внутренние проблемы. Проблемы эти в наших руках. Я бы сказал, что надо дать Западу больше пищи для подобных писаний. Мы должны отвлекать противника от наших главных трудностей и тыкать его мордой в дела третьестепенной важности. Нужно держать этих господ подальше от понимания истинного смысла нашей геополитической тактики”.

С этими взглядами Пономарева соглашалось все советское руководство, и оно пыталось при общем согласии хранить в глубочайшей тайне свое идеологическое оружие и тактику обретения коммунистами мирового господства. И в Кремле работали над секретами завоевания планеты самозабвенно, с маниакальной ревностью. Опыренные опиумом уже осязаемой власти над миром, советские руководители тем не менее никогда не могли вместе ужиться. Не было у них единодушия в том, как же прибирать к рукам эту сладостную власть над необъятными просторами земного шара и как удержать на всей планете ими же выдуманную красную коммунистическую диктатуру. Пономарев хорошо знал, что многие из его прежних партийных соратников уже снесли неугомонные головы об острые рифы кремлевской тайной международной политики.

Борис Пономарев случайно обронил взгляд на висевший напротив портрет вождя, и у него все похолодело внутри.

Но тут вдруг скрипнула дверь и на пороге без предварительного разрешения появился грузный, почти облысевший человек лет пятидесяти. Это был его помощник Федоров.

— С Подгорным плохо, — почему-то шепотом, словно боясь, что его подслушают, сказал Федоров. — Еще один инфаркт!

День рождения Пономарева был испорчен вконец.

Еще совсем недавно Виктор Подгорный был президентом страны, и все считали его близким другом вождя, который и назначил этого человека на такой высокий пост. Но в один из дней глава партии и государства безо всяких церемоний выбросил Подгорного вон с президентского кресла, лишил его всяких почестей и привилегий, и теперь этот дряхлый, рыхлый старик пребывал по существу в подмосковной ссылке.

Подгорный всегда был предан вождю, но в какой-то момент изменил ему, и его постигла немилосердная кара. Вождь жестоко расправлялся и с другими оппозиционерами. Одних снимал со своих постов и выгонял из партии, как сделал это со своим бывшим другом Подгорным. Таких людей он превращал в глазах общественного мнения в полнейших ничтожеств, отнимая у них все и оставляя лишь одни воспоминания. И они, изо дня в день пережевывая эти воспоминания и делаясь ими даже с дворниками и лифтерами, доживали в тишине остатки своей мрачной жизни. С другими слушниками глава партии и государства поступал и того хуже. Он попросту убирал их из жизни. И Пономарев это знал.

Сейчас в голову Пономарева невольно лезли всякие раздражавшие его мысли. Он вдруг, как во сне, увидел перед собой Федора Кулакова, высокого мужчину с крупными чертами лица и пышной, вьющейся, черной копной волос. Кулаков был жив еще несколько лет назад, и они не раз встречались друг с другом вот здесь, в этом кабинете. Но теперь... Пономарев не верил официальному объяснению причин его внезапной и загадочной смерти.

Федор Кулаков на протяжении многих лет был одним из ведущих лидеров Политбюро. Он пользовался большим авторитетом в партии и считался в те годы, пожалуй, един-

ственным реальным конкурентом вождя. Кулаков был моложе главы партии и государства почти на тринадцать лет и умер в расцвете своей политической активности. Ему шел тогда всего шестьдесят первый год.

Если бы Пономарев взял сейчас из архива газету "Правда" за 1978 год, то без труда нашел бы на ее страницах доказательства поспешности и неубедительности аргументации гибели своего коллеги по партии, представленной кремлевскими врачами. Но Пономарев не нуждался в "Правде", он и без нее прекрасно знал, что тогда произошло в действительности.

... 3 июля Кулаков выступил на пленуме ЦК КПСС ... 6 июля Кулаков провел в Кремле заседание с главными редакторами ведущих газет, радио, телевидения и выступил там с большой речью ... 16 июля Кулаков провел в ЦК совещание по сельскому хозяйству. Пономарев помнил его в тот день бодрым и активным... А через несколько часов Куликов умер. Некролог с диагнозом его смерти был опубликован на следующий день в "Правде". Пономарев почти наизусть знал тот текст, взятый в жирную, черную рамку: "... Страдал атеросклерозом коронарных артерий, хронической пневмонией. В ночь с 16 на 17 июля развилась острая сердечная недостаточность с внезапной остановкой сердца". Ложь! — так прореагировал тогда Пономарев на этот диагноз.

Шеф международного отдела превосходно знал, что кремлевские врачи своей личной жизнью отвечали за здоровье членов правящего Политбюро. Пономарев просто не мог представить тогда, чтобы они разрешили Кулакову, если он действительно был хронически болен, находиться на ногах все то время и без перерывов интенсивно работать. Ведь в промежутке между 6 и 12 июля Кулаков, кроме всего прочего, еще и ежедневно участвовал в заседаниях Верховного Совета СССР. "Хроническая пневмония! Атеросклероз! И все время на ногах! Быть этого не может!" — с возмущением думал сейчас шеф международного отдела. В сознание Пономарева естественная смерть Кулакова не укладывалась, и он с подозрением подумал тогда о личном враче вождя и начальнике медицинского управле-

ния Кремля Евгений Чазове. Он же и подписал некролог, опубликованный в "Правде".

За десять дней до смерти Кулакова вождь ни с того ни с сего взял и самолично наградил Чазова высшей наградой страны — орденом Ленина с Золотой звездой. Пономарев присутствовал на той торжественной церемонии, и у него даже еще и сейчас звенели в ушах слова вождя, награждавшего своего личного врача. Вождь говорил медленно, будто что-то жевал: "Ну, а что касается высокой награды, которой мы удостоили одного из видных деятелей советского здравоохранения, нашего доброго друга Евгения Чазова, то это признание его бесспорных огромных заслуг". Огромных? — чуть не вырвалось тогда у Пономарева. — Каких заслуг?! — недоумевал он, но уже через несколько дней Пономарев знал настоящую цену выданного вождем аванса. "Какая грязная, бесстыжая работа!"

На похоронах Чазов держался сухо, сдержанно, был как всегда учтив, но в глазах его Пономарев не нашел и капельки скорби или малейшего сострадания. А хоронили Кулакова 20 июля. Его красный гроб весь в цветах и золотистых лентах, сопровождаемый членами правящей партийной элиты, генералами и министрами, был доставлен на Красную площадь к мавзолею Ленина. Отзвучала похоронная мелодия, и на трибуну мавзолея для прощания с покойным поднялись все, кто сопровождал гроб, к ним тут же присоединились и другие партийные боссы и военные. Но на изумление всем, там блистательно отсутствовал сам вождь, не было и второго человека в партии — Михаила Суслова, не явился и председатель Совета Министров Алексей Косыгин.

Такого еще не было за всю советскую историю. Никто не мог припомнить случая, чтобы здравствующие руководители партии и государства не простились бы со своим ближайшим соратником, не встали хотя бы на пять минут в почетный караул возле его гроба. В тот день впервые был нарушен до того никем не нарушаемый священный партийный ритуал похорон высших чинов правящей партийной элиты. Да и обычные человеческие нормы оказались растоптанными, и покойный получил тогда еще и

публичное отмщение, дабы шел он своим последним путем не в рай, а в ад! Отступника предали всеобщей анафеме, и с тех пор он был начисто всеми забыт и вычеркнут из всех списков заслуженных деятелей компартии СССР.

На следующий после похорон день, словно бы продолжая издеваться над прахом покойного и его семьей, "Правда" опубликовала большую фотографию улыбающегося вождя с чехословацким лидером Гусаком. Снимок этот был сделан в Крыму в день и час траурной процессии на Красной площади. "Скотина!" — выругался тогда Пономарев.

Скотина! — повторил он и сейчас, вспомнив о судьбе единомышленников Кулакова. Трое из них — шеф компартии Белоруссии Машеров, председатель Совета Министров Белоруссии Киселев и командующий авиацией объединенного Западного военного округа трижды Герой Советского Союза генерал Леонид Беда, — поочередно погибли в автомобильных катастрофах. Член Политбюро и первый заместитель председателя Совета Министров СССР Мазуров был вышвырнут со всех постов и отправлен, как и Подгорный, доживать свой век в какую-то деревушку. Вождь послал в отставку и нескольких министров и генералов...

Пономарев прошелся по кабинету и остановился возле окна. Он постоял с минуту, бесцельно глядя на кутавшихся в шарфы пешеходов, и взором прошелся с ними по заснеженному Ильинскому бульвару.

— Вот до какого дня рождения я дожил! — с грустью сказал самому себе Пономарев и как-то неуверенно направился к своему столу.

2

Анатолий Горбунов пребывал сегодня в каком-то возбужденном состоянии. Утром перед уходом на работу он был даже чересчур мил с Раей, шутил с ней и рассказывал анекдоты. Он с удовольствием потом проделал десять шагов от подъезда дома до лимузина, и что не случилось с ним раньше, велел шоферу остановить машину не доез-

жая до цэковских зданий. По хрустящему снегу Горбунов прошел пружинистой походкой пару кварталов, пересек улицу Куйбышева и скрылся в подъезде № 3.

Анатолий знал, что сегодня у шефа день рождения и был неприятно удивлен тому, что утренние газеты не обмолвились об этом ни единым словом. Горбунов, конечно, превосходно ориентировался почти во всех внутрипартийных лабиринтах и вовсе не ожидал услышать сегодня фанфар в адрес своего шефа. Но молчание прессы даже и на него произвело впечатление. Анатолий все утро порывался поздравить Пономарева, но тот до сих пор никого и ни по каким вопросам еще не принимал.

Анатолий должен был до конца дня закончить начатый еще на прошлой неделе по просьбе шефа анализ взглядов некоторых видных американских политиков на советское руководство. Пономарев просил Анатолия изложить свое мнение по поводу того, как эти взгляды, высказанные публично, влияют на массовое сознание рядовых американцев. На столе Анатолия лежала куча всяких справок, документов, американских газет, доставленных ему из институтов США и Канады и Международного Рабочего Движения, но работа у Горбунова продвигалась сегодня крайне вяло. В его голове все время роем кружились новогодние воспоминания, и он даже возбуждался от одного только воображения близости полногрудой жены Виктора Быстрова. В ту новогоднюю ночь Нина не упускала случая танцевать с Анатолием, и уже под самое утро как-то очень просто и прямо предложила ему себя.

В прошедшие после Нового года дни Нина и Анатолий все никак не могли найти подходящее место для встречи. И вот наконец только вчера Нина сообщила ему по телефону, что у нее будут ключи от квартиры ее подруги. И они условились встретиться сегодня же сразу после работы возле метро "Кропоткинская"...

Телефонный звонок прервал его воспоминания, потом, закончив разговор, Анатолий стал втягиваться в свои обычные занятия. Он работал всегда с интересом и каждый раз, получая личные задания шефа, преисполнялся особой важностью и серьезностью.

Несмотря на далеко не юношеский возраст, Анатолий, однако, все еще сохранял при исполнении служебных обязанностей какую-то наивную романтичность, сочетавшуюся у него с глубочайшей и педантичной преданностью режиму. Верноподданничество пришло к нему скорее всего не от разума, а от воспитания. Разумом Анатолий понимал иногда очень многое, чего не полагалось понимать человеку, занимавшему такой пост.

В те очень короткие минуты откровения с самим собой он даже осязал страх и ужас грядущей мировой катастрофы, с болезненной искренностью признавался себе в том, что сам он своими же собственными руками, словно бы маленький паучок, плетет здесь, в этом своем кабинете, узелок за узелком огромной и уже нависшей над всеми паутины. В такие минуты Анатолий отдавал себе отчет, что в один из дней мир может в пух и прах разлететься вовсе не от взрыва водородной бомбы, чего вероятнее всего, как он полагал, никогда не произойдет, а от последнего и уже наступившего тура мировой коммунистической революции. Но, как и любой верноподданный, Анатолий был трус и боялся даже своих собственных мыслей. Как черт от лада убегал он от них к спасительной и мнимой романтике и вновь становился тогда безвольным рабом жрецов того самого Бога, в которого уверовали когда-то и его отец и его нынешний шеф.

Сейчас же Анатолий еще раз бегло перечитывал доклад бывшего американского дипломата, служившего в американском посольстве в Москве в годы Второй мировой войны. Это было его выступление, сделанное некоторое время назад перед американскими студентами и профессорами Дартмутского колледжа в Нью-Хемпшире. Бывший дипломат не жалел тогда укоризненных и горьких слов в адрес американской администрации и упрекал ее в субъективизме. Но особый гнев дипломата вызвала, как он почти дословно выразился, бесконечная цепь извращений и упрощений советской политики, а также постоянное преувеличение военной мощи Москвы и ее якобы зловещих намерений. Дипломат высказал тогда мысль, что тенденция взирать на советских руководителей как на абсолютных

и неисправимых врагов, пожираемых ненавистью и стремящихся лишь к тому, чтобы уничтожить Соединенные Штаты, грозит большой опасностью. "Жизнь ничему не научила этого старого болвана! — закончив чтение, с удовольствием подумал Горбунов, — Вождь правильно считает его полезным человеком".

Горбунов был убежден в том, что даже в те давние времена, когда этот дипломат жил в Москве, Сталин ловко водил его за нос и американец не смог тогда до конца постичь все таинства советской внешней политики. И ныне груз прежнего недопонимания советской действительности тянул дипломата назад к его прежним ошибкам. "Не таким, как этот старый американец, раскусывать наш крепкий орешек!" — подумал Горбунов. И вообще, Анатолий был убежден в том, что Запад пока еще попросту не готов даже к восприятию самой мысли о быстро изменившемся времени, мировой ситуации и совершенно новой глобальной тактической концепции своего давнишнего врага. Западные политики, полагал Горбунов, превосходно понимали и трезво учитывали советскую военную опасность, но ровным счетом не проявляли никакой настороженности к другой и абсолютно реальной для себя опасности — уже начавшейся против них тайной идеологической войне.

Горбунов с удовольствием отмечал тот факт, что на Западе все никак не могли понять одной и очень простой истины — в Кремле не было простофиль, там сидели опытные политики, у которых никогда не появлялось желание закончить свою жизнь в адском пожарище термоядерной войны. Не видел Анатолий вокруг себя людей, жаждавших так бесславно уйти в мир иной, но зато он доподлинно знал, что Кремль решится на всеобщую или ограниченную термоядерную войну лишь при двух условиях: когда у Кремля окажется неоспоримое, реальное военное превосходство и когда тыл противника будет стерилизован и морально развращен пацифистской пропагандой. Катастрофическая духовная слабость тыла противника по мнению советских стратегов обеспечивала им быструю победу после нанесения ядерного удара. Только при этих условиях, Горбунов знал мнение своих боссов, они надеялись выжить в

Третьей мировой войне. И они готовились к ней ежедневно, ежечасно. Но пока что здесь, в Кремле предпочитали разделяться с Западом не ядерными боеголовками, а скальпелем и ядом. А это означало, что по крайней мере, на ближайшие годы во главе своего тактического арсенала советские руководители намеревались держать подрывные революции, идеологические диверсии, красный террор, шантаж, интриги. Не фронт, а тыл противника, и Горбунов это хорошо знал, превращался теперь в передовую линию кремлевских политиков. Борьба за тыл Запада становилась, таким образом, прелюдией к мировой битве. И, конечно же, бывшему американскому дипломату, считал Анатолий, было невдомек, что именно изо дня в день делали на Старой Площади в тиши своих кабинетов люди, подвласные Пономареву.

Анатолий Горбунов находился на самом стыке всех основных событий, разворачивающихся в необъявленной Кремлем тайной идеологической и диверсионной войне против свободного мира. Международный отдел, в котором он работал, являлся по существу генеральным штабом, дирижировавшим мировым коммунистическим движением. Отсюда, из этого серого здания на Старой Площади партийные боссы Горбунова руководили своими боевыми отрядами, успевшими уже рассеяться почти по всей планете. Зарубежные коммунистические партии, разного толка левые организации, всякой окраски так называемые национально-освободительные движения и откровенно уголовные сборища, прикрывавшиеся фиговым марксовым листком — вот те боевые единицы многотысячной подпольной армии, находящиеся в жесткой узде международного отдела ЦК КПСС.

Множество скрытых невидимых каналов переплелись между собой и связали Старую Площадь с Японией, Никарагуа, Мексикой, США, Канадой, Испанией, Францией, Англией... Туда в местные партийные штабы, иначе, в зарубежные филиалы международного отдела ЦК КПСС, потекли по этим каналам бешеные деньги, руководящие директивы, оружие, наркотики. А в обратный поток на Старую Площадь устремилась обильная и дорогостоящая

информация. Горбунов почти каждый день распечатывал секретную и уже расшифрованную почту с ценнейшими сведениями о военных и технических тайнах США. Но его больше всего интересовали политические и социальные подробности из жизни американского общества. И он получал эти данные в виде профессиональных прогнозов и аналитических отчетов. В секретной почте Горбунов находил и свежие сведения о моральном состоянии американской армии и американской молодежи, и подробные характеристики о вкусах, привычках и взглядах политических деятелей, журналистов, бизнесменов, государственных служащих...

Коллег Горбунова интересовало буквально все, и они владели, пожалуй, самыми крупными в мире запасами секретной информации. Вместе с подчиненными им стратегическими научными центрами, референты, инструкторы и консультанты международного отдела изучали и обрабатывали поступавшую к ним информацию, а затем "играли в военные игры", уточняя тактические варианты углубления эрозии западного мира.

Около пятисот политических советников работало под началом Пономарева, и эти его "лоцманы" научились сравнительно безошибочно угадывать, в какую сторону следовало поворачивать ветрила своей подпольной коммунистической армии. Они умело корректировали тактику борьбы с Западом и почти наверняка знали кого из командиров зарубежных отрядов следовало наказать, а кого задобрить, кого попросту убрать с пути, кому там на Западе всучить взятку, а кто и без взятки поддастся вербовке в послушные идола коммунизма.

А таких идолов коллеги Горбунова уже давно выращивали в своих московских инкубаторах: в Академии общественных наук ЦК КПСС, в Высшей партийной школе ЦК КПСС, в секретном институте общественных наук ЦК КПСС и в институте Патриса Лумумбы. В таких вот инкубаторах в разное время прошли специальные курсы обучения венгерский лидер Янош Кадар, бывшие польские лидеры Герек и Каня, восточно-германский лидер Хоннекер, лидер французских коммунистов Жорж Марше, африканцы

Патрис Лумумба, Огустин Нетто, бывшие афганские лидеры Нур Муххамед Тараки, Нафизулах Амин и Бабрак Кармаль, и многие другие разного калибра деятели американской, итальянской, испанской и всех остальных зависимых от Кремля западных компартий и левацких организаций. Таков был этот генеральный штаб Бориса Пономарева, возглавлявший мировое коммунистическое движение и уже опустошивший тысячи людских душ, наивно поверивших в его идеалы.

Но не в одиночку действовал отдел Пономарева на фронте необъявленной войны против Запада. В авангарде, прикрывая его неблаговидную роль, стоял другой отдел ЦК — отдел международной информации. Он, словно бы гусеницами танков, давил на мировое общественное мнение психологическим прессом дезинформации об истинных целях внешней политики Кремля. Дезинформация эта изобреталась опытными журналистами Телеграфного агентства Советского Союза — ТАСС, Агентства Печати Новости — АПН, редакций зарубежного вещания центрального радио. Более десяти тысяч советских журналистов по команде главы партии и государства повели атаку на беззащитный, добродушный и доверчивый западный мир.

Эти два отдела Центрального Комитета представляли собой мощный и почему-то игнорируемый Западом, стратегический комплекс, действующий сообща с КГБ и ГРУ — Главным разведывательным управлением советского генерального штаба армии.

Функции этих организаций перемешались и переплелись, как виноградные лозы. Иногда жизнь даже Горбунову преподносила сюрпризы. Совсем вот недавно он был ужасно удивлен узнав, что его школьный друг и специалист по компьютерам Госкомитета по науке и технике Олег Раковский большая фигура в КГБ. Еще больше он был удивлен тому, что полковник КГБ Раковский по заданию самого высокого начальства КГБ, готовится к поездке в США, где ему предстояла работа в сфере, исключительно принадлежавшей международному отделу ЦК КПСС.

Самолюбие Горбунова не было ущемлено этим извес-

тием. Наоборот, он был восхищен мудростью руководства и со свойственной ему романтичностью даже рисовал в своем сознании таинственный Нью-Йорк, вечно манивший его своей неизвестностью. И Горбунов представлял себя в том городе и думал, а как бы он сам вел себя там на месте своего школьного друга.

Но в минуты личных откровений Горбунов иногда с некоторым скептицизмом оценивал крепость и искренность контактов его отдела с отделом международной информации, КГБ и ГРУ. Их руководители никак не могли друг с другом ужиться и были людьми разных взглядов и нравов. Горбунову иногда казалось, что напрасно эту четверку впрягли в одну упряжку, как напрасно было бы впрягать в нее коня и трепетную лань. Каждый тянул в свою сторону, и высшему партийному руководству стоило больших усилий придерживать в равном темпе их состязательный бег за приоритет и власть.

Они действительно были несовместимы: благообразный, выглядевший джентльменом и самый молодой в этой компании член ЦК партии, руководитель отдела международной информации Леонид Замятин и стоявший в партийной иерархии на несколько ступенек выше его старомодный Борис Пономарев; толстый, с заплывшими глазами и бычьей шеей шестидесятилетний хитрец генерал армии начальник ГРУ Петр Ивашутин, и внешне интеллигентный, воспитанный и занимавший высший среди них пост в государстве, член Политбюро и глава КГБ Юрий Андропов.

Когда Горбунов бывал откровенен сам с собой, он думал, что жизнь этой великолепной четверки похожа на сосуществование пауков в банке и допускал мысль, что такая же паучья жизнь и там, в очень далеком и близком от него правящем Политбюро компартии. Однажды Анатолию приснился даже кошмарный сон с предсказанием скорого конца всей этой паучьей жизни, и ему пригрезился тот день, когда к чертовой матери лопнула, наконец, вся их партийная упряжка. И Анатолий увидел тогда во сне, как на своей же собственной пороховой бочке взорвалась и рассеялась в прах советская власть.

Было время обедать, и проголодавшийся Горбунов шел уже к лифту по длинному коридору своего этажа. По обеим сторонам его расположились десятки кабинетов. Двери их сейчас все время хлопали, как затворки в скворешниках, и люди выпархивали из них, торопясь в одном с Горбуновым направлении. Возле лифта Анатолий встретил Валентина Ананьева, худого, сутулившегося и всегда небрежно одетого человека с впавшими, как у покойника, глазами.

— Обедать? — он протянул Горбунову руку.

— Да, но я не в столовую.

— В буфет? Идем вместе. — И они, не дожидаясь лифта, пошли вниз на первый этаж по широкой, устланной красным ковром, лестнице.

Ананьев занимал в международном отделе такой же пост, как и Горбунов, но полем его деятельности были не Соединенные Штаты Америки, а Западная Германия, точнее, ее коммунистическая партия и все левые организации, включая и террористическую банду Красной армии. Горбунов недолюбливал этого Ананьева. Его внешний вид вызывал в нем брезгливость и какое-то отталкивающее неприятное чувство. Горбунов вспомнил, как Ананьев недавно отреагировал на покушение немецких террористов на американского генерала Фредерика Краузена. "Жив остался, — выдавил тогда Ананьев со злостью, поджав тонкие губы. — А жаль!"

Но сегодня Горбунову было безразлично с кем коротать оставшееся обеденное время. Ему было важно поскорее поесть, поскорее закончить поручение шефа и вовремя приехать к метро "Кропоткинская", где его ждала встреча с Ниной.

Горбунов и Ананьев миновали внутреннюю охрану первого этажа и уже в дверях буфета, скорчив улыбку, Ананьев спросил:

— Слышал, что сегодня заявил наш милейший Вилли Брандт?

— Нет, — напряг память Горбунов.

— Он сказал журналистам, что не забудет встреч с нашим вождем и всегда будет помнить, как наш старик даже дрожал, когда говорил о мире. Вот как! Чудный парень, этот Вилли!

Когда они заканчивали есть, к ним подошла буфетчица и положила на стол большую картонную коробку сигарет "Малборо".

— Это для меня, — заулыбался Ананьев, — приятель просил. Ты же знаешь, — обратился он к Горбунову, — что американских сигарет нет в магазинах. А наши — дрянь!

— Я не курю, — Горбунов развел руками и, улыбнувшись еще стоявшей рядом буфетчице, встал из-за стола. Он, конечно, знал, что в магазинах никогда не продавали ни "Малборо", ни другие американские сигареты, и что достать их можно было только в буфетах ЦК или на черном рынке, но какое-то внутреннее чутье подсказало ему не продолжать начатый Ананьевым разговор. Почему-то не нравился Горбунову этот Ананьев, казавшийся скользким, как уж.

Не успел Горбунов вернуться в свой кабинет, как его вызвали на совещание к Пономареву. "Началось! — с досадой подумал Анатолий. — Надолго ли?"

Когда Горбунов вошел в кабинет Пономарева, там уже было человек десять, и Анатолий занял свое привычное место у окна, как раз с правой стороны от шефа. Горбунов почему-то не любил садиться за длинный, обтянутый зеленым сукном стол, стоявший перпендикулярно к столу босса. Там у окна Анатолий имел возможность незаметно выглядывать на улицу, отвлекаясь от чрезмерно долгих иногда рассуждений своего начальника. И вот сегодня, как казалось Горбунову, совещание затянется, и его место у окна окажется кстати. И действительно, Пономарев, сложив перед собой, как на молитве, свои пухлые руки, говорил медленно и растянуто. По выражению его уставшего лица видно было, что сегодняшнее совещание давалось ему с большим трудом, он все время заставлял себя сосредотачиваться с мыслями.

— ... Мы, как вы знаете, добились уже двух крайне важных целей. — Тут Пономарев, как с ним уже сегодня часто случалось, на секунду задумался. — Во времена разрядки

нам удалось обойти США в производстве основных видов ракетно-ядерных вооружений и создать в Африке, Азии и Латинской Америке опорные революционные пункты. Иначе, для нас теперь открыт путь на Вашингтон. Но это не прямой, а извилистый и опасный путь. Мы поведем атаку на Вашингтон не в лоб, а попытаемся подорвать США изнутри. Вам хорошо известно, что работа в этом направлении уже ведется, но на нынешнем этапе решено эпизодические атаки обратить в постоянные массированные подрывные действия. Мы располагаем для этого богатым арсеналом революционных средств, опытом и преданными нашему делу людьми — Теоретик международного коммунизма опять сделал секундную паузу. Он, вероятнее всего, вспомнил резкие замечания вождя в адрес Мартина Прайса и обдумывал сейчас каким образом развивать далее свою мысль. — В новых условиях, — продолжал Пономарев, — американские коммунисты должны будут сыграть более активную роль, нежели, чем в период нашей антивоенной вьетнамской кампании. Да... путь ожидается извилистый, и нам одновременно с осадой Вашингтона предстоит еще и длительная прогулка по Европе, прежде всего по Западной Германии. Вот и давайте поговорим сначала о Европе...

Пономарев налил в стакан минеральной воды, сделал пару глотков и зачем-то поправил потом торчавшую из-под пиджака запонку. Затем он опять сложил перед собой свои пухлые, как у барышни, руки:

— Вот уже около сорока лет Европа благоденствует... и только благодаря американскому ядерному щиту. Мы, как вы знаете, долгое уже время тараним этот щит нашей пропагандой и острыми копьями наших же борцов за мир. В пятидесятых годах, вы знаете, здесь, в нашем ЦК, был изобретен термин "движение за мир", вернее сказать, было изобретено само это движение, полностью окупившее затраченные на него средства и приносящее теперь нам неслыханные политические дивиденды. На новом этапе борьбы нам предстоит значительно расширить "движение за мир" и увеличить масштабы манипулирования наивными западноевропейскими борцами против ядерного оружия, к сча-

стью, ничего несмыслящими в наших политических целях. Вы прекрасно знаете, что родившееся в этих стенах "движение за мир" преследует единственную цель — заразить западное общество пацифизмом и лишить его таким образом возможности критически оценивать революционную тактику мирового коммунизма. Пацифизм хуже чумы и язвы, он сродни сифилису, разрушающему мозг человека. И пацифизм нужен нам как орудие превращения простых людей в послушных ягнят нашей пропаганды. Пусть не шокирует вас то, что я сейчас скажу. Мы — революционные волки, а волки всегда шили свои одеяния из шерсти овец. Наше революционное сознание не дает нам права ни на жалость, ни на сострадание, и в своем стремлении к заветной цели всемирного коммунизма мы обязаны поступать так, как закон природы предписал поступать волкам. У нас нет иного выхода, иначе мы не победим. Нам предстоит сейчас генеральное сражение, а накануне его мы предвидим немало локальных боев. Один из них — превращение "движения за мир" в тотальную антиамериканскую кампанию в Западной Германии...

Горбунов посмотрел на улицу. Уже темнело и вновь валил снег. До слуха Анатолия опять дошли слова:

— ... раньше мы научили Запад выкрикивать "американцы вон из Вьетнама", теперь пусть каждый немец кричит "американцы вон из Европы" ... Интенсивное запугивание войной очень действенно, и мы заставим немцев жить в постоянном страхе и верить, что только янки могут обрушить на их овечьи головы водородную бомбу. Наша главная цель — вытеснить, выжить американцев из Европы. Если США уйдут, Европа окажется безоружной, и ее судьба попадет в наши руки. И вы, разумеется, понимаете, что тогда до Вашингтона — рукой подать...

Отодвинув от стола кресло, Пономарев закинул ногу на ногу:

— Почти никто в США не признает нашу, то есть, американскую компартию серьезной политической силой. Это отрадно. Пусть там и дальше ничего не ведают в ювелирной работе маленького, но очень, как вам известно, боевитого отряда. Кто выиграл войну во Вьетнаме, иначе, кто тогда

нанес такое тяжелое поражение нашему главному врагу — США? Компартия США! Ведь до сих пор американцы так и не подозревают, что это мы с вами и с компартией США заставили правительство США вывести свои войска из Вьетнама. Американцы не знают, каких огромных усилий стоило нам и компартии США раскрутить либеральные круги Соединенных Штатов и организовать мощное "движение за мир" во Вьетнаме. Хорошо, что не многие разбираются в нашем революционном искусстве и что мало кто слышал об истинных героях вьетнамской эпопеи. Но мы то с вами знаем их и никогда не забудем имена всех награжденных советскими орденами участников той исторической операции... Среди них и наш друг Мартин Прайс. — Пономарев как-то очень гордо вскинул голову, и Горбунова поразило удивительное сходство коротких усов шефа с усами Гитлера. Горбунов даже зажмурился, а потом безо всякого интереса продолжал слушать Пономарева.

— Итог вьетнамской эпопеи, — продолжал шеф Анатолия, — всем известен. На наше удивление и по сей день американские газеты, радио и телевидение продолжают пугать народ своей страны ужасами Вьетнама и вынуждают президента США помалкивать о посылке войск против наших отрядов, действующих даже на самой границе с Соединенными Штатами. Там принято спекулировать цифрой пятьдесят тысяч, иначе числом американских солдат, погибших во вьетнамской войне. Но при этом забывается другой факт. В США от несчастных случаев, преступлений, в дорожных катастрофах и в пожарах ежегодно гибнут тысячи людей. Однако, средства массовой информации не призывают, допустим, к яростной борьбе с преступностью, а по существу провоцируют население на поддержку нашего "движения за мир" и нашего же лозунга "Соединенные Штаты — разоружайтесь!" Хорошую пропаганду ведут американские журналисты у себя дома, не будем же им мешать...

В кабинете стало душно, но приоткрыть окно Горбунов не решался. Шеф ужасно боялся холодного воздуха и зимой, опасаясь простуды, носил под пиджаком шерстяной жилет. Анатолий посмотрел на лица присутствовавших и понял,

что его коллеги, как и он сам, с трудом пересиливали себя, слушая шефа.

— Я не могу сказать, чтобы мы добились полного успеха в США, — вяло говорил Пономарев, — но мы на долгие годы взваливали на плечи американцев ”вьетнамский синдром”, и мне кажется, неплохо потрудились над тем, чтобы слово ”антикоммунист” стало в США немодным. Наши люди теперь свободно пропагандируют в США коммунизм и даже в университетах читают лекции о коммунизме. Разве это не победа? И в этом заслуга той же маленькой американской компартии, и наша с вами заслуга, и всех офицеров КГБ. Однако, теперь перед нами задачи более рискованные и значительно более важные...

Горбунов начинал уже нервничать. Совещание затягивалось, и он мог опоздать на свидание к Нине. Анатолий все никак не мог понять, почему вдруг Пономарев созвал это нудное и долгое совещание и почему шеф как-то особенно выделил во всех тех секретных операциях Мартина Прайса и явно польстил Андропову. ”Вождь, видимо, опять наступил шефу на его больную мозоль”, — подумал Анатолий.

Горбунов с удивлением продолжал слушать своего босса, а тот говорил о всем им уже известной и утвержденной Политбюро программе действий на начавшийся год. Уставший Пономарев рассказывал обо всем этом крайне неинтересно, и как считал Горбунов, с трудом, преодолевал самого себя. Глава международного отдела сухо перечислял пункт за пунктом программы: образование в США новых коммунистических ячеек, молодежных клубов и обществ, сочувствующих коммунизму, организация антивоенных демонстраций и выступлений против развития ядерной энергетики, углубление инфильтрации коммунистов в армию, дестабилизация США изнутри с помощью либеральных делегатов Конгресса и Сената и путем срамливания черного населения с белым, провоцирование новых ”разоблачений” Си-Ай-Эй и Эф-Би-Ай, создание в США единого центра для координации всей идеологической и диверсионной работы, подкуп сенаторов, конгрессменов, журналистов. Пономарев говорил и о планах провоцирования гражданской войны

в США, сославшись при этом на имевшийся у КГБ опыт организации бунтов в тысяча девятьсот восемьдесят первом году в окрестностях Лондона, в Ливерпуле и других городах Англии. Далее шеф международного отдела перечислил планы создания в США подпольных групп, специализирующихся на ограблении банков, взрывах бомб, политических убийствах, организации массовых беспорядков и особых групп "устрашения", которые должны будут заняться убийствами лиц гражданского населения с целью создания в стране паники, психоза и страха.

Горбунов знал, что львиная доля намеченного на этот год будет выполняться агентами Первого главного управления КГБ, ответственного за тайные операции за границей и Второго Управления ГРУ, непосредственно участвующего в развитии международной сети терроризма. На долю же отдела Пономарева выпала не менее ответственная работа — продолжать свою миссию главного идеолога коммунистической экспансии и вдохновителя всех политических интриг...

Наконец-то, совещание закончилось. Пономарев тут же позвонил к себе Горбунова:

— Мартин Прайс, как известно, прилетел сегодня в Москву. Я обещал передать ему этот журнал сегодня же, — Пономарев взглядом показал на край стола, где лежал свежий номер журнала "Рабочий класс и современный мир". — Там опубликована его статья.

— Прайс знает о ней? — на всякий случай осведомился Горбунов.

— Нет. Да это не имеет значения. Мартин на нас не обидится. Заодно передайте ему триста рублей. Скажите, что это гонорар. В секретариате уже приготовлен конверт с деньгами.

Вернувшись в свой кабинет, Горбунов сразу же вызвал машину. Он наскоро одел пальто и заторопился к лифту. Горбунов нервничал, был уже шестой час, а ему ведь еще предстояло заехать к этому Прайсу, которого он проклинал сейчас всеми непристойными словами.

Тайная гостиница ЦК КПСС, где жили приезжавшие в Москву люди, подобные Мартину Прайсу, находилась в

Плотниковом переулке. Езды туда от Старой Площади было не более пятнадцати минут, но как назло валивший снег сильно мешал движению, и машины медленно продвигались по улицам.

Чтобы отвлечься от своих мыслей, Горбунов стал листать статью Прайса: "Каждый должен усвоить одну из новых реальностей нынешней эпохи, — говорилось в ней, — существование тесной связи между социалистическими странами и национально-освободительной борьбой. Национально-освободительные движения и впредь будут получать продовольствие, оборудование, одежду, политическую и дипломатическую поддержку, а также и помощь оружием...". Анатолий остановился на последнем слове, догадавшись, что весь этот абзац, вложенный в уста Прайса, был не чем иным, как чуть-чуть перефразированным высказыванием вождя, сделанным им в какой-то его недавней речи. Журнал "Рабочий класс и современный мир" издавался институтом, в котором работал Виктор Быстров, и Горбунов даже знал человека, написавшего эту статью за Мартина Прайза. "Ну и шустрый же этот парень, Александр Беркань!" — усмехнулся Горбунов.

Машина уже въехала в Плотников переулок и вскоре остановилась возле небольшого светлого здания, не имевшего ни вывески, ни указания о своем назначении. Горбунов вошел в подъезд. Охрана давно уже знала Горбунова, и он, не предъявляя пропуск, поднялся на третий этаж.

Мартин Прайс встретил его приветливой улыбкой. Предложил Горбунову чашку кофе, ароматную кубинскую сигару, но Анатолий отказался и от того, и от другого.

— Мы постараемся перевести для вас эту статью на английский...

— О, не беспокойтесь! — воскликнул Прайс, принимая из рук Горбунова конверт с деньгами. — Я полностью доверяю русскому тексту.

Горбунов, сославшись на чрезмерную занятость, тут же раскланялся и ушел, оставив важную персону компартии США наедине с его мыслями.

Черный лимузин Горбунова с трудом пробирался по заснеженному и запруженному другими машинами пути

вдоль Гоголевского бульвара. Возле метро "Кропоткинская" Анатолий вышел из машины и быстро зашагал навстречу Нине.

— Я думала, ты уже не придешь. Почему так опоздал? — она взяла Анатолия под руку, и они пошли искать такси. Дул ветер, и снег колот глаза. Горбунов вдруг почувствовал себя усталым, и на его душе стало как-то неуютно.

Дом, в котором жила подруга Нины, не имел лифта, и они чуть ли не бежали по лестнице, торопясь открыть дверь. Времени у них оставалось в обрез, вскоре должна была уже прийти хозяйка квартиры, и оба они, и Нина и Анатолий, заметно из-за этого нервничали...

Возвращался Горбунов на улицу Алексея Толстого в подавленном настроении. Он вспомнил, что еще днем возбуждался при одной только мысли о свидании с Ниной, а вот сейчас, в безразличии развалясь в такси, он повторял про себя: "Все у нас получилось по-скотски". Анатолий чуть было не уснул в пути, с трудом выбрался потом из такси и тяжелой походкой вошел в свою квартиру.

ПРОЗРЕНИЕ ДУДИНА

1

Капитан КГБ Александр Шабанов был уже в Вашингтоне. Он занял должность помощника атташе в советском посольстве в столице Соединенных Штатов и теперь каждое утро с удовольствием отмечал происходящие в его жизни перемены. Ему уже не хотелось даже вспоминать многочисленные казусы из своей прежней работы, казавшейся ему теперь не такой уж важной в сравнении с тем, что его ожидало в США. И Шабанов, конечно, не возвращался мыслями к Эдуарду Гонзалесу. Капитан толком-то и не знал тех истинных причин, которые вынудили его бывшее начальство срочно прибрать к рукам совершенное на Автозаводской улице преступление. Шабанов лишь присутствовал при осмотре места происшествия и произвел тогда обыск квартиры покойного. А теперь же капитан попросту выбросил из головы этот, как ему показалось, пустяшный эпизод.

А в Москве место Шабанова в отделе особых расследований занял капитан Алексей Кузьмин. Это был опытный следователь, и начальство высоко ценило его усердие, а главным образом, удивительную способность к скрупулезному отбору и глубокому анализу даже незначительных фактов, касавшихся любого порученного ему дела. А дело Эдуарда Гонзалеса представляло крайне важное государственное значение, и капитан Кузьмин с головой ушел в его расследование.

Смерть Гонзалеса унесла с собой тайну одного чрезвычайно секретного документа, имевшего прямое отношение к долголетней операции против США. Эта операция, получившая кодовое название "Дуэт", началась еще при Сталине. И после его смерти она годами успешно осуществлялась вплоть до трагической гибели братьев Саундерс. В эту операцию был вовлечен весьма узкий круг людей, включая поочередно всех последующих после Сталина вождей, и тайна "Дуэта" оберегалась крайне тщательно. Ее разоблачение грозило вывернуть наизнанку почти полувековую историю советского шпионажа в США, и нынешний вождь очень опасался своей личной компрометации. По его указанию уже были приняты кое-какие срочные меры. Кроме того, вскоре после Нового года вождь вызвал в Москву Мартина Прайса и, как мальчишку, отчитал его за нерасторопность и медлительность в поисках новых возможностей возобновления операции. Однако, все это не могло предотвратить возможность раскрытия давнишней тайны. Документ, как в воду канул, и вот теперь капитану Кузьмину предстояло во что бы то ни стало его разыскать.

Алексей Кузьмин производил впечатление чудаковатого человека. У него была странная гусиная походка, носками внутрь, а голова его всегда клонилась в сторону, создавая такое впечатление, что Кузьмин даже на ходу пытается подслушивать чужие разговоры. Капитан был среднего роста, полный и в свои тридцать два года почему-то уже имел седую копну волос. Но несмотря на его очевидную непривлекательность и чудаковатый вид, коллеги никогда над ним не посмеивались и не отпускали в его адрес даже малейших и безобидных шуток. Кузьмин и сам себе никогда не позволял шуток, и улыбка была редкостью на его лице.

Кузьмин прежде всего старался изучить характер Эдуарда Гонзалеса, разобраться в его взглядах на жизнь. Капитан полагал, что все это поможет ему понять мотивы поведения покойного и, быть может, напасть на след человека, завладевшего документом.

Но был ли такой человек?

Возможно был. Рапорт осведомителя КГБ недвусмыслен-

но говорил о том, что у Гонзалеса имелись намерения передать секретный документ третьему лицу. Но успел ли он выполнить свое желание? Обыск квартиры покойного ни к чему не привел, документ не был обнаружен. И капитан Кузьмин все больше и больше склонялся к мысли, что документ этот, возможно, исчез перед самой смертью Эдуарда. Но кто же им успел завладеть?

Смерть настигла Гонзалеса на десятый день после того, как осведомитель сделал донесение. Все это предшествующее время из-за каких-то бюрократических недоразумений за Эдуардом Гонзалесом не была установлена слежка тайных агентов КГБ, и никто не знал с кем и где он проводил время. Но капитану Кузьмину удалось все-таки выудить у соседей покойного кое-какие интересные сведения. Так один из них сказал Кузьмину, что в ту роковую ночь кто-то был у Гонзалеса в гостях чуть ли не до самого рассвета. Сосед этот утверждал, что, вернувшись после ночной смены в пятом часу утра, он слышал через смежную с квартирой Гонзалеса стену, как Эдуард громко спорил с каким-то мужчиной. Другой сосед, якобы, даже видел какого-то мужчину, стучавшегося поздно вечером в квартиру Гонзалеса. И он описал Кузьмину его внешность: среднего роста и как будто слегка сутулый.

Этих сведений было, конечно, явно недостаточно, чтобы выдвигать хотя бы мало-мальски стройную версию расследования. Но тем не менее, показания соседей укрепили у Кузьмина уверенность, что документ исчез в последнюю ночь жизни Гонзалеса. Капитан понимал, что в этом его убеждали отнюдь не доказательства и не логика фактов, а внутреннее чутье, которому он порой доверял больше всего на свете.

Алексей Кузьмин стал разыскивать "слегка сутулого человека среднего роста". Он искал его среди знакомых Гонзалеса, но так и не нападал на след. Круг поиска все время сужался и очередь, наконец, дошла до последней страницы записной книжки Эдуарда, на которой имелась фамилия — Виктор Быстров.

В один из дней капитан приехал в институт, где работал Быстров, и незаметно понаблюдал за ним. Виктор Быстров

оказался именно тем человеком — среднего роста и слегка сутулившимся. Украдкой Кузьмин несколько раз сфотографировал Виктора.

На следующий день капитан увиделся с соседом Гонзалеса.

— Кажется, он, — сосед немного подумал, — но не могу ручаться. Может быть...

Показания разочаровали капитана, но его внутреннее профессиональное чутье и на этот раз подсказывало не отступать от выбранного направления. И подозрения Кузьмина стали все чаще и чаще останавливаться на Быстрове. Они еще более укрепились, когда Кузьмин установил интимную связь Быстрова с итальянкой Марией Моретти.

Но Виктор Быстров и Мария Моретти имели безукоризненные репутации. В отделе № 11 Второго главного управления КГБ, санкционирующего зарубежные поездки советских граждан, имелось обширное досье на Виктора Быстрова. И Кузьмин не обнаружил в нем каких-либо доказательств, свидетельствовавших хотя бы о малейших признаках, способных скомпрометировать этого человека. Из досье черным по белому явствовало, что Быстров был в соответствии с принятой в КГБ терминологией, идеологически и морально преданным советской власти. В КГБ его считали абсолютно лояльным, и поэтому Быстров имел доступ к секретной работе и ему беспрепятственно доверялись поездки в Италию. А в преданности Марии Моретти тоже не имелось никаких сомнений. Но тем не менее, Кузьмину удалось настоять на том, чтобы за Быстровым и за Моретти было установлено постоянное тайное наблюдение.

Политическая служба наблюдения КГБ, имевшая в своем распоряжении сотни тайных осведомителей, разбросанных по всей стране и во всех учреждениях, тут же приступила к действиям. Дворник и лифтер дома, в котором жил Быстров, служили осведомителями в местном отделении КГБ, и они получили задание постоянно докладывать о том, когда Быстров возвращается с работы, какие посторонние люди бывают у него в доме и как долго они там задерживаются. Кроме того, лифтер должен был немедленно сообщать по телефону дежурному местного отделения КГБ, если Быстров уходил из дома поздно вече-

ром. Задание о слежке получил и осведомитель института, в котором работал Быстров. И в довершение, по субботам и воскресеньям за ним стали по пятам следить два тайных агента, а телефоны Быстрова домашний и служебный, оказались подключенными к специальной телефонной станции КГБ для подслушивания.

Все сведения осведомителей, тайных агентов и телефонной станции КГБ сразу же заносились в специальные регистрационные карточки. Затем вся информация поступала на компьютеры вычислительного центра КГБ, и Кузьмин мог в любой момент воспроизводить и видеть, как на ладони, жизнь своих подопечных — Виктора Быстрова и Марии Моретти. Капитан всегда восхищался этими компьютерами, закупленными властями у американских промышленников.

Без особого труда Кузьмин определил круг знакомых Быстрова и отобрал из него в свое досье Михаила Дудина, очень сблизившегося с Быстровым после празднования у Риты Нового года.

Но за семьей Дудина еще и раньше наблюдал отдел № 7 Пятого главного управления КГБ, контролировавшего поведение всех советских людей, имевших даже дальних родственников за границей. Это облегчало задачу Кузьмина, и он узнал теперь, что у Лены, жены Миши Дудина, был такой дальний родственник, брат ее давно умершего отца, живший в США. По сведениям отдела Лена с ним никогда не переписывалась и, очевидно, не имела даже представления о его существовании.

Лена была еврейкой, а поэтому семья Дудиных состояла на учете еще и в другом отделе — еврейском отделе КГБ, который кроме вербовки осведомителей среди лиц еврейской национальности, занимался еще и выискиванием потенциальных кандидатов на эмиграцию в Израиль или в США. Но, как узнал Кузьмин, по данным этих двух отделов за Дудиными пока еще не числилось каких-либо компрометирующих фактов. Более того, в КГБ имелись сведения о том, что Лена и Миша отрицательно относились к эмиграции евреев из СССР и даже не имели в числе близких знакомых людей еврейской национальности.

Все это, казалось бы, говорило, что Кузьмину следовало бы исключить из орбиты следствия Михаила Дудина и его жену. Но опять же, находясь во власти интуиции, следователь упорно отстаивал свою чрезвычайно иллюзорную и до конца еще даже им самим не осязаемую версию. Алексею Кузьмину почему-то казалось, что Дудин мог быть каким-то образом причастен к исчезновению секретного документа. И на эту мысль его наводило всего одно обстоятельство. Михаил Дудин работал на автозаводе имени Лихачева в одном и том же конструкторском бюро, где работал и Эдуард Гонзалес. Они, правда, никогда не были близко знакомы, и Дудин, как установил капитан, даже недолюбливал Гонзалеса. Но... Это злосчастное "но" не давало покоя следователю, и он настоял на том, чтобы и за Дудиным было установлено наблюдение.

2

Прошло уже два месяца после празднования Нового года. Время шло своим известным путем, и человеческие судьбы безропотно подчинялись его прихотям. Менялся и жизненный лик тех тринадцати человек, которые волею случая встретились за праздничным столом у Риты.

Полковник КГБ Олег Раевский, работавший экспертом по компьютерам в Госкомитете по науке и технике, вскоре после наступления Нового года уехал в США и еще не возвращался из командировки. Его жена Наташа ужасно переживала его отсутствие, и впервые в жизни ей вдруг пришла совершенно нелепая, как ей казалось, мысль о том, что Олег, находясь там в США, решил стать двойным агентом и предложил услуги американской разведке. Она отмахивалась от этой мысли, как черт от ладана, она боялась ее, но что-то мешало Наташе раз и навсегда отделаться от назойливых воображений. Наташа знала настроение своего мужа, хорошо понимала и разделяла его взгляды, но до этого времени, однако, не могла поверить в то, чтобы он все-таки решился на такой крайне рискованный и для себя и для нее шаг. Наташа была беременна. Она поняла это уже

после отъезда мужа в командировку. Вчера же, разговаривая с Олегом по телефону, она ему ничего об этом не сказала. Почему? Наташа и сама не могла понять, почему же она промолчала и вот теперь ругала себя за свой нелепый поступок. Наташа подумала, что если бы она все рассказала Олегу, то он наверняка не стал бы рисковать жизнью своего будущего ребенка, и у них бы все осталось по-прежнему. А сейчас жизнь Наташи стала для нее сущим адом, и она с нетерпением ждала возвращения мужа.

Совсем по другому чувствовала себя другая женщина из той новогодней компании — Кэрол Бушнелл. Для нее московская жизнь превратилась в беспечное времяпровождение. Она посещала театры и концерты, развлекалась в загородных прогулках в обществе Риты и Колосова, а все остальное, что окружало ее, проходило стороной, и Кэрол не замечала другой и настоящей стороны жизни. Не замечала, а может быть, просто и не хотела видеть той огромной разницы, пропастью разделявшей мир, из которого она приехала, с тем миром, в котором оказалась теперь. Кэрол была слепа к толпам москвичей, сновавшим по магазинам в поисках продуктов и самой элементарной одежды, и не понимала, почему же люди, с которыми она как-то попыталась разговаривать на улице, стыдливо опускали глаза, так и не ответив на ее вопросы.

Почти все свое свободное время Кэрол и Ральф проводили вместе с Колосовым, Ритой и их друзьями. А Рита стала чуть ли не самой близкой их приятельницей, и Ральф как-то признался себе, что еще тогда, когда они праздновали Новый год, он испытал к ней неодолимое влечение. Иногда ему стоило больших усилий сдерживать себя, он не понимал поведения Риты, и, попросту говоря, боялся попасть впросак. Но вот на прошлой неделе ему показалось, что Рита может ответить взаимностью. Они встретились на вечеринке у одного из знакомых Колосова, и во время танцев Рита была с ним как никогда близка. И после этого мысль о возможной интимной связи с ней не покидала Ральфа.

Произошли перемены и в семье консультанта международного отдела ЦК КПСС Анатолия Горбунова. Сначала он

смотрел на свою связь с Ниной Быстровой, как на забаву и развлечение. Но постепенно его отношение к ней менялось, и Анатолий начинал испытывать к Нине нечто большее, чем простое желание. Ему иногда даже казалось, что с Ниной он мог бы, вероятно, быть счастливым и что глупостью оказалась его когда-то поспешная женитьба на Рае. Но о разводе Анатолий даже боялся думать.

Развод с точки зрения партийной морали означал большой грех, развод по неписанным партийным законам приравнивался чуть ли не к преступлению. В низших партийных инстанциях разводящихся супругов подвергали всегда унижительным допросам и публичному осуждению на собраниях. На них смотрели, как на людей, осквернивших достоинство и целомудренность партии. А там, на самой вершине партийной иерархии, где находился Анатолий, развод вообще был невозможен. За ним неизбежно следовала партийная экзекуция, а она означала конец карьеры, а следовательно, и полнейший крах всего будущего. Партийная элита ревностно охраняла выдуманную ею же самой какую-то свою особенную "чистоту" в отношениях мужчины и женщины и никогда обратно не принимала в свои ряды людей, нарушивших ее неписаный фарисейский кодекс морали.

Анатолий уже однажды в какой-то мере нарушил этот кодекс, женившись вопреки воле отца на девушке, принадлежавшей отнюдь не к кругу дочерей высших партийных сановников. Рая была из интеллигентной, но простой семьи, и ни по каким признакам не подходила к той касте людей, к которой принадлежала семья Горбуновых. У Анатолия и Раи были совершенно различные родословные корни, и в первые годы замужества Рае пришлось пережить в связи с этим немало горьких минут. Родители Анатолия и жены его друзей открыто пренебрегали ею.

В то время Анатолий всего этого не замечал, а теперь уже толком не мог ответить на вопрос, что же заставило его тогда остановить свой выбор на представительнице плебса. В последнее время он все чаще признавался себе, что никогда по-настоящему не любил Раю. И Рая начинала это чувствовать. Но она не догадывалась об интимных отно-

шениях мужа с Ниной и даже жалела, что после Нового года Быстровы ни разу не побывали у них в гостях. Рая просто не представляла, чтобы Анатолий мог изменить ей, но подсознательно ощущала наступившую вдруг перемену, которая начинала все больше и больше угнетать ее. У Раи не было близких друзей, у нее вообще никого не было, кроме мужа, и она чувствовала себя ужасно одинокой за охраняемыми воротами своего привилегированного дома.

Однажды ей позвонил Миша Дудин. Но она не захотела видеть ни его, ни его жену Лену. Дудины почему-то раздражали ее, и Рая не испытывала ни малейшего желания с ними встречаться. И вообще, искусственно созданная тогда новогодняя компания раздробилась, и все вместе с тех пор так и не собирались. Колосов, Ральф, Кэрл и Рита ото всех обособились. Горбунов с Раей тоже ни с кем с того времени контактов не поддерживали, а сам Горбунов жил своей скрытой жизнью с Ниной Быстровой. Отношения же Нины с ее мужем вконец, конечно, разладились, и они только внешне поддерживали вид супружеской пары. Виктор самым серьезным образом был увлечен Марией Моретти, он чувствовал себя счастливым и никем из прежней компании не интересовался, кроме как Дудиным, с которым он очень сблизился.

Дудин был прямой противоположностью Виктора, и их неожиданная дружба выглядела со стороны очень странной. Они постоянно обо всем спорили, экспансивный Виктор часто повышал голос, и казалось, что они вот-вот наговорят друг другу грубости и разругаются.

Как-то Виктор заехал к Дудиным. Они сидели за телевизором и с увлечением смотрели спектакль "Часовые Кремля". Виктор тоже уселся за телевизор, но через пять минут не выдержал:

— Надо же выдумать такую чушь! Ленин за союз с политическими противниками! Какое же это вранье! Давайте, выключим телевизор!

— Тише! — прошептала тогда испуганная Лена. — У нас и стены слушают!

— Тише! — скопировал ее рассмеявшийся Виктор. — Но это же действительно ложь! Вы знаете, как Ленин расправ-

лялся со своими политическими оппонентами? А кто на земле изобрел первый политический концлагерь? Сталин? Гитлер? Ничего подобного! Ленин!

Миша и Лена посмотрели тогда на Виктора широко открытыми глазами, а он, понизив голос, сказал:

— Но откуда же вам знать свою собственную историю? Из школьных учебников? Нас ведь еще со школьной скамьи учат лжи и лицемерию! Наше поколение сызмальства слепо и остается слепым!

— Мы не слепые! — Лена даже обиделась.

— Почему ты так думаешь? — вставил и Миша.

— Почему? — Виктор задумался. — Сколько лет мы не виделись после школы? Кто ты, Миша? Кто твоя жена? Я не знаю. Но вы оба кажетесь мне порядочными людьми и...

— И мы себе кажемся порядочными, — недовольно проговорил Миша.

Виктор рассмеялся:

— Если так, то давай поговорим! — он закурил и глубоко затянулся. — Как долго мы верили Сталину?

— Почти тридцать лет! — Дудин снял очки и внимательно посмотрел на Виктора. — Но в итоге мы же узнали правду!

— В итоге! Это достижение?

— А что же это?

— Во-первых, ужасно тридцать лет быть слепым, а во-вторых, мы узнали не всю правду, и в-третьих, о преступлениях Сталина нам стало известно вовсе не потому, что у наших правителей проснулась совесть!

— Ну, а что же тогда, если не совесть? — удивилась Лена.

— Обстоятельства вынудили Хрущева рассказать людям хотя бы частицу правды и дать амнистию политзаключенным. Это были его козыри, и он сыграл ва-банк! Чем бы иначе он оправдал тогда захват власти? Кто бы поверил ему, что он лучше Сталина? Хрущев и сам принимал участие в терроре и повинен в смерти многих тысяч людей! Ну, черт с ним, с Хрущевым! Допустим, мы узнали полную правду о Сталине. Допустим! Но какой ценой? Тридцатью годами слепоты и миллионами жертв!

— Я никогда не оправдывал жестокость и всегда ненавидел террор! — сухо и серьезно произнес тогда Миша. — Но все те жертвы, как бы это точнее сказать, мне кажется, были вынужденными и естественными... отходами... Строился новый общественный строй... А когда лес рубят, щепки летят...

— Ты так говоришь лишь потому, что не испытал на самом себе ни ужасов, ни боли концлагерей! Ты живешь, как черепаха в панцире! Из-под него ты ни черта не видишь! Но он прикрывает тебя до поры до времени! — Виктор начинал не на шутку раздражаться. — Естественные отходы! Ты понимаешь, что говоришь? Кому нужен этот проклятый коммунизм, если за него нужно платить кровью миллионов людей? Кому нужен такой общественный строй, который строится насильно, а потом мертвой хваткой держит людей за горло?

— Но сейчас ведь другое положение.

— Что ты имеешь ввиду?

— Сейчас же нет таких репрессий, как при Сталине! — с чувством какого-то превосходства и с несвойственной ему резкостью произнес Дудин.

— Нет репрессий? А судебные расправы с диссидентами? Аресты и ссылки верующих? Преследования евреев?

— Но согласишься же, все это делается не в таких масштабах, как при Сталине!

— Значит, все дело в арифметике? Плох тот, который уничтожил миллионы, а хорош, расстрелявший тысячи!

— Я этого не говорил!

— А что же ты сказал?

Миша тогда явно смутился и не нашел слов для возражений. Он понял, что попал в тупик, и Лена почувствовала то же. А Виктор, обратившись к Мише, еще раз спросил:

— Ты понимаешь, что ты сказал? И ты называешь себя противником террора!?

— Ты не веришь?

— Верю! Верю, что для тебя террор так же ненавистен, как и для меня. Но в твоей голове, извини меня, ералаш. С одной стороны ты оправдываешь насилия и называешь

их "естественными отходами", а с другой стороны, восстаешь против насилий. Что же ты хочешь? Кто твой кумир? Ленин? Сталин? Нынешний вождь?

— Ты как-то странно ставишь вопрос, — неуверенно произнес тогда Миша.

— А кто твой кумир? — Лена язвительно посмотрела на Виктора.

— Для меня они все одинаковы. Нет между ними разницы! У каждого руки в крови! Об уголовном прошлом Сталина мы теперь кое-что знаем. А что люди знают об уголовном наследии Ленина? Вот вы смотрели сейчас "Часовых Кремля" и думали, что с телевизионного экрана к вам идет сушая правда. Так, к сожалению, считают еще очень многие. Но Ленин — это история почти шестидесятилетней давности. Скрыли ее от нас, и дело с концом! А вот, что вы знаете о сегодняшнем дне? Что?

— Ты уверен, что и сегодня много политзаключенных? — Дудин тогда как-то странно и выжидающе посмотрел на Виктора?

— Предостаточное число, и ты можешь считать их современными "отходами" передового социалистического общества! Ты — слеп! И твои рассуждения выдают тебя с ног до головы! Ты живешь в стране, в которой каждый день происходят аресты, и ты не замечаешь этого! Ты живешь в стране, в которой процветают политические убийства, и не слышишь об этом! Ты живешь в стране, в которой уйма концлагерей с тысячами политзаключенных, и не знаешь этого! И спрашиваешь, а правда ли это?

— У нас же об этом сведения не публикуются! Откуда же я могу знать, сколько там политзаключенных! — прорвалось во время того спора у Дудина. — Это ты имеешь доступ к секретным сведениям! Легко говорить: ты слеп! А что бы ты на моем месте знал?

— Вот этого-то я и хотел! — рассмеялся Быстров. — Я хотел, чтобы ты сам признался в своей слепоте! Действительно, откуда же простому советскому человеку взять правду? Из передач иностранного радио? Его глушат! Из иностранных газет, книг? Они запрещены у нас! Остается одно: слушать свое радио, читать свои газеты и книги да

смотреть "Часовых Кремля!". Прекрасная перспектива для тех, кто навеки хочет оставаться слепым!

Пожалуй, с того именно дня и началась привязанность Виктора к Мише Дудину. А произошла эта их встреча вскоре после Нового года. С той поры они стали встречаться часто, но споры их не прекращались. В большинстве случаев Миша сам вызывал Виктора на щекотливые политические разговоры. И делал он это вовсе не потому, что ему доставляло удовольствие спорить. Новости, которые он узнавал от Быстрова, живо интересовали Дудина, он сопоставлял их с действительностью и, к удивлению Виктора, довольно быстро превращался в его союзника. Быстров видел в Дудине типичного представителя миллионов советских людей, сознание которых все еще дремало под тяжелейшим прессом вездесущей и тотальной партийной пропаганды, но которое уже находилось в зачаточном пробуждении. Виктор думал, что вот если бы каждый, как теперь Дудин, получал даже толику правдивой информации, то быть может кое-что изменилось бы вокруг.

Виктор все больше укреплялся во мнении, что Дудин порядочный человек. Он стал даже чем-то напоминать ему Олена Раковского. Правда, с Дудиным ему не было так интересно, как с полковником КГБ Олегом Раковским. Дудин не отличался начитанностью, взгляд его не был столь широк. И Миша иногда казался поэтому скучным и нудным, что могло раздражать нетерпеливого собеседника. Но в Дудине скрывалось нечто такое, что легче всего выражалось в одном слове — человечность. Он был мягок и добр, и это очень импонировало Быстрову.

Но у Виктора имелись и другие соображения, которые толкали его на сближение со своим давним школьным товарищем.

Последние пару лет Быстров был в близких отношениях с Эдуардом Гонзалесом. И вот в ту новогоднюю ночь Виктор понял, что и Миша знал Гонзалеса. Тогда-то у Быстрова и заронила мысль поближе сойтись с Дудиным. Но во время новогодней встречи Виктор почему-то не признался Дудину в своем знакомстве с Гонзалесом и сделал вид, будто рассказ Миши о его убийстве не представляет для него ника-

кого интереса. Однако же, вскоре после Нового года Быстров позвонил Дудину и напросился к нему в гости. Быстров намеревался найти в нем единомышленника, человека, который бы вместе с ним оказался посвященным в тайну смерти Гонзалеса.

3

Была пятница. Виктор Быстров пришел с работы и бесцельно лежал на кушетке. Он отдыхал после рабочего дня, после всей его, как он считал, пустой суеты, и был доволен, что Нина еще не пришла домой, и ему никто не мешает находиться наедине с самим собой. В последнее время Нина вообще стала часто позже обычного возвращаться с работы, и он к этому начинал привыкать.

Виктор поудобнее устроился на кушетке и взял с тумбочки, стоявшей рядом, письмо сына, пришедшее еще пару дней назад. Виктор стал его перечитывать. Ничего особенного в письме не сообщалось. Оно было таким же, как и десятки других — ни о том и ни о сем. Виктор предупредил сына, что письма из армии перлюстрируются, и тот писал теперь лишь о погоде и о своем превосходном самочувствии.

Виктор задумался сейчас над тем, как же так произошло, что он фактически потерял своего Андрея в самый, пожалуй, сложный для сына период жизни. Андрей работал тогда на заводе сборщиком и вечерами готовился к поступлению в университет. Но не суждено ему было стать студентом. Как только Андрею исполнилось восемнадцать лет, его тут же на три года мобилизовали в армию. Виктор пытался тогда воспользоваться своими связями и получить для сына хотя бы отсрочку от мобилизации, но ничего не вышло. "Закон есть закон" — повторяли во всех инстанциях, а по закону, Виктор это знал, все восемнадцатилетние парни должны были идти служить в армию. Призывы проводились дважды в год и уклонившимся грозила тюрьма. Попасть на два, а то и на три года за решетку или топтать солдатские сапоги? И Виктор проводил сына в дальний путь.

Виктор очень любил Андрея и не переставал беспокоиться за него. Свои чувства он старался скрывать от Нины, но со временем переживания даже усиливались, и Виктору иногда казалось, что он навсегда расстался с сыном. "Почему же мы должны жить порознь?" — недоумевал Виктор, и он был окончательно взбешен, узнав, что еще на год задерживается демобилизация из той части, в которой служил Андрей. "Сволочи! — неистовствовал Виктор. — Держат под штыком почти пять миллионов человек и под дулом пистолета в мирное время загоняют в армию еще тысячи! Такого нигде нет! Наш сын должен четыре года тарабанить в портянках! Во имя чего?"

Временами Виктору действительно казалось, что он никогда уже не увидит Андрея. Почему ему так казалось, почему приходили такие мысли, он не знал. Но повторялись эти мысли в последнее время все чаще и чаще, и Виктор поносил тогда советскую власть. А Нина посматривала на него снисходительно и не вступала с ним по этому поводу в разговоры. "Неужели ты так черства"? — удивлялся он.

Телефонный звонок поднял Виктора с кушетки. Он взял трубку, но ответа не последовало. Такой же странный звонок раздался и накануне, и Нина тогда шутя бросила ему:

— Кто-то следит за тобой!

А Виктору и впрямь стало казаться, что за ним следят. И впервые он подумал об этом, когда пришел как-то на работу раньше обычного времени и обнаружил приоткрытыми ящики своего письменного стола. Ему тогда показалось, что в них кто-то рылся. С тех пор, уходя домой, Виктор укладывал все вещи в определенном порядке, но часто на утро все повторялось сызнова: кто-то переворачивал в ящиках бумаги и документы и складывал их обратно не совсем в том порядке, в котором они находились прежде. А на прошлой неделе, когда Виктор вместе с Марией Моретти ходил в театр, он обратил внимание на человека, все время следовавшего за ними. Собственно говоря, это Мария первой заметила этого человека, но о своих подозрениях она сказала Виктору лишь на следующий день.

— Может быть нам расстаться?

— Мы будем вместе с любым случае! — угрюмо ответил Виктор.

Но больше всего его встревожило другое обстоятельство. Ему предстояли две поездки в Италию. И одна из них планировалась на глубокую осень, когда Мария Моретти уже должна была возвращаться в Рим. Оба они очень рассчитывали на его командировку и жили надеждой, что неминуемо приближавшаяся осень уже не сможет разлучить их сердца. Они мечтали быть вместе. Но вот на днях Виктор совершенно случайно узнал, что он не едет в Италию. Вместо него в те две командировки был назначен другой человек, и это было решением международного отдела ЦК. Рано или поздно Быстрова уведомили бы обо всем официально, но эта случайно узнанная весть вместе с подозрением о слежке очень встревожила Виктора. Он знал цену решениям международного отдела и ясно осознал, что по каким-то причинам потерял доверие КГБ. Быстров понял и то, что отныне его ожидают отнюдь не лучшие времена...

Раздался еще один телефонный звонок. На этот раз звонил Дудин. Быстров условился встретиться с ним сегодня вечером, чтобы приоткрыть тайну смерти Гонзалеса. Виктор почему-то хотел сделать это непременно сегодня и не желал откладывать встречу. Необъяснимое чувство тревоги управляло им и настойчиво торопило с этим решением уже несколько дней подряд, и Виктор, наконец, был готов пойти на риск. Он только молил Бога найти в Дудине действительно честного человека, который бы наверняка не предал его.

Виктор стал одеваться. Его взгляд случайно задержался на фотографии Нины, стоявшей на тумбочке рядом с кушеткой. Виктор с горечью еще раз посмотрел на эту фотографию, сделанную лет двадцать назад, и подумал, что Нина даже перестала предупреждать его о своих поздних возвращениях домой. Он надел пальто и вышел из дома.

К вечеру мороз совсем отступил, и, выйдя из метро, Виктор даже с удовольствием пошел пешком к ресторану, где он должен был встретиться с Дудиным. Сегодня, как и обычно по пятничным вечерам, в центре Москвы было многолюдно, и вот сейчас Виктор пробивался сквозь пест-

рую толпу вверх по улице Горького к ресторану "Арагви". Это был один из немногих ресторанов в Москве, где можно было вкусно покушать, и Виктор любил сюда заходить с Марией Моретти. Но сегодня в ресторан тянулась длинная очередь, не оставлявшая никакой надежды попасть в него. Виктор предложил Дудину пойти в другой ресторан — в "Националь". И они пошли теперь вниз по улице Горького.

Вокруг было шумно и стало даже многолюднее, чем каких-нибудь полчаса назад. Необычно теплая погода выманила людей из их жилищ, и москвичи беззаботно прогуливались, щеголяя друг перед другом своими лучшими нарядами.

Виктор еще издали заметил очередь, тянувшуюся в "Националь".

— И в ресторан не попадешь! — с досадой произнес он и, обратившись к Дудину, спросил: — Ты слышал о писателе Юрие Дружникове? Он написал, мне кажется, гениальный рассказ "Я родился в очереди". Это о том, как одна женщина родила сына в очереди за колбасой! И о том, как ее сын потом тоже растрачивал жизнь в очередях за той же колбасой, селедкой, картошкой... И мы ведь тоже свою жизнь отдали очередям! А сегодня будем стоять за несчастной рюмкой водки!

Дудин промолчал. И лишь когда они шли от "Националя" в сторону другого ресторана, Миша спросил:

— А не дашь ли почитать этот рассказик?

— К сожалению, не смогу! Он опубликован в итальянском журнале, а достать его можно только у меня в институте, в спецхране.

— В спецхране? Это еще что такое?

— Изобретение советской власти! Это место, где содержится запрещенная в нашей стране литература. Понимаешь? В спецхранах прячут от таких людей, как ты, иностранные газеты, журналы, книги и даже советские издания.

— Ну, это уж ты брось! Зачем от меня прятать советские издания?

— Для того, чтобы ты оставался слепым! — рассмеялся Виктор. — Ты не поверишь, а вот совсем недавно запрети-

ли продажу первого издания Большой Советской Энциклопедии!

Вместо ответа Дудин бросил на Виктора скорее недоверчивый, чем вопросительный взгляд.

— Когда издали эту Энциклопедию, ты знаешь? В сорок седьмом году! — на ходу объяснил Виктор. — А кем тогда был наш теперешний вождь? Никем! А ты же знаешь, какие он приписал себе заслуги! В Энциклопедии об этом ни гу-гу! Что же с ней делать? Арестовать и в спецхран! Неужели ты, Миша, не понимаешь, что все наши вожди по-своему перекраивали нашу с тобой историю?

Они подошли к ресторану "Москва", и Виктор даже выругался от досады.

— И тут очередь! Что за проклятье! На всю Москву десятка два ресторанов, и хоть тресни!

Дудин и Быстров встали в очередь. Прождав полтора часа, они уселись, наконец, за столик. Официант принес меню и исчез.

Прошло минут десять. Официант не возвращался. Прошло еще столько же, но официант, как в воду канул. Виктор был уже вне себя.

— Да, вон он! — обрадовался Дудин.

Дудин на весь ресторан позвал официанта. Тот нехотя повернул в его сторону голову, но с места не сдвинулся и продолжал о чем-то разговаривать с другим официантом. Дудин позвал его еще раз, и официант, что-то выразительно сказав своему собеседнику, направился к Дудину.

— Ты что орешь, еврейская морда!

Дудин и Быстров так опешили, что сразу даже и не сообразили, как им следовало бы реагировать. И Дудин тут же выпалил фразу, мгновенно пришедшую ему на ум:

— Я не еврей!

— Еврей! — процедил официант. — В Израиле будешь орать, а не здесь! — официант повернулся и пошел прочь.

Дудин выскочил из-за стола и бросился ему вдогонку.

Побежал за ним и Быстров.

Дудин догнал официанта в коридоре и потащил его за рукав:

— По какому праву вы меня оскорбили?

Официант развернулся и сильно ударил его в лицо.

Виктор подбежал к Дудину и попытался подхватить его на руки, но сразу же ощутил удар в живот и обмяк.

Откуда-то мгновенно появился милиционер, а все остальное и Мише и Виктору припомнилось с трудом: и то, как их волокли к лифту, и как потом затаскивали в милиционерскую машину. Очнулись они лишь в отделении милиции.

Дудина и Быстрова посадили в камеру предварительного заключения. Она находилась за металлической решеткой, из-за которой хорошо был виден дежурный офицер, сидевший за деревянным барьером. А в камере, в которую их впахнули, было много народа. На длинной скамейке, опустив головы, сидели какие-то парни, в углу, облокотившись на стену, стояла пьяная женщина в опущенных ниже колен чулках, а возле самой решетки вертелся маленький, плюгавый человечек в помятом сером пиджаке и непрерывно кого-то громко ругал.

Через некоторое время Дудина и Быстрова перевели в маленькую комнату, в которой стоял всего один стол и два приставленных к нему стула. На третьем стуле сидел за столом милиционер, и Дудину показалось, что это был тот самый, который тащил его по коридору ресторана к лифту.

— Подпиши! — приказал он Дудину и дал ему какую-то бумагу. Такую же милиционер сунул и Быстрову.

— Я ни в чем не виноват! — от негодования Дудин тут же налился краской.

— Твое дело! По-твоему три года за нападение на официанта лучше?!

— Я...

— Подписывай! — милиционер наклонил голову к Дудину. — Плати штраф за нарушение общественного порядка и катись к чертовой матери!

— Подпишем! — твердо сказал Быстров.

... На улице пахло сыростью таявшего снега. К полуночи мороз вовсе куда-то пропал, и под светом уличных фонарей дышал распаренный туманный воздух. Удивительная погода стояла в Москве в конце того февраля, и старожилы предсказывали какие-то глубокие потрясения.

Сначала Быстров и Дудин шли молча, привыкая к только что отнятой у них свободе.

— А мы счастливо отделались! — сказал вдруг Виктор.

— Счастливо? Ха... Ха...! Счастливо! — неестественно громко рассмеялся Миша. Он, видимо, только сейчас начинал освобождаться от сильного напряжения, до этого сковавшего все его нервы. — За что же они меня? Зачем эти гады растоптали мои очки?

С минуту они опять шли молча. И успокоившись, Миша потом сказал:

— Ты прав. Мы и впрямь счастливо отделались. Мы безоружны, беспомощны, как дети! Я это теперь понимаю. Нас некому защищать! У нас нет прав! У них все права! У них вся власть!

Они миновали Пушкинскую улицу и шли сейчас по направлению к станции метро "Площадь Революции". Был первый час ночи, и в этом районе Москвы им теперь уже никто не встречался, кроме бродивших пьянчуг и проституток. Неожиданно погасли на ночь почти все фонари, и сразу же на улице стало противно, сыро и мерзко.

— Передохнем? — спросил Быстров, показав на уютный скверик между гостиницами "Метрополь" и "Москва".

— Передохнем, — согласился Дудин.

— Вот так-то, друг мой! — многозначительно на ходу сказал Быстров. — Ресторанная мафия все может. И шантажировать! И воровать! И убивать!

— Ресторанная мафия?

— Советские гангстеры! Они держат в руках не только милицию. Смотри повыше! Они и ЦК кормят взятками. Есть там в Партгосконтроле некий Константин Смирнов. Знаешь, сколько он недавно получил? Двадцать тысяч!

— За что?

— Один дурак, следователь с Петровки, раскрыл дом свиданий. Его содержала мафия. А посещали ^{то}т бардак партийные тузы со Старой Площади. Понимаешь? Ну, и заварилась каша. Я эту историю из первоисточника знаю, от одной молодой генеральши. Она была у них "первой леди". Была! Теперь она в сумасшедшем доме. Так вот, Смирнов и замял

дело. Следователя повысили в должности, но он теперь не в Москве, а где-то в Казахстане.

Они вошли в скверик и оглянулись. Вокруг не было ни души, и Виктор с Мишей уселись на первую же скамейку. Сели и замолчали, и каждый только сейчас по-настоящему ощутил тяжелейшую усталость от пережитого за сегодняшний вечер.

Было тихо, и они молча оберегали эту тишину. Им и впрямь, как загнанным лошадям, требовалось хотя бы немного передохнуть, отдышаться и новым взглядом затем оглянуться вокруг. Вот они и сидели на этой влажной от тумана скамейке и тоскливо месили ногами сырой, грязный снег. В трех шагах от них чернел памятник Карлу Марксу — огромная гранитная глыба, изображавшая основоположника коммунизма.

Они видели, как на вершине этой глыбы, почти на самом лбу автора знаменитого "Капитала", мирно устраивался на ночлег пузатый голубь. Вот он передвинул своими лапками, и помет струйкой соскользнув вниз, застрял во рту почтенного политика, еще в прошлом веке мечтавшего все вокруг перевернуть вверх дном.

— А соседство у нас не самое лучшее! — произнес Виктор и взглядом показал на памятник. — Это он во всем виноват!

— Не сгущай краски! Можно ли винить Маркса в том, что у нас такая дурацкая жизнь?

— А кого же?

— Это сложный вопрос, — Дудин пожал плечами, — не исключено, что у Ленина были ошибки, мы справедливо осуждаем Сталина...

— Осуждаем и Мао, и Кастро, и мародеров из "Красных бригад". Мы только и делаем, что осуждаем! Советская власть уже погубила более шестидесяти миллионов человек, ради коммунизма китайцы уже убили около ста миллионов китайцев! И все это — ничего?! Тля человеческая? Маркс — девственен и целомудрен! А кто же вдохновляет мировой коммунизм на убийства и перевороты? Маркс! Его утопия о коммунизме! Его блеф о равенстве и благоденствии!

— Но если бы не извращали идеи Маркса, разве не удалось бы повернуть жизнь в другое русло?

— А кто же извращает его идеи? Лидеры мирового движения? Разве они идиоты? Или они это делают нарочно?! — Быстров удивленно вскинул брови.

— Ты действительно считаешь, что нельзя построить совершенное общество?

— На том свете! — Быстров даже встал со скамейки и рассмеялся. — На том свете такие, Миша, наивные, как ты, попадают в марксистский рай, а на земле им только чудом удастся спастись от милиции.

Дудин отвел взгляд от черневшей напротив каменной глыбы:

— Может быть, ты и прав.

Виктор закурил:

— Вина Маркса в том и состоит, что он обманул человечество. Пообещал всем совершенное общество... Но это же пустые слова! Мы уже не полуграмотные юнцы, которым легко морочить голову. Мы всю свою жизнь растратили на идеи Маркса! И что же? Жрать в стране нечего! Одеться не во что! И дело не в ошибках Ленина, Сталина, Мао или нынешнего нашего вождя. Они делали все, чему учил их Маркс. — Виктор выбросил окурок и вновь закурил. — Маркс учил, что во имя свободы и равенства нужно все обобществить. Это было сделано! Маркс говорил, что новому обществу потребуется централизованная власть...

— Диктатура, — уточнил Дудин.

— Но к чему все это привело? Диктатура партии проглотила людей! Нет теперь частной жизни! Мы все под контролем! Под тотальным контролем! — Виктор швырнул окурок. — Скажи, почему люди не торопятся жить при коммунизме, а бегут от него, как черт от лаdana? Почему, например, нет эмиграции из США в СССР?

— Честно говоря, об этом я еще ни разу не думал. Об этом даже страшно думать!

— Страшно? А как насчет свободы, которую обещал Маркс?

И они оба рассмеялись.

Быстров и Дудин еще долго, несмотря на поздний час,

сидели на той влажной скамейке, и говорили, и говорили. А вокруг тускло горели редкие фонари, кое-как освещая спавшую Москву. Они разошлись под утро.

В тот день Быстров ничего не сказал о своей тайне. Не находилось подходящих слов, не оказалось и нужного настроения. Но Виктор ни о чем не жалел. Он понял, что Дудин в тот день прозрел. Да и самому Дудину показалось, что что-то произошло в его мироощущении. Сначала у него все перемешалось в голове, и прежние суждения представлялись ему в каком-то сплошном сумбуре. Но потом он ясно и отчетливо осознал, что общество, в котором он жил, не гарантировало ему обещанной свободы.

Быстров условился с Дудиным о встрече на следующий день, и даже сказал ему, что хочет поговорить о крайне важном деле, касавшемся смерти Эдуарда Гонзалеса.

ГЕНИАЛЬНОЕ ДВУЛИЧИЕ

1

Весна всегда плохо действовала на Бориса Пономарева. Весной он становился раздражительным, чувствовал себя инертным и вялым. То ли на него так сильно влиял обновленный воздух, то ли еще что-то, но так или иначе, весну он не любил и не переносил запах свежих цветов. Они напоминали ему почему-то пышные похоронные процессии, разукрашенные красными и золотистыми лентами, и обязательно благоухающие свежими цветами.

И в этом году похоронные процессии уже успели изрядно потрепать нервы шефу международного отдела ЦК КПСС. Уходили в иной мир люди из его окружения, его возраста, составлявшие большинство на олимпе партийной власти. Ему становилось грустно и обидно за то, что, в общем-то, ни на что ушла и его, по существу, скучная, запертая в четырех стенах жизнь. Пономарев страшился своих мыслей, но уйти от них никуда не мог, и он, наконец, начинал сознавать, что действительно ни на что растратил самого себя. И впереди он теперь уже больше ничего не ждал, кроме благоухающих свежих цветов. Откровенно рассуждая с самим собой, он отдавал себе отчет, что век его кончен, и что он лишь по инерции продолжает нести тяжелую ношу власти, и по инерции же продолжает делать попытки разрушать соседний с ним до бестолковости наивный западный мир.

Нынешний год еще только начинался, а Пономарев успел уже похоронить двух министров, главного маршала бронетанковых войск и еще одного старого заслуженного генерала из Генштаба армии. Хоронил он и генерала Семена Цвигуна.

Генерала Цвигуна Борис Пономарев недолюбливал за его бесцеремонное хамство, заносчивость и нечистоплотность в отношении с людьми. И хоронил его Пономарев лишь только потому, что так нужно было по условиям их партийного кодекса, нарушать который позволял себе лишь только сам вождь.

Цвигун был ставленником вождя и занимал высокий пост первого заместителя председателя КГБ Юрия Андропова.

Вождь усадил Цвигуна на этот пост не случайно. Он хотел иметь своего личного и преданного ему осведомителя в КГБ, и генерал в продолжении пятнадцати лет верой и правдой служил вождю. Цвигун докладывал главе партии и государства о каждом дыхании другого его протеже — Андропова. Но в один из дней Цвигун понял всю бессмысленность и бесперспективность служения одряхлевшему вождю и переметнулся на сторону восходящей звезды Андропова. Но как бы ни был Цвигун осторожен и хитер, хозяин перехитрил его. Генерал и не подозревал, что и за ним вождь установил слежку. И предательство стало явью. Цвигун хорошо знал, как в таких случаях в подвалах Лубянской тюрьмы кончались жизни подобных ему людей. И он выбрал другой путь. Генерал армии Цвигун покончил с собой. А под некрологом о его смерти положенной по партийному кодексу подписи вождя не оказалось. В который уже раз вождь нарушил тогда давным-давно заведенный в Кремле порядок.

Похороны Цвигуна, однако, не очень-то утомили Пономарева, смотревшего на всю его историю сквозь пальцы. Пономарев к таким историям уже давно привык и не омрачался печальным исходом жизни генерала КГБ. Но он был выбит из колеи и ужасно потрясен смертью другого человека.

...От сердечного приступа неожиданно умер самый бли-

жайший и давнишний друг Пономарева — Михаил Суслов. Он был вторым после вождя человеком в партии и до самой своей смерти крепко держал в руках тайные нити власти. В самом ЦК партии очень многие не любили Суслова, но боялись его прямо-таки магической силы, заставлявшей людей безропотно повиноваться ему. Суслов был гениальным начетчиком от марксизма, и все партийное руководство училось у него избавлению от грехопадений — нечаянного искажения марксистско-ленинских догм. Суслов стал цензором духовной жизни всей страны, и от него исходили указания, что можно, а чего нельзя было делать с точки зрения марксизма-ленинизма.

За глаза Суслова называли "серым кардиналом". А он и был таким — серым, ничтожным в личной жизни и — великолепным, искусным мастером закулисных дел в партийной жизни. При нем четырежды менялось партийное руководство, но один лишь Суслов оставался бессменным. Его двуличие сначала служило Сталину. Потом Хрущеву. Без Суслова Хрущев никогда бы не захватил власть и не убрал со своего пути Маленкова, ставшего вождем после Сталина. А затем тот же Суслов возглавил заговор против Хрущева и помог взойти на престол новому вождю. Но и новый вождь, как огня боялся Суслова и всегда с тревогой думал о его коварном двуличии. И вот не стало "серого кардинала", в рай ушел жрец самой богини — Партии, и почти все с облегчением вздохнули. Кроме Пономарева.

До этого дня тень Михаила Суслова скрывала Бориса Пономарева от многих невзгод. Они были единомышленниками, и "серый кардинал" отводил от него удары недругов. Но вот теперь Пономарев остался один на один со своими врагами в секретариате и в Политбюро. И у него уже не хватало сил с ними бороться. Пономарев это ясно ощутил сразу же после смерти Суслова. Тогда же он впервые стал глубоко сознавать и свою собственную старость. "А кто же из нас будет следующий, за кем теперь пришлют катафалк?". И Пономарев стал серьезно подумывать об отставке. Он думал о ней целыми днями, хотя хорошо знал, что думает о невозможном. Никто из его коллег еще никогда добровольно не уходил в отставку. В отставку

выгоняли. Но если уж человек сидел на своем посту, то и досиживал на нем до своей смерти. Об отставке там, на партийном олимпе, говорить запрещалось. Таков был еще один неписанный кремлевский закон.

Пономарев находился сейчас в Кремле у главы партии и государства. Он сидел в просторном продолговатом кабинете на четвертом этаже Большого кремлевского дворца, построенного еще в 1766 году. В том дворце когда-то находился царский сенат, и там восседали русские цари. Но в 1917 году большевики во главе с Лениным захватили власть, убили царя и всю его семью, и сенат как демократический институт — перестал существовать. С тех пор в Большом кремлевском дворце стали восседать советские вожди.

Кабинет главы партии и государства был отделан красивыми полированными панелями из орехового дерева. В глубине его, почти рядом с окном, занимавшим чуть ли не половину стены, стоял широкий тяжелый письменный стол. На нем громоздились увесистая лампа с матерчатым абажуром и аляповатые настольные часы, совсем не гармонировавшие с современным письменным прибором. Да и сам вид состарившегося и одряхлевшего вождя, облокотившегося сейчас всем своим грузным телом на стол, не гармонировал с видом его кабинета, заново переделанного пару лет назад с претензией на западный стиль. И почти все сидевшие напротив вождя были такие же дряхлые, как и он.

Вождь собрал многих из своих ближайших соратников, чтобы обсудить с ними кое-какие неотложные дела, главным образом касавшиеся внутренних проблем. Пономарев поэтому не понимал с какой стати он оказался среди приглашенных. Но задавать этот вопрос вождю было бы безумием, и шеф международного отдела продолжал покорно сидеть и бесцельно посматривать по сторонам. Его мало интересовало, что говорилось вокруг.

Рядом с вождем, придвинув стул чуть ли не к самому краю его стола, сидел самодовольный Константин Черненко. Все знали, что он душеприказчик вождя и его самый главный осведомитель. Многие годы Черненко заведовал

секретариатом вождя, заботился о его отдыхе, лечении, заблаговременно хлопотал об удобствах для него на случай всяких зарубежных поездок. Был, одним словом, высокопоставленной нянькой и доверенным лицом главы партии и государства. Но власти Черненко не имел никакой. А вождь все старел и таял на глазах. В любой момент он мог отойти в мир иной, ни черта не оставив после себя. Этого Черненко боялся больше всего. Он знал, что "после" он никому уже будет не нужен, и его вышвырнут вон из ЦК. И Черненко вырвал, наконец, у слабеющего вождя крупную власть. Сначала он стал секретарем ЦК партии. А потом и полным членом правящего Политбюро. А как только умер Сулов, вождь перепоручил ему все prerogatives умершего.

Пономарев и прежде не проявлял симпатий к Черненко, и тот платил ему взаимностью. Но теперь, когда Черненко приобрел значительно больше власти, чем Пономарев, и стал бесцеремонно вмешиваться в дела международного отдела, отношения их обострились. Пономарев считал этого выскочку Черненко полнейшим профаном в международной политике и просто не переносил его угодливую, слащавую улыбку и узкие, как щели, выцветшие, хитрые глаза.

Но не у одного Пономарева были такие же отношения с Черненко. Многие в секретариате партии и в Политбюро откровенно относились к нему, как к человеку второго сорта, втесавшемуся в высшие партийные ряды помимо их воли. Но воля этих людей мало интересовала вождя, и он после смерти Суслова поставил всех перед фактом, сделав Черненко своей правой рукой в партии и государстве. И это превратило бывшую няньку вождя в официального преемника власти.

И вот тогда произошло то, чего смертельно опасался вождь. К тому времени он наверняка уже знал об измене Андропова и, как ему казалось, был готов к его удару. Но вождь просчитался, и не удалось ему предотвратить хитро-сплетений андроповских интриг. Они взорвали тлевшее на партийном олимпе возмущение против Черненко, и вождю пришлось отступить. Но сделал он это, как искусный экви-

либрист. Вождь возвысил Андропова, отдал ему освободившийся пост в секретариате партии, но и за Черненко оставил немалую власть. И вот теперь Андропов и Черненко оказались вдвоем как бы на одном кресле и повели еще при живом вожде смертельную схватку за вожделенный престол.

Сегодня же они сидели почти рядом друг с другом, отделившись от всех остальных, и Пономареву стало даже смешно при виде этой удивительной пары. Они почтительно улыбались, каждый учтиво прислушивался к другому, предельно вежливо обменивались какими-то словами, и Пономареву пришла на ум давнишняя и, вероятно, многими забытая история. Он вспомнил, как некогда Рузвельт собирался перевоспитать Сталина в демократическом и христианском духе. Рузвельт серьезно верил тогда, что трагедия советской России не в ее политической системе, не в самой личности Сталина, а в его ужасном, плохо воспитанном окружении. Это Сталин внушил Рузвельту такую мысль и заставил президента великой державы думать о нем, как о невинном агнце, а о Политбюро, как о непослушном сборище кровожадных людей. "Гений двуличия!" — подумал Пономарев о Сталине и посмотрел на Андропова и Черненко.

Чьи позиции были сейчас сильнее? Даже Пономарев затруднялся дать точный ответ. Константин Черненко оставался доверенным лицом вождя и пытался перехватить инициативу в решении важнейших государственных проблем. Но он ничем другим не располагал, кроме как поддержкой вождя. А вот Юрий Андропов опирался на переметнувшееся к нему большинство в секретариате партии и в Политбюро. За спиной Андропова стояло и всемогущее КГБ. Он, правда, освободил сейчас пост председателя КГБ, но сохранил за собой право партийного контроля за этой организацией. Да и преемником его стал послушный Андропову генерал. А вождь, как и прежде, продолжал получать всю информацию о КГБ и руководить этим ведомством через его бывшего шефа и был уже не в состоянии сопротивляться ему.

Пономарев подумал, что у вождя немного уже осталось

земных радостей и что вряд ли протянет он еще год. И вот тогда все рухнет и полетит под откос вся их, казавшаяся многим отлаженной, партийная упряжка. Пономарев почему-то был уверен, что со смертью вождя может прийти конец и его карьере и что кое-кто из сидящих сейчас здесь в Кремле тоже отойдет на вечный покой или же будет вышвырнут за борт любым из удачливых престолонаследников. Черненко или Андропов? "Да пошли бы они оба ко всем чертям!" — в сердцах подумал шеф международного отдела. Ему очень захотелось выйти на улицу и подышать свежим воздухом. А там за высокими глухими кремлевскими стенами, словно бы только что вымытое, выглядывало голубое весеннее небо...

Пономарев мысленно вышел за пределы кремля и растерялся от незнакомства с окружавшим его миром. До него только сейчас дошла мысль, что он ведь уже десятки лет не выходил на улицу, а пребывал почти всю жизнь взаперти. Пономарев никак не мог вспомнить, когда он ходил пешком по Москве. Он только ездил по ней от дома до Старой Площади. Шеф международного отдела понял, наконец, что не имеет ни малейшего представления ни о Москве, ни о ее жителях, и, вообще, ни о чем, что выходило за узкие пределы его скучной кремлевской жизни. Как не хватало ему сейчас свежего воздуха! "Кому я нужен!" — Пономарев посмотрел вокруг, и воздушная мифическая картина Москвы растаяла. Перед ним опять была та самая жизнь, которую он когда-то избрал.

2

В этот день Анатолий Горбунов так и не дождался своего шефа. Пономарев сразу же после совещания в Кремле, сославшись на головную боль, уехал домой. И он чуть было не сорвался, когда вождь, закончив совещание, вдруг грубо обратился к нему:

— Ну, что там с братьями Саундерс? Похоронили и точка? Умер "Дуэт"? Где замена?

Неожиданно для Пономарева его выручил Андропов:

— Мы продвинулись в этом направлении вперед. Значительно продвинулись. В ближайшее время связь восстановится.

И вообще, с тех пор как Андропов занял сусловское место в секретариате партии и стал официальным куратором международного отдела, он внешне резко изменил свое отношение к Пономареву. Но Пономарев прекрасно понимал, что все это — лишь до известного времени и правильно определял цену улыбавшейся ему теперь маске андроповского лица. Шеф международного отдела знал, что бывший глава КГБ должен был играть свою новую роль и сглаживать острые углы со всеми, кто в скором будущем так или иначе сможет оказаться ему полезен. И Пономарев, глубоко вздохнув тогда, безучастно посмотрел на рыхлого, вспотевшего от усталости вождя.

Пономарев тогда первым вышел из кабинета главы партии и государства. Миновал двух вооруженных офицеров КГБ, затем еще двоих при выходе в коридор, и пошел по широкой ковровой дорожке к лифту. Охранявшие лифт офицеры отдали Пономареву честь, те же почести ожидали его и при выходе из лифта на первом этаже. Ему отдали честь и вооруженные офицеры, стоявшие в вестибюле Большого кремлевского дворца. И, наконец, Пономарев очутился на свежем воздухе.

Лимузин шефа международного отдела уже оставил позади себя Боровицкие ворота Кремля и мчался по Москве. А Пономарев новичком смотрел на ее улицы, с жадностью вглядывался в лица прохожих, не проявлявших к нему ровным счетом никакого интереса. Впервые в жизни Пономарев почувствовал себя чужим среди этих людей. Чужим и никому не нужным...

Анатолий Горбунов знал, что его шеф находится у вождя и предчувствовал какие-то осложнения в их взаимоотношениях. Анатолий сочувствовал шефу и понимал в каком дурацком положении тот оказался после смерти Суслова. Горбунов видел, что от Пономарева отвернулись теперь почти все, кто еще несколько месяцев назад активно поддерживал и его и Суслова. Одни с услужливой опаской угод-

ничали теперь перед Черненко, другие открыто переметнулись на сторону Андропова.

Анатолий называл всех этих бывших "сусловцев" двурушниками и лицемерами, хотя и сам не знал сейчас, что ему делать. Оставаться в основательно поредевшем и, мягко говоря, совсем теперь не популярном стане Пономарева было бы не перспективно, просто глупо и даже опасно. Так рассуждал и сам Горбунов, видимо, не понимая, что и он на той грани, которую вот-вот перешагнет и превратится в того же двурушника и лицемера. Горбунов не переставал думать: "Чью же взять сторону? Андропова?". Анатолий симпатизировал бывшему шефу КГБ, отдавал ему бесспорное предпочтение, и Горбунову казалось, что Черненко в сравнении с ним выглядит сущим ослом. Горбунов был в этом абсолютно уверен, но тем не менее, все еще никак не мог принять решение к кому примкнуть из этих двух наиболее вероятных наместников вождя.

Горбунова смущало, пожалуй, одно обстоятельство. Он до сих пор не разобрался в настроении человека, который считался фаворитом в международном отделе и при известных обстоятельствах мог занять место Пономарева. Этого человека звали Вадим Загладин. Ему шел пятьдесят восьмой год, и он принадлежал к плеяде "молодого поколения" в ЦК партии. Вадим Загладин был умен, хорошо образован, владел английским и слыл опытным политиком. Но вот на чьей он стороне? Сможет ли он оказаться в кресле Пономарева или же весенней пташкой вылетит из ЦК?

Горбунов сказал самому себе, что если бы он знал в какую сторону переметнулся Загладин, то в ту же повернул бы и сам. Нюху Загладина Горбунов полностью доверял, полагая, что тот не ошибется в расчетах. Горбунов внимательно приглядывался и к настроению своего старого друга Николая Пашутина. Он-то, Анатолий это знал, находился в самой гуще того дна, где плелись невидимые даже Загладину нити тайных интриг. Но вообще, Анатолий признался себе, что ему было в принципе безразлично какому богу служить, лишь бы его самого оставили в покое и не попросили бы из ЦК.

Своей жене обо всем этом Горбунов ничего не расска-

зывал. Он отдалился от нее, был холоден с ней и не посвящал Раю ни в какие свои дела. Но с Ниной Анатолий был откровенен и как-то поделился своими переживаниями. Однажды Анатолий даже неосторожно обозвал Черненко каким-то грязным словом, но потом пожалел об этом. По тому поводу Нина затем не раз посмеивалась над ним, в шутку называя Анатолия "цэковским диссидентом".

Отношения Анатолия с Ниной зашли уже далеко. Горбунов чувствовал к ней большую привязанность, и Нине казалось, что ей удалось оторвать его от жены и полностью завладеть им. Но сама она не очень-то пылала страстью к своему высокопоставленному любовнику. Временами он даже вызывал у нее раздражение, и Анатолий казался ей отнюдь не самым лучшим мужчиной. Но у Нины была своя цель. Она теперь уже твердо знала, что хочет стать его женой и навсегда порвать с тем сословием, в котором прожила всю жизнь. И Нина была почему-то уверена, что ей это удастся.

Приближался уже пятый час, и Горбунов заканчивал подготовку документов для доклада Пономарева членам Политбюро о развертывании нового этапа пацифистской пропаганды в США. Анатолий не забыл вложить в папку доклада документы о проведении в прошлом году аналогичной кампании в Западной Германии, на которую по указанию вождя было израсходовано сто миллионов долларов. Туда же в папку, так было положено, Анатолий вложил и доказательства получения этих денег тайными руководителями демонстраций в Бонне и главарями так называемых обществ "Борьбы за мир". Деньги им выдавали хорошо знакомые Горбунову люди — корреспондент ТАСС и одновременно агент КГБ Владимир Леонов и дипломат, агент КГБ Павел Куприянов.

Горбунов был удовлетворен сегодняшней работой. Он с точностью выполнил все указания Пономарева и даже включил в его доклад одно очень важное замечание Андропова. Масштабы кампании, намечавшиеся в США, во много раз должны были превзойти западно-германские, но Андропов предложил ассигновать на нее только четверть миллиона долларов.

— Этого, конечно, недостаточно, — сказал он, — но остальные деньги нам соберут сами же американцы. Они ведь так любят благотворительность. Антикоммунистам американцы денег теперь не дают! — Андропов тогда рассмеялся, и Горбунов вспомнил, как по его лицу разбежались старческие морщины. — А вот на борьбу за наш мир соберут миллионы! Помогут!

Горбунов знал, что для "наведения мостов", как это у них говорилось, в США уже действуют специальные агенты КГБ, натренированные на вербовку сторонников "Движения за мир" среди студентов, интеллектуалов и всяких мастей либералов и религиозных деятелей. В новую программу "Движения за мир", как инструмента пропаганды пацифизма, включался и институт стратегических исследований Артура Бордена. И, конечно, Горбунов знал о том, что с этой программой тесно связана и последняя зарубежная деятельность его старого школьного приятеля Олега Раковского. Анатолий слышал о нем очень хорошие отзывы, а совсем недавно узнал, что Олег даже руководит тайной операцией, связанной со смертью братьев Саундерс.

Иногда Горбунова так и подмывало рассказать Нине о всех этих перипетиях, происходящих в самом чреве Кремля. Но он боялся. Он больше всего боялся разглашения тайн, за что, Горбунов прекрасно это знал, люди расплачивались жизнью. Анатолий никогда даже и Рае не доверял служебных секретов, опасаясь своей же собственной жены. И Нину он стал остерегаться в последнее время. Недавно она сказала ему, что намерена развестись с мужем, что с ним у нее все кончено, и задала тогда Анатолию вопрос:

— А что дальше?

Это был вопрос, которого он ждал давно. И вот наступило время дать на него ответ. Но Горбунов тогда ловко вывернулся из положения, сведя весь разговор в какую-то плоскую шутку. Однако, с тех пор он стал с Ниной очень осторожен, перестал откровенничать с ней, опасаясь, что она, если захочет, сможет ему жестоко отомстить. Анатолий твердо знал, что он никогда не женится на Нине и не переступит никем не писанный брачный кодекс Кремля.

Рабочий день закончился, Горбунов надел висевший на спинке кресла пиджак, запер свой кабинет и пошел к лифту. На первом этаже он купил в киоске свежий выпуск газеты "Известия", и аршинный, жирный заголовок на ее первой странице сразу же бросился ему в глаза: "Новые мирные предложения СССР". Горбунов про себя усмехнулся: "Неужели же есть еще люди, которые думают, что мы агнцы?!" И тут Анатолий вспомнил слова покойного Сулова: "Наше лицемерие — наше оружие!"

Горбунов вышел из подъезда, и почему-то поджав губы и ни на кого не глядя, быстро пошел к своему лимузину.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

1

Стоял чудесный субботний день. Было солнечно, безветренно, и Ральф с Кэрол решили провести этот день на Ленинских горах. Им очень нравились те места, они любили бродить по извилистым, крутым тропинкам, сбегавшим прямо к набережной Москва-реки.

Обычно они заканчивали прогулки подъемом на смотровую площадку Ленинских гор, как раз напротив Московского университета. Ральф и Кэрол часто любовались Москвой, лежавшей внизу, словно бы в огромном блюде, опоясанном гранитными набережными. Москва оттуда казалась разноликой, разноцветной, и со смотровой площадки где-то вдали за еле заметной дымкой виднелись светившиеся яркой позолотой купола Кремля.

А затем Ральф и Кэрол заходили в небольшой, но очень уютный парк, раскинувшийся возле университета. Здесь всегда пахло розами. И сегодня цвели розы и множество каких-то других ярких цветов, и аромат их благоухал вокруг.

Ральф и Кэрол сидели на скамейке почти в самом центре парка, и вдруг они оба обратили внимание на шедшую неподалеко от них пару.

— Это же та итальянка! Помнишь? — Ральф даже обрадовался встрече. — А с ней...

— Виктор! — Кэрол вспомнила имя.

— Да, да! — и Ральф окликнул их.

Это действительно были Виктор Быстров и Мария Моретти. Они, вероятно, тоже проводили здесь свой субботний день.

Ральф и Кэрол встали им навстречу.

— Сколько лет, сколько зим! Кажется, так у вас говорят? — Ральф выглядел оживленным и не скрывал своих чувств. — Рады вас видеть!

— Ваш русский великолепен! — Виктор был учтив и сдержан.

— О! Спасибо! К сожалению, нам не пришлось побеседовать в ту новогоднюю ночь, — улыбался польщенный Ральф. — Я русский знаю еще с детства. Ведь мой отец из России!

Виктор был откровенно удивлен и незаметно для себя втянулся в разговор. Они все вместе сидели на лавочке, и со стороны казалось, что это беседуют старые, добрые друзья. Только Мария Моретти почему-то молчала.

— А вам нравится Москва? — неожиданно спросил ее Ральф

— Я люблю Рим!

— А мне нравится Москва! Она прекрасна!

Все почему-то замолчали. Но через какое-то мгновение Ральф обратился к Виктору:

— Вы имели возможность читать мои статьи?

— В отличие от миллионов советских людей я имею доступ к иностранным газетам. Да, я кое-какие ваши статьи читал, — вопрос Ральфа мгновенно изменил настроение Виктора, и он сделался хмурым и настороженным.

— Ну и как?

— Не обидитесь за откровенность?

— О, конечно, нет!

— Не нравятся мне ваши статьи!

— Вот как! Почему же?

— В них нет правды. Вы обманываете читателей.

Ральф был шокирован, а Кэрол широко открыла глаза.

Наступила пауза, изменившая ход предыдущего непри-
нужденного разговора.

— Ну, а чем же они вам не нравятся? — спросил, наконец, Ральф.

Виктор вздохнул и пожалел, что затеял этот разговор.

— Помните репортаж о вашей поездке на юг нашей страны? Вы писали, что Россия прекрасна и что ничего подобного в своей жизни вы не видели. Так? Что же вас так поразило? Люди? Природа? Или еще что-то?

— Да все!

— И наш строй?

— Это особый разговор!

— В следующем репортаже? А что же делать тогда с предыдущим? "Прекрасная страна", "удивительная страна". С такими словами надо быть очень осторожным, если уж вы пишете о такой стране как наша. Природа и люди у нас действительно прекрасны, но американский читатель может подумать, что эти эпитеты относятся ко всей нашей жизни! Вы понимаете, что я имею в виду?

Ральф и Кэрол были поражены откровенности. Они ничего подобного еще не слышали от советских людей, и Ральф приготовился к спору:

— Но нельзя же, в конце-то концов, утверждать, что у вас все так безобразно, плохо и ужасно!

— Опять-таки, как понимать слова "плохо" и "ужасно". Ну, вот скажем, хорошо ли это, когда человеку в его собственной стране не разрешают переезжать из одного дома в другой?

— Как это так! Это же абсурд! — расхохотался Ральф, а Кэрол снисходительно посмотрела на Виктора.

И тут рассмеялась Мария. И даже Виктор заулыбался вовсю.

— Абсурд?! Посмотрите на меня! Я развелся со своей женой и не могу выехать из квартиры! Мне некуда выезжать! Мне негде жить!

— Почему же негде? — Кэрол просто не понимала о чем он говорит, и в ее голосе послышалось раздражение.

— В нашей стране все, включая квартиры, принадлежит государству, — Виктор перестал улыбаться. — А вы знаете сколько надо ждать, чтобы получить от государства квартиру? Я ждал почти всю свою жизнь! Получил. А теперь мне не дают другую! Вот я и живу со своей бывшей женой в одной комнате! Понимаете, в одной комнате!

— Ужасно! — вырвалось у Марии, а Кэрол и Ральф опустили глаза.

— Кстати, в одной из статей вы писали о советской медицине, — Виктор закурил. — Вам нравится наша медицина?

— Она же бесплатна!

— Заблуждаетесь!

— И я могу подтвердить. Заблуждаетесь! — вставила Мария.

— Вы? — Ральф с раздражением посмотрел на Моретти.

— Если хотите, Мария может дать вам интересный материал для новой статьи! — Виктор начинал злиться. — Вы правы. Официально наша медицина бесплатна. А в действительности? Вы знаете, откуда государство берет деньги на медицину, строительство квартир, школ, на содержание милиции и даже тюрем? Из нашего кармана! Нам попросту не доплачивают! Нас обворовывают! И мы к этому привыкли. Поэтому-то у советских людей очень низкая зарплата, поэтому-то воровство и черный рынок превратились у нас в главное жизненное занятие! Но зато — бесплатная медицина, дешевые квартиры! Все это пропаганда, а жизнь-то у нас другая, не такая, какой вы ее изображаете в своих статьях!

— Такие вещи я слышу впервые, — процедил Ральф.

— Вы знаете, во что нам обходится бесплатная медицина? — Виктор был настолько раздражен, что даже не обратил внимания на замечание Ральфа. — У меня язва желудка, и недавно я неделю пролежал в больнице. Как вы думаете, сколько я за это заплатил? Сначала врачу сделал подарок, потом медсестрам ежедневно совал деньги. Без денег у нас только покойников обслуживают! В больнице не было нужных мне лекарств, и я за большие деньги достал их в другом месте. Врачи прописали специальную диету, но в больнице кормили так, что только свиньям подстать. Мария сама готовила мне еду и приносила ее два раза в день! А где она доставала продукты? На базаре! В магазинах нет свежих овощей, фруктов... А на базаре все это в три раза дороже! Вот и посчитайте во что обошлась мне моя больничная неделя. Около полутора ста рублей! Почти зарплата рядового советского инженера!

Ральф молчал, потупив взор, а Кэрол растерянно смотрела на Виктора. И тут Быстров сорвался:

— Да, что вы знаете о нашей жизни! Ваш образ мышления напоминает порочный круг, выбраться из которого можно только одним путем...

— Интересно, каким же? — перебил его Ральф.

— Либо вообще перестаньте писать о России, либо пишите правду! Кстати, ваш коллега Аллен Филд, когда он был в Москве, писал правду!

Упоминание о Филде молнией пронзило сознание Ральфа. Уже столько месяцев он не слышал его голоса, и ничего не напоминало о нем самом! И вот сейчас Ральф даже побагровел. Но он нашел в себе силы сдержаться и по возможности вежливо произнес:

— Благодарю за совет.

Виктору стало не по себе. Он пожалел, что так распалился и даже взял Ральфа за руку:

— Я не хотел обидеть! Поверьте! Прошу извинить! Но я говорил от чистого сердца, мне было больно читать ваши статьи.

Накал спора пропал. Они еще поговорили о какой-то чепухе и разошлись без всяких пожеланий о новых встречах.

Ральф молча шел к своей машине. Он видел, как Виктор и Мария вскочили на подножку отходящего автобуса, и как этот автобус увозил их от него прочь. "Кто он, этот Быстров? — рассуждал Бушнелл. — Он русский, типичный русский! Сколько же таких в России? Непонятная, дурацкая страна!"

И тут Ральф почему-то вспомнил о Рите. С ней всегда было так просто, легко, и Рита с интересом относилась к его взглядам и рассуждениям о России. Она никогда не задавала лишних вопросов и ничем не напоминала людей, похожих на Быстрова. И Колосов никогда не напоминал ему таких людей. И все остальные, которых Ральф встречал в компании Колосова, были совсем другими, не такими, как Быстров.

Ральф сожалел о встрече с Быстрым, и какой-то неприятный осадок от разговора с ним мешал ему собраться

с мыслями. Наконец, в утешение самому себе Ральф решил при первом же удобном случае попробовать уговорить Риту остаться с ним наедине.

2

Прошло после этой встречи уже несколько дней, но Ральф все еще не мог отделаться от того неприятного ощущения, которое возникло у него при разговоре с Быстрым. А тут, как назло, Юрий Колосов неожиданнейшим образом поставил Ральфа в тупик и заставил его еще раз призадуматься над тем, а что же это такое — Советская Россия. И впервые со дня знакомства с Колосовым, Ральф испытал к нему какое-то смешанное, двоякое чувство.

До этого времени Колосов представлялся Ральфу искренним, услужливым и крайне доброжелательным человеком. Ральф считал, что именно благодаря стараниям Колосова ему удалось проникнуть в среду советских людей и завязать знакомства даже с некоторыми высокопоставленными чиновниками различных министерств. Ведь это он, Колосов, организовал ему и Кэри такую увлекательную поездку по южным районам России, и Ральф написал тогда статью, которую так раскритиковал Быстров. Но вот всего пару дней назад Колосов вдруг заговорил с ним почему-то о Роберте Хаппере и после того разговора, как и после встречи с Быстрым, у Ральфа остался неприятный осадок. Тогда-то и появилась у Бушнелла эта двойственность в оценке поведения Юрия Колосова. В тот вечер Бушнелл чуть было не догадался, кем же на самом деле являлся советский журналист.

Колосов тогда спросил Бушнелла, как он относится к американскому мультимиллионеру Роберту Хапперу, которого, как помнил Ральф, Аллен Филд называл "профессиональным другом Советского Союза". И на вопрос Колосова Ральф пожал тогда плечами:

— Хаппер, кажется, великолепный бизнесмен.

— Он здорово разбогател на торговле с нами, — незамедлительно вставил Колосов и тут же спросил. — А вы знаете,

что Хаппер старший, как и ваш отец, был выходцем из России? В первые годы советской власти он очень помогал нам деньгами. Ваш отец тоже ведь помогал коммунистам!

Ральф нахмурился и сделал вид, что не расслышал Колосова. Они сидели за стойкой бара гостиницы "Националь", в зале было действительно шумно, но Колосов понял, что Ральф прекрасно разобрался в его словах, но по какой-то причине не пожелал поддержать разговор. Колосов искоса посмотрел на Бушнелла и глотнул виски:

— Отец Роберта и ваш отец были замечательными людьми! И вы знаете, Ральф, Роберт очень гордится своим отцом и не стесняется сам помогать нам. На его же деньги мы строим газопровод из Сибири в Японию! Наше руководство очень ценит Хаппера-младшего. Правительство подарило ему великолепную квартиру в самом центре Москвы! Впрочем, вы знаете, отцы и дети — извечная тема!

Колосов тогда опять незаметно покосился на Ральфа в надежде разобраться в его реакции на свои слова. Но Бушнелл внешне выглядел совершенно спокойным. Он даже улыбнулся, повторив вслед за Колосовым:

— Отцы и дети — вечная проблема!

Колосов больше не возвращался к начатому им разговору. Ему казалось, что он немножко переборщил и встревожил Ральфа своими вопросами. И чтобы сгладить возникшую неловкость и предотвратить хотя бы малейшую подозрительность Бушнелла, Колосов искусно перевел тогда разговор на другую тему. Но Ральф тем не менее задумался над всем сказанным и недоумевал, откуда же Колосову стало известно о прошлом его отца. Может быть, Колосов служит в КГБ? — но отбросив эту мысль, Ральф все же долго не мог забыть встречу с Колосовым в баре "Националь".

А Колосов действительно служил в КГБ. И был он незаурядным офицером. В своем отделе Колосов считался "звездой", и ему всегда поручались наиболее сложные задания. Но Колосов никогда не был простым исполнителем. Он сам сочинял сценарии для всех операций и сам же мастерски распределял в них роли.

Колосов давно уже служил в КГБ. А начал он с обычных

доносов на своих же друзей по Литературному институту, в который поступил после школы. Тогда он только вступил в партию, и его тут же завербовали. Молодой Колосов стал осведомителем. А потом он закончил специальную школу КГБ, где его тренировали для работы с иностранцами. Колосов изучал там английский, его обучали изысканным манерам поведения. И у Колосова раскрылся талант актера. По рекомендации КГБ после окончания Литературного института его приняли на работу в Агентство Печати Новости. К тому времени Колосов получил офицерское звание и с паспортом советского журналиста стал разъезжать по миру. Он побывал в Лондоне и Париже, Вашингтоне и Оттаве. Колосов научился понимать нрав и привычки иностранцев и понял, как надо подбирать ключи к их сердцам. По настоянию КГБ Колосова перевели в "Правду", и он превратился в главное связующее звено между КГБ и иностранными корреспондентами, аккредитованными в Москве.

Колосов работал во Втором главном управлении КГБ, а оно контролировало жизнь не только всех советских людей, но и всех иностранцев, проживавших в стране. Отдел № 10, к которому был прикреплен Колосов, имел более узкие функции. Его агенты специализировались только на слежке за иностранными журналистами и вербовке их.

На службе отдела № 10 состояло несколько десятков красивых женщин. С их помощью жертвы и заманивались в ловушки. Юрий Колосов сам вербовал таких красоток, их в КГБ почему-то прозвали "ласточками". Колосов разыскивал их среди молоденьких актрис и официанток, среди журналистской братии, заводил с ними знакомства прямо на улицах. Завербованным платили приличные деньги.

"Ласточки" имели свои временные "гнезда". В распоряжении отдела в самом центре Москвы, в домах, расположенных на ее лучших улицах, находились специально оборудованные совмещенные квартиры. В одной половине их имелась техника для фотографирования и подслушивания всего, что происходило во второй половине. В таком вот

”гнездышке” на улице Горького и жила красавица Рита, любезно принимавшая в новогоднюю ночь прилетевшую из-за океана чету Бушнеллов.

У Риты был необузданный характер. Ей нравилось кутить в веселых компаниях и, выпив лишнюю рюмку, она никогда не сдерживала себя. Поэтому, когда возникло дело Бушнелла, начальник Десятого отдела генерал Петр Супрунов был против ее кандидатуры. Но Колосов взял Риту под свою ответственность и убедил генерала в том, что она именно тот тип женщины, который понравится американцу.

О Ральфе Бушнелле в КГБ знали буквально все. И когда стало известно о его назначении постоянным корреспондентом в Москве, Петр Супрунов сразу же решил завлечь Бушнелла в ловушку. Он думал не только о том, чтобы заполучить в Ральфе ”своего” человека в крупнейшей американской газете. Супрунов смотрел глубже и полагал, что в будущем из Бушнелла мог бы получиться неплохой агент, имевший как политический обозреватель крупнейшей газеты, доступ к правительственным кругам. План генерала одобрило руководство КГБ, а непосредственным исполнителем был назначен Юрий Колосов. Так что, когда перед Новым годом Ральф с радостью сообщал советскому журналисту о своем назначении, операция ”Бушнелл” была уже тщательно подготовлена. И Колосов сделал Риту центральной фигурой своего дьявольского сценария.

— Ты будешь делать только то, что я тебе прикажу! — наставлял он свою прекрасную ”ласточку”. — Запомни это! И не торопись лечь с ним в постель! Действуй постепенно. У нас год впереди! Провалишься, вышвырнем вон!

А Рита понимала, что означало быть вышвырнутой из КГБ. За ней бы установили постоянную слежку, и вся жизнь ее превратилась бы в муку и зависела бы от прихоти осведомителей. Она потеряла бы хорошую зарплату и равную не смогла бы нигде найти. Ей пришлось бы забыть веселые колосовские компании и кутежи с журналистами, и свое уютное и богатое ”гнездышко” на улице Горького. Она потеряла бы и всякую надежду на постоянную и от-

дельную квартиру и продолжала бы коротать жизнь в коммуналке в Останкино, что на окраине Москвы, которую сам же Колосов прозвал "конюшней для людей". И поэтому Рита послушно следовала указаниям шефа.

Ральф нравился Рите. Она думала, что если бы не Кэрл, то убежала бы с ним в США и предала бы к чертовой матери все это КГБ с его Колосовым и Супруновым. Но Рита понимала несбыточность своих грез и продолжала строго следовать инструкциям.

И все эти месяцы Колосов с помощью Риты мастерски поддерживал контакты с Ральфом и Кэрл, придумывая всевозможные поводы для походов в театры, устройства пикников, загородных поездок, вечеринок. Иногда Колосов специально отстранял Риту от встреч с Бушнеллами. И тогда он замечал, как Ральф быстро скисал и сочинял всякие причины, чтобы поскорее уехать домой. Колосов считал, что Ральф уже серьезно увлечен Ритой, и по его мнению наступил час решительных действий.

Приближалось четвертое июля, День Независимости США, и Колосов подумал, что эта дата может оказаться самым подходящим поводом для официальной дискредитации американского журналиста.

— Я приглашаю вас с супругом к себе на званый обед в честь Дня Независимости! — его голос журчал в телефонной трубке, а польщенная Кэрл с вниманием слушала. — Вы познакомитесь с новыми интересными людьми. Надеюсь, вы не откажетесь!

— О, с удовольствием! Думаю, и Ральф будет рад!

Для таких встреч у Колосова имелось в запасе еще одно "гнездышко" — шикарнейшая квартира из трех комнат на набережной Москва-реки. Побывав в ней, Бушнеллы подумали, что в подобных квартирах и живут все остальные московские журналисты.

К ожидаемой встрече Колосов готовился тщательно. И он преподнес Бушнеллам сюрприз — некоего Константина Фролова, который по сценарию званого обеда якобы занимал важный пост в Совете Министров СССР. Роль Фролова готовился играть сам Петр Супрунов. А роль его жены — одна из благовоспитаннейших "ласточек". Приглаша-

лись и очень популярные в Москве авторы детективных романов братья Вайнберги, служившие осведомителями в КГБ, и известный писатель, также упражнявшийся в детективном жанре и тоже служивший в КГБ — Юлиан Семенов. На роли же остальных гостей, — чиновников Министерства иностранных дел, журналистов, их жен, — намечались офицеры Десятого отдела и самые опытные и пристойнейшие "ласточки".

Колосов был уверен, что под натиском такой оравы профессиональных агентов Ральф допустит какой-то промах и легко попадет в капкан. Колосов знал, что в непринужденной обстановке и после выпитого виски, Ральф охотно вступал в самые, казалось бы, для него нежелательные разговоры. И Колосов надеялся на то, что на этой вечеринке тайные агенты выудят у Бушнелла такие фразы, которые без труда можно будет толковать, как лояльное отношение Ральфа к сотрудничеству с советскими властями.

Колосов очень рассчитывал на "званный обед". Он был уверен в успехе и не сомневался в том, что в тот день агенты запишут на магнитофонную пленку именно то, что он больше всего ожидал услышать от Бушнелла. В тот же день Колосов предполагал снять с Риты все ограничения и предоставить ей возможность соблазнить Ральфа.

Но жизнь нарушила планы Колосова. В один из дней, когда он уже собирался ложиться спать, в его квартире неожиданно зазвонил телефон. Это была Рита:

— От меня только что ушел Ральф!

Колосов почему-то промолчал, и она повторила:

— От меня только что ушел Ральф! Ты что, не понимаешь?

Закончив разговор с Ритой, Колосов начал тут же разыскивать Супрунова. На работе его уже не было, и Колосов нашел генерала на подмосковной даче. Супрунов уже спал и, разбуженный, сразу же резко отреагировал на сообщение:

— Сука! Я предупреждал!

Но постепенно пыл его улетучивался. Колосов рассказал ему, что Ральф сам напросился к Рите, позвонив ей сегодня около восьми вечера.

— Ну, хорошо! — сказал, наконец, Супрунов. — Хорошо! Пусть эта сука основательно приберет его к рукам! Званный обед остается в силе. Коррективы будем вносить по ходу пьесы!

Успокоенный, Колосов лег спать. "Собственно говоря, нет оснований для беспокойства, — думал он. — Круг замкнулся" ...

Ральф спал крепким сном. Он был умиротворен и доволен своей московской жизнью.

ШАГ В ПРОПАСТЬ

1

Это был будничныи день, и в московской Центральной бане на проспекте Маркса находилось мало людей. Олег Раковский сидел в парной на самой верхней полке и наслаждался ломящим кости паром. Даже от самого деревянного настила исходил такой жар, что все тело переполнялось им, и внутри растекалось какое-то невероятное блаженство. Олег развалился на этом пышащем ложе, и ему вдруг стало смешно от мысли, что здесь в бане он условился встретиться со связным американской разведки.

Мысль установить контакт с американской разведкой родилась у него уже давно. И мысль эта появилась не случайно. Олег считал, что вся его жизнь подсказала ему такое решение. А в последнее время он стал ясно понимать, что все вокруг обернется в совершеннейшее бессмыслие, если он не найдет для себя удовлетворения и не исполнит своего желания.

Олег был преуспевающим офицером КГБ, и его карьера находилась на подъеме. Именно на нем руководство КГБ остановило выбор, когда решался вопрос о том, кому доверить возобновление, содержавшейся в строжайшем секрете операции "Дуэт". Кандидатуру Раковского утвердил сам вождь. И вот после Нового года под прикрытием выдуманной торговой делегации, якобы заинтересованной в американской компьютерной технике, Раковский уже

трижды побывал в США. И как следовало из его докладов руководству, серьезно преуспел там. Раковскому повысили жалованье и обещали после успешного завершения его тайной миссии высшую правительственную награду — орден Ленина. Был обещан и генеральский чин. "Что же тебе еще нужно?" — смеялся про себя Раковский, парясь сейчас березовым веником.

А что же ему действительно было нужно?

Олег перебирал сейчас в памяти последние годы своей жизни и думал, не совершил ли он ошибку, решив навсегда порвать с прошлым. Может быть, есть еще время остановиться и не делать этого безумного шага в пропасть?

Перед ним вдруг отчетливо появилось лицо Наташи, и он увидел ее широко открытые глаза. Нет, она не молила его отступить. Наташа только смотрела на него испытующе, словно бы спрашивала, а хватит ли ему сил начать жизнь сызнова.

Наташа уже знала о его решении, знала все, что произошло в Нью-Йорке. А там он в первую же после Нового года поездку попытался установить контакт с американской разведкой. Но в тот раз его попытка оказалась безуспешной. Агенты американской разведки отнеслись к его предложению сотрудничать с большой осторожностью, внешне проявив даже безразличие. Их насторожила решительность Олега и его чрезмерная откровенность в оценке реальных намерений советских руководителей во внешней политике.

Но во время своей второй поездки в Нью-Йорк ему удалось убедить американцев в своей честности. Он встретился с ними в скромном, не производящем впечатления отеле на окраине Нью-Йорка, и сразу же обрушил на них уйму фактов, свидетельствовавших о его искренности. Раковский назвал имена многих советских агентов, орудовавших в США и раскрыл тайну фиктивной делегации с которой он уже во второй раз приезжал в их страну. Олег объяснил, что эта делегация будет прилетать в США столько раз, сколько ему потребуется для выполнения его важного и сверхсекретного задания.

— А как же торговые переговоры? — удивились американцы.

— Переговоры — чистейшая фикция, — ответил Раковский. — Наши люди научились хорошо водить за нос ваших бизнесменов. Увидите, мы приедем еще раз!

И советская делегация еще раз появилась в Нью-Йорке через месяц. Раковский встретился тогда с теми же агентами в том же непривлекательном отеле и изложил им план действий. Олег обещал сообщать все, что ему станет известно о новом варианте операции "Дуэт" и обо всем том, что будет касаться подрывной деятельности КГБ в США.

Раковский не требовал вознаграждений. Он сказал, что решился на этот рискованный шаг по велению совести. Олег объяснил, что по его мнению советские руководители уже далеко зашли в своей игре с огнем и толкают мир в пропасть, к войне, и что его долг хоть чем-то помочь людям.

— Может быть, нам удастся избежать катастрофы! Я хочу жить и не хочу воевать!

— Ваш приход к нам — это война с Кремлем! — возразили ему.

— Это война за мир!

Раковский выдвинул тогда всего одно требование. В случае провала он просил гарантий на немедленную тайную переброску его семьи на Запад. И ему это обещали.

Наташа разделяла взгляды мужа. Как и он, она испытывала духовную безысходность в окружавшей ее жизни и вместе с Олегом тяготилась всей ее фальшью. Иногда Наташа даже испытывала страх от того, что кто-то ее не так поймет и не так истолкует ее слова, и она тогда будет выглядеть критикующей существующий режим. Наташа знала какие последствия за этим следовали и как могло все это отразиться на судьбе ее мужа. И она продолжала, словно бы обреченная, жить в скорлупе, не проявляя даже малейшего желания быть с кем-то хотя бы на йоту откровенной. Наташа жила лишь собственным миром, и ей с каждым днем все больше нравилось находиться в стороне от людей и скрываться от них в своей прекрасной квартире на Лесной улице.

Прежние переживания Наташи за судьбу их будущего ребенка постепенно улеглись. Она совершенно успокои-

лась, когда Олег рассказал ей о гарантиях, полученных им на случай провала. И вот теперь Олег и Наташа приготовились к новой жизни и стали как никогда друг другу близки ...

Олег вышел из парной и направился к душе. Он пустил сильную струю холодной воды, и все его тело напряглось мышцами. Олег посмотрел по сторонам, и при виде голых людей ему опять стало смешно от мысли, в какое место он заманил связного американской разведки. Но поразмыслив, Олег остался все-таки убежден, что баня, пожалуй, самое подходящее и безопасное для таких встреч место.

Американца звали Фрэд Митчелл. Он был бизнесменом и уже много раз до этого посещал Москву, представляя сразу несколько фирм, торговавших с СССР. Раковский знал Митчелла давно и именно через него рискнул тогда в Нью-Йорке установить контакт с американской разведкой.

Митчелл почему-то внушал Раковскому доверие. И Олег в нем не ошибся. Митчелл оказался на редкость честным и пунктуальным человеком. И сегодня он в точно назначенное время пришел в баню. Американец уже сидел на длинной каменной скамейке и, как показалось Раковскому, неловко чувствовал себя среди людей, бесцеремонно брызгавших вокруг себя мыльную пену.

Олег посмотрел на висевшие напротив душа часы. Было уже девять вечера, и он направился к выходу. В девять часов Олег должен был встретиться с Митчеллом в отдельной, отгороженной от всех кабине в зале для переодеваний. Месяц назад, когда они в последний раз виделись в Нью-Йорке, Раковский сказал: "Третья кабина в правом ряду". И вот сейчас Олег вошел в эту кабину, задернул шторку и накинул на себя махровую простынь, заблаговременно принесенную банщиком. Затем раскрыл свой портфель, достал прихваченную бутылку пива и с наслаждением почти до дна выпил ее из горлышка.

Олег закурил, и в этот момент в кабину вошел Фрэд Митчелл. Они поздоровались приветливым взглядом, но не произнесли ни единого слова. Тогда в Нью-Йорке Раковский сказал: "Меньше слов. Так безопаснее".

Они стали одеваться. Олег уже завязал галстук, а потом

достал из портфеля какую-то книгу и молча передал ее Митчеллу. Фрэд положил ее в свой портфель. На двенадцатой странице этой книги между строк невидимыми чернилами были написаны новые имена советских агентов в США. Сообщалось и о Александре Шабанове, занявшем пост помощника атташе в советском посольстве в Вашингтоне. Но самым ценным сообщением был секретный код, который Раковский предлагал использовать для передачи американской разведке всей последующей информации.

Они закончили одеваться, и Раковский шепнул Митчеллу:

— Следуйте за мной. Я покажу тайник.

Во время своей последней встречи с американскими агентами в Нью-Йорке Раковский обещал подыскать тайник, в котором бы он смог оставлять свою информацию.

Раковский вспомнил сейчас ту встречу и улыбнулся самому себе. Тогда в Нью-Йорке он сказал: "Я буду заполнять тайник каждый второй и четвертый понедельник месяца". И тогда же они условились, что тайник станет местом их постоянной связи.

Раковский и Митчелл вышли из бани и очутились среди узкого двора, расположенного в тылу домов на проспекте Маркса. Во дворе было темно. Он освещался лишь тусклой лампочкой, висевшей над входом в баню. Вокруг никого не было, и Раковский, повернув направо, пошел вдоль стены дома. Митчелл следовал за ним. Пройдя шагов сто, Олег свернул за угол и остановился. Здесь было совсем темно и пахло какой-то сыростью и помойкой.

— Пятый кирпич от угла и пятый же от земли, — объяснил Раковский подошедшему Митчеллу. — Его надо надавить с края. Вот так.

Раковский надавил этот кирпич. И он без труда ушел одной стороной в глубь старой, уже разрушавшейся стены, а другой выпятился наружу. Олег вытащил кирпич.

— Видите отверстие?

Митчелл пощупал отверстие рукой.

— Хорошо!

Раковский вставил кирпич в стену, и они повернули назад.

Было душно и собиралась гроза.

Раковский вышел на проспект Маркса и сел в ожидавший его лимузин. А Митчелл пошел пешком вниз по проспекту, затем пересек Неглинную и направился к "Метрополю".

2

Мария Моретти была очень взволнована. Она ходила по комнате и все никак не могла успокоиться. Весь этот день был для нее сущим адом, а вот только что закончившийся разговор по телефону окончательно вывел ее из равновесия.

Утром, как только она пришла на занятия особого Центра института Патриса Лумумбы, ее вызвал проректор генерал КГБ Владимир Шубников.

— Ваша поездка в Одессу, видимо, не состоится, — генерал сделал приветливую улыбку и жестом показал на кресло. Но Мария не приняла приглашение.

— Благодарю. Не могла бы я знать причину?

Генерал встал из-за стола и почти вплотную подошел к ней. Мария нравилась Шубникову и он, пользуясь своим положением, попытался однажды склонить ее к сожительству. Но Мария обрушила на него такой поток русских и итальянских ругательств, что потом Шубников ни разу даже видом своим не рисковал напоминать ей о том происшествии. Но Мария действительно нравилась генералу, и сегодня он неожиданно представился ей совсем другим человеком. Какая-то капелька не то грусти, не то вдруг вырвавшейся откуда-то из глубины души искренности, появилась в его взоре.

— Я ничего не могу вам сказать. Вас ждут на площади Дзержинского. Прощайте! Будьте осторожны!

По дороге в КГБ Мария пыталась понять смысл последних слов генерала. Что они могли означать? Мария вспомнила, как еще в Италии в день ее боевого крещения, когда ей впервые в жизни предстояло стрелять в человека, ее напутствовали словами: "Будь осторожна!" Но это же было там, в Италии, где она боролась, как считала тогда Ма-

рия, с классовым врагом за торжество коммунизма, за свободу и равенство. Однако, почему же и здесь, в Москве, ее предупреждают о том же?

Мария поднялась в лифте на шестой этаж и пошла влево по длинному коридору, свернула затем еще раз налево и вошла в знакомую ей комнату, на дверях которой не было ни номера ни таблички. Дежурный офицер вежливо указал Марии на стул и сказал, что ей придется какое-то время подождать. И она ждала час. Принял Марию совсем незнакомый ей человек. Он был уже в годах, располневший, лысый и представился полковником Ястребовым. Тихим, вкрадчивым голосом полковник сказал, что Мария не поедет в одесскую особую школу подготовки террористов, куда она должна была прибыть в следующий понедельник для прохождения специальной месячной тренировки.

— Мы сократили ваше обучение, — объяснил полковник.

— Почему же? — Мария в недоумении вскинула брови.

— Положение в Италии изменилось для нас в худшую сторону ...

— Не понимаю!

— Вам нужно возвращаться. Там не хватает таких людей, как вы.

За полтора года, прожитых Марией в Москве, она хорошо изучила русский, и ей были понятны все интонации голоса полковника Ястребова. Марию что-то настораживало в его тоне, ей казалось, что в нем звучит еле уловимый оттенок фальши.

— Значит ли это, что мой отъезд предreshен?

— Да. Мы перебросим вас на следующей неделе. Вы не волнуйтесь! Мы еще увидимся до отъезда. — Ястребов встал и протянул Марии руку. — Не волнуйтесь!

Вся предыдущая жизнь Марии в Италии проходила под сильным влиянием ее старшего брата Марио Моретти. Он был фанатичным коммунистом, и Мария, подражая его увлечению политикой, поступила на социологический факультет Флорентийского университета. Там она познакомилась с бывшим в то время профессором Джованни Сензани. Джовани считался крупным специалистом в криминалистике, он пользовался большим авторитетом не только

у студентов. Но никто не знал другой жизни профессора — его тайной, подпольной жизни. Сензани был главным стратегом "Красных бригад". Мария увлеклась им, и профессор криминалистики стал ее кумиром. Мария блестяще закончила университет и вскоре заслужила репутацию теоретика террора в флорентийской самой агрессивной в Италии колонне "Красных бригад". Вот почему руководители КГБ и уцепились за нее, мечтая сделать Марию Моретти одним из идеологов высшего звена "Красных бригад" — их Стратегического Управления. Мария проходила в Москве интенсивный курс обучения, но вот теперь совершенно неожиданно ее обучение прерывалось. Почему?

Весь путь ее от площади Дзержинского до дома был, как в тумане. Мария не различала лица людей, не слышала их голосов. Сегодня на нее все так стремительно обрушилось, что она оказалась совершенно не подготовленной к восприятию новой для нее реальности. Мария просто не представляла, как сможет так вот вдруг расстаться с Виктором. Раньше она знала, что пробудет в Москве до поздней осени, и все ждавшие ее впереди месяцы казались ей самыми главными и самыми важными в жизни. Мария видела в них надежду на будущее, думала, что в это оставшееся время Виктору все-таки удастся, наконец, хотя бы туристом вырваться в Италию. И тогда они были бы спасены. Но Виктор все еще не получал положительного ответа на свое заявление о туристической поездке в Италию, и они оба боялись расстаться, не зная, что же их ждет впереди.

Дома на Марию обрушился еще один удар. Не успела она закрыть за собой дверь, как раздался телефонный звонок. Это был все тот же полковник Ястребов.

— У нас изменились планы, — мягко проговорил он. — Вы уезжаете завтра. Я заеду за вами в девять утра.

Мария посмотрела на часы. Было около двух дня.

— О, боже! — воскликнула она и принялась звонить Виктору. Но его как назло не оказалось ни в институте, ни дома.

Мария была в отчаянии. Она вспомнила, что почти такое же состояние ей пришлось испытать, когда в Западной Гер-

мании ее арестовала полиция. Тогда в первый раз в жизни ей изменила выдержка, и Мария разрыдалась.

Жизнь в Москве круто изменила мировоззрение Марии Моретти. Сначала она не могла прийти в себя от восторга, что приехала в столицу первого в мире социалистического государства. Мария была опьянена Москвой, о которой грезили почти все ее друзья по оружию. Но постепенно восторг и экстаз уходили на второй план, а их место заняло глубокое разочарование. Мария была даже на грани самоубийства. И если бы не Раковский, то неизвестно, чем бы закончилась для нее та новогодняя ночь. Раковский с большим трудом тогда заставил Марию поехать к Рите.

В Москве рухнул прежний мир Марии Моретти. В Москве умерли ее прежние мечты и увяла романтика. Все это развеялось в прах, оставив вместо себя лишь горечь и боль воспоминаний. В Москве Мария столкнулась лицом к лицу с жизнью, которая в перечитанных ею книгах рисовалась совсем иной, и ложь эта убила в ней силы. Мария не желала больше любить то, что раньше казалось ей святым и возненавидела Джованни Сензани. Он стал для нее символом ее первой и погубленной любви.

Мечтой Марии было поскорее выбраться из Москвы, навсегда порвать с ней и стать таким же человеком, как и тысяча других свободных людей на ее родине. Но как могла она это сделать, как могла она без Виктора покинуть Москву? Ей нужна была хотя бы какая-то надежда, что и он вскоре последует за ней. С Виктором теперь была связана вся ее жизнь, с ним Мария решила разделить будущее.

Марию пугала неизвестность. Она ломала голову над тем, что же произошло у Виктора в институте, почему вдруг был наложен запрет на его командировки в Италию. Мария не могла найти ответ и на вопрос, почему же Виктор до сих пор не имеет разрешения на туристическую поездку в Италию. Недоумения вызывали у нее, конечно же, и слежка за ней и за Виктором. А вот теперь этот неожиданный отъезд!

Мария не верила ни одному слову Ястребова, она почему-то была убеждена в том, что все сказанное им — ложь.

— Почему же Шубников предупреждал об осторожности? — удивлялась Мария. — На какую опасность он намекал?”

Виктор пришел к Марии лишь поздно вечером. Он, конечно, понятия не имел о происшедшем и был ужасно поражен, застав Марию в слезах. Она была бледна и выглядела ужасно.

— У меня такое чувство, что я падаю куда-то в пропасть! Я перестаяю себя чувствовать! — плакала Мария. — Мы больше не увидимся? Никогда? Скажи!

Виктор пробыл у Марии до утра, но ушел из дома почти за час до приезда полковника Ястребова.

— Я не хочу, чтобы он тебя видел, — сказала Мария.

Они расстались навсегда.

3

Виктор Быстров бессмысленно шел по улице. Его обгоняли люди, торопившиеся на работу, а он себе шел неизвестно куда.

Стояло прозрачное солнечное утро. Все вокруг выглядело свежим и вымытым после проливного ночного дождя. А Виктор ничего этого не замечал и продолжал идти. Так он добрел до какого-то кафе возле Белорусского вокзала, уселся за первый же столик и попросил выпить. Но до десяти утра в Москве нигде не продавалось спиртное, и Виктор дал швейцару пятерку на водку. Швейцар куда-то исчез, а потом вернулся с бутылкой. Виктор сдачу не взял и тут же на глазах швейцара из горлышка выпил бутылку почти до дна. Он с трудом перевел дух, вышел опять на улицу и остановил такси. Дома Виктор заснул мертвецким сном...

Около полудня с подмосковного аэропорта "Шереметьево" взлетел самолет, увозивший Марию Моретти в Италию.

Когда этот самолет взмыл над Москвой, капитан КГБ Алексей Кузьмин мчался на черной "Волге" из Шереметьева на площадь Дзержинского. Капитан вошел в свой кабинет и тут же запер за собой дверь. Кузьмин улыбался самому себе и был не в силах удержаться от возбуждения. И он стал ходить из угла в угол по кабинету. Ходил он, как всегда, своей гусиной походкой носками внутрь, склонив голову набок, а улыбка все разливалась по его лицу. Так широко

Кузьмин улыбался, вероятно, впервые в жизни. Следователь КГБ не мог унять нахлынувшую на него радость и все ходил и ходил по кабинету.

А на столе капитана Кузьмина лежал документ, исчезнувший со смертью Эдуарда Гонзалеса. Следователь осуществил свой коварный план и вышел победителем. Он изъясил этот документ у Марии Моретти в аэропорту Шереметьево. Ее ввели там в отдельную комнату, раздели до гола и бесцеременно обыскиали. Марию обыскивали две женщины, работавшие в КГБ. Но Кузьмин, не доверяя им, присутствовал там же и не вышел из комнаты, даже когда Марию посадили на гинекологическое кресло. И вот теперь радостный Кузьмин потирал руки в ожидании вызова к высокому начальству.

Новый председатель КГБ тоже не скрывал радости. Он сидел за бывшим андроповским столом и улыбаясь, делал какие-то пометки на раскладном календаре.

В кабинете ничего не изменилось с тех пор, как его покинул Юрий Андропов. Его преемник не тронул с места вышитые восточным орнаментом ковры, выглядевшие по его мнению аляповатыми, не вытащил вон и тяжелые, громоздкие диваны, казавшиеся ему чудовищными, и не скинул с них яркие покрывала. Новый шеф КГБ подчеркивал этим преемственность и преданность своему покровителю.

Шеф КГБ сообщил Андропову о Кузьмине.

— Представим к награде! — ответил Андропов по телефону.

Но сам Андропов вождю еще ничего не сообщил. Ему доставляло удовольствие держать вождя в неизвестности и видеть, как тот нервничает при упоминании о провалившейся операции "Дуэт". Андропов сожалел сейчас лишь о поспешности, с которой они прервали операцию "Дуэт". Но тогда, как он полагал, другого выхода не было, и Андропов надеялся на то, что потомки простят ему его грехи. "Победителей не судят!" — усмехнулся сейчас бывший глава КГБ.

В тот же час новый шеф КГБ уже совещался с руководителями отдела особых расследований. Они думали о том, как избежать проникновения на Запад хотя бы ничтожных сведений о содержимом с таким трудом найденного доку-

мента. На совещании присутствовал, разумеется, и герой дня капитан Кузьмин.

— В Италии будут приняты все меры предосторожности, — докладывал начальник отдела особых расследований генерал Хромов.

По поводу Виктора Быстрова высказался Алексей Кузьмин:

— Я не думаю, чтобы его следовало арестовывать сегодня. У Быстрова нет тайных связей с Западом. Ну, а если он и попытается что-то предпринять, мы тут же его блокируем. Быстров в постоянном поле зрения.

— Ну, а что Дудин? — судя по тону, шеф КГБ соглашался с подчиненными.

— Пусть и он останется на свободе, — небрежно произнес Хромов. — Дудин безопасен, а забрать его можно в любой момент.

... Около полуночи самолет, в котором летела Мария Моретти приземлился в римском аэропорту Фимицина. Когда Мария сходила с трапа, она почувствовала, что следом за ней идет человек, ранее сидевший в самолете сзади нее. При выходе из аэропорта он грубо схватил Марию за руку и на чистом русском языке резко произнес:

— Не сопротивляться! Пойдешь со мной!

Тут же к ним подошли двое мужчин. Это были итальянцы, и они все вместе направились к стоянке машин. Итальянцы шли в двух шагах позади.

В машине за рулем сидел мужчина, которого Мария сразу же узнала. Это был один из членов "Красных бригад" Лучано Ронкони. Машина стремительно сорвалась с места и понеслась по ночному шоссе к приморскому городку Остия...

А в это время Виктору снился кошмарный сон. Он видел рыдающую Марию, простершую к нему руки. Ему снился и Эдуард Гонзалес, умолявший не убивать его. Виктор проснулся с головной болью почти в полдень и посмотрел в окно. А там, за окном, как в ту новогоднюю ночь, он увидел возле автобусной остановки всеми забытую, бродячую собаку. И вновь комок подступил к его горлу. Виктор опять почувствовал себя бездомным и одиноким.

Что же готовил ему новый день?

СПРУТ

1

В этот день Виктор не пошел на работу. Он позвонил шефу и сказал, что заболел.

В тот день и Нина почему-то была дома. Она стояла на кухне возле плиты и что-то готовила.

Они давно уже не разговаривали. Они лишь изредка при необходимости перебрасывались какими-то фразами, касавшимися, в основном, их взаимных забот по жизни в одной квартире.

Нина спала на их прежде общей тахте. Виктор спал на раскладушке на кухне. Шкаф, в котором они держали вещи, был разделен пополам. У них была раздельная посуда, каждый имел свое мыло и зубную пасту. Виктор уступал Нине инициативу в пользовании квартирой и по существу не имел в ней своего угла. Он приходил сюда только спать, и то изредка, проводя почти все время у Марии. Но вот теперь Виктор лишился ее приюта, лишился покоя и не знал, как станет жить дальше.

Нина вышла из кухни и пренебрежительно посмотрела на своего бывшего супруга. Нина отметила про себя, что сегодня он выглядел почему-то чуть ли не стариком, и подумала, отчего же он так ужасно изменился. Но она не проронила ни слова. Виктор был ей безразличен, и его судьба ее нисколько не интересовала. Нина была поглощена только собой, своей жизнью, которая, как она считала, должна вот-вот круто измениться к лучшему.

Нина была беременна. Она надеялась, что это обстоятельство вынудит Анатолия порвать с Раей. Нина понимала всю сложность положения Анатолия, знала, что там, где он работает, не терпят таких вещей как разводы. "Но речь же в конце-то концов пойдет о ребенке, о живом существе!" — рассуждала Нина, полагаясь на то, что жизнь нового человека окажется для партийных боссов Анатолия куда важнее их собственных амбиций и их дурацкой партийной морали.

Но так думала только она. Горбунов был другого мнения. Он наверняка знал, что ни у кого не найдет ни поддержки, ни сострадания, если вдруг возникнет вопрос о разводе с Раей. Ну, а если вдобавок узнают, что у него завелась любовница, ставшая причиной развода, то это самым тяжелым грузом обернется против него и превратится в веское доказательство его морального падения, развратного образа жизни вне семьи и полного забвения фарисейских традиций партии.

Многие его коллеги, Горбунов это знал, имели любовниц. Но ни у кого из них, как ему казалось, не возникало столь глубоких и драматических отношений с возлюбленными как у него. И он завидовал своим более удачливым коллегам. Анатолий был почему-то уверен, что их любовницы никогда ничего не требовали от своих мужчин, кроме любви, денег и развлечений. Горбунов знал, что любовницами не брезгало даже его престарелое начальство. И даже вождь каких-нибудь пять-шесть лет назад имел возлюбленных, которых выбирал преимущественно из актрис. Любовниц имели и те, кто мог бы стать его яростным судьей, окажись он на скамье партийного суда. "Все хорошо до поры, до времени, — рассуждал Горбунов, — до поры, пока все эти связи не получают огласки!" И Горбунов старался, как только мог, держать свою связь с Ниной в тайне.

Горбунов ужасно боялся того, что Нина может забеременеть. Он всячески упрощал ее быть осторожной, а Нина усматривала в этом слабость его характера и полагала, что беременность станет главным козырем в ее необузданном стремлении любой ценой быть женой высокопоставленного сановника. Нина, как спрут, вцепилась в Горбунова. И она дала себе слово при крайних обстоятельствах

пойти на все. Вплоть до того, чтобы самой все рассказать Рае или даже написать о своем положении в ЦК КПСС.

Горбунов же верил в искренность любви Нины. Но ее чрезмерная пылкость и страсть как раз и отдаляли его от Нины. Анатолий боялся ее любви и чувствовал, что рано или поздно между ними возникнет серьезный конфликт. Для себя поэтому он твердо решил сводить постепенно на нет отношения с Ниной и ни при каких обстоятельствах не порывать с Раей. Горбунов глубоко верил, что его репутация и карьера представляют куда более весомую ценность, чем что-либо иное на свете. Это было внушено ему еще его отцом, и Анатолий неотступно придерживался заветов человека, некогда занимавшего высокое положение в партии.

А жизнь Анатолия, как и его отца, была в партии и неразрывно связывалась с ее традициями. Партия давала меньшинству, к которому он принадлежал, преимущество над миллионами людей, населявших его страну. И Анатолий боялся оказаться с этими миллионами на одном уровне. Он этого категорически не хотел, как и Нина, не желавшая более оставаться среди опостылевшего ей большинства. "Общенародное болото", — говорил об этом большинстве сам Горбунов, и он был готов к борьбе, лишь бы не очутиться среди тех, кто принадлежал к иному, чем он, сословию.

Горбунов боялся всяких личных осложнений еще и потому, что в ЦК творилась неразбериха. Все предвкушали близкий конец правления вождя, и каждый в этой неопределенной обстановке боролся за выживание, старался спихнуть под откос любого из своих соседей. И Анатолий, как и Нина, тоже решил в критической ситуации пойти на все, лишь бы не разразился скандал. "Я не могу и не буду собой рисковать! — рассуждал Горбунов, — я не поставлю свою жизнь на любовную карту!"

Беременность Нины была уже того срока, когда аборт полностью исключался. Она специально ждала этого времени, чтобы поставить Анатолия перед необратимым фактом. Нина убедила себя в чудодейственности своей беременности, как фанатик верила в силу этого факта и не хотела даже ду-

мать об обратном. Все ее помыслы сосредоточились в одном направлении, и Нину сейчас можно было сравнить со спортсменом, напрягшим свои последние силы для решительного и победного прыжка. И ей, конечно, было не до ее бывшего супруга, внешний вид которого вызывал лишь сострадание.

Сегодня был именно тот день, когда Нина решила раз и навсегда объясниться с Анатолием. Она не пошла на работу и уговорила Горбунова провести с ней время после полудня за городом. "Он должен стать моим мужем, — твердила Нина, — должен!"

Нина давно готовилась к этому дню. Почти неделю она бегала по магазинам в поисках нового платья специально для сегодняшней встречи с Анатолием. И наконец, только вчера, выстояв очередь в Центральном универмаге, Нина купила прекрасное французское летнее платье. Купила она и новые летние туфли, тоже импортные и дорогие, истратив на все это последние деньги. Но Нина не жалела денег и была счастлива.

Около полудня Нине позвонил Горбунов, и они условились встретиться на северной окраине Москвы возле метро "Речной вокзал". Они договорились сесть потом на курсировавший по Химкинскому водохранилищу прогулочный пароход и приплыть к какому-нибудь живописному берегу.

Нина быстро оделась и вышла на улицу. Она решила не ехать на метро. Нина взяла такси, чтобы поскорее оказаться на месте условленной встречи. Нина очень нервничала и даже не могла припомнить, было ли у нее когда-нибудь похожее состояние.

2

В Москве было душно. Стоял на редкость жаркий день, и даже асфальт на тротуарах становился мягким под каблуками. Москва закупорилась в солнечном мареве, золотым шатром повисшем над городом.

Нина приехала к остановке метро первой. Она прекрасно

сегодня выглядела, и прохожие обращали на нее внимание. У Нины были высокие стройные ноги, и она горделиво прохаживалась в своих новых туфлях.

Анатолий тоже приехал на такси, но для предосторожности вышел из машины чуть ли не за целый квартал и шел сейчас, оглядываясь по сторонам. У него не было, как у Нины, праздничного выражения на лице. Он скорее выглядел усталым и ему, вероятно, стоило больших усилий идти сегодня на свидание с Ниной. Анатолий думал, что лучше бы он поехал на дачу и попросту развалился б там на траве, чем тащиться с Ниной неизвестно куда.

Нина подбежала к нему, обняла и поцеловала.

— Люди же, — отстранился от нее Горбунов.

— А мне наплевать на них! — рассмеялась Нина. Она заставила Анатолия снять пиджак, расстегнула ему ворот рубашки, развязав предварительно галстук.

— Ты сейчас не в своем ЦК! Ясно?

У Нины было прекрасное настроение. Они шли через небольшой тенистый парк к химкинскому порту, и Нине казалось, что все почему-то с завистью на них поглядывают.

— Мы с тобой отличная пара! Вот, если бы всегда так! А? — Нина посмотрела на Анатолия, но он лишь улыбнулся и не ответил на ее слова.

Прогулочный пароход в ожидании пассажиров стоял у причала. Через несколько минут он уже плыл по водохранилищу, и Нина с Анатолием, облокотившись на бортовой поручень, смотрели вдаль набегавшей воде. Ветер ласкал и трепал их волосы, и у Анатолия понемногу выправлялось настроение.

— А у меня есть для тебя сюрприз! — Нина прижалась к Анатолию лицом и посмотрела ему в глаза. — Отгадай, какой?

Нина всматривалась в Анатолия и старалась понять ход его мыслей. Она пыталась найти подходящий момент для объяснения, но чувствовала, что здесь, на пароходе, ей это вряд ли удастся.

Нина и Анатолий доплыли до деревушки Тишково и сошли на берег. Вдоль его, словно одетые в белоснежные сарафаны, росли березы. Они терялись лишь за береговым

изгибом, а справа от него простерлась широченная гладь водохранилища.

Пристань на этом берегу была крошечной, сбитой из досок, вероятно, лет двадцать назад. Доски успели уже прогнить и прогибались под ногами. Вдоль причала на воде болталось несколько лодок, и их можно было взять напрокат. Нина ужасно этому обрадовалась и потянула Анатолия к деревянной будке, где продавались билеты.

— Это же прекрасно! Мы проведем весь день на воде! — и Нина первой подбежала к кассе, а Анатолий остался стоять в стороне.

Кассир, кроме денег за билет, попросил в залог какое-нибудь удостоверение личности.

— Такое правило! — категорически произнес он и с удивлением посмотрел на Нину и на ее прямо-таки праздничное, вовсе не для прогулок, платье.

Порывшись в сумочке, Нина достала паспорт и протянула его кассиру.

— Теперь катайся хоть до утра. — проговорил он с нагловатой ухмылкой, продолжая бесцеремонно разглядывать Нину.

Анатолий уже подошел к лодочному причалу и стоял спиной к будке. Он снял рубашку, живот его выпятился, и в отутюженных брюках Анатолий выглядел чужаком среди вертевшихся на пристани загорелых деревенских ребят.

Анатолий сел за весла, и они поплыли вниз по водохранилищу.

— Ты заоришь сегодня! — Нина с восторгом наблюдала за ним, нежданно открыв в Анатолии способность легко и быстро грести.

— Да, да! — спохватился он и накинул на себя рубашку. Анатолий подумал, что на ветру он действительно обгорит и завтра над ним смогут подшучивать коллеги, распрашивая, где он пропадал почти весь предыдущий рабочий день. "Да, и у Раи появятся подозрения, — пронеслась у него мысль. — Черт меня дернул поехать за город!"

Настроение его тут же испортилось, и Нина поняла это.

Она замолчала. И он больше ничего не говорил. Они долго плыли молча, думая каждый о своем.

Нина выжидала и не решалась на разговор. И тут Анатолий вдруг сам спросил:

— Ты говорила о каком-то сюрпризе?

Нина съехала в комок. И ей стало себя ужасно жалко. Она пересилила это неожиданно нахлынувшее чувство, и взамен его у нее почему-то непроизвольно проснулась злоба на Анатолия. Нина пристально на него посмотрела.

— Я беременна!

Анатолий широко раскрыл глаза и, казалось, не расслышал ее.

— Я давно беременна! — разделяя каждое слово, повторила Нина.

— Та...ак! — протянул Анатолий. Глаза его сузились, и он стал о чем-то сосредоточенно думать.

— Ты разве не понимаешь, о чем я говорю?

— Я все понимаю! А вот понимаешь ли ты, что ты наделала? Сколько раз я тебя предупреждал! — чуть ли не закричал Анатолий таким тоном, что не оставалось сомнений в его полном безразличии к переживаниям Нины. Но она не захотела этого понимать и с явным отчаянием и с еще какой-то надеждой посмотрела на него в упор.

— У нас будет ребенок! Наш ребенок! Ты понимаешь? Ты же говорил, что Рая не может...

— Замолчи! И не смей касаться моей жены!

Его слова шрапнелью разлетелись по водохранилищу. Анатолий бросил весла, и они жердями повисли в воде. Лодку слегка покачивало и она незаметно увлекалась течением. Берега здесь раскинулись широкие, и вокруг не было ни души. Лишь только где-то вдаль пролетел, будто на крыльях, одинокий катер, и сейчас его уже нельзя было различить за вихрем поднятой им воды.

Нина, сгорбившись и опустив голову, смотрела на дно лодки. Даже в этот момент она все еще не хотела верить, что ни плотью ни духом Анатолий не желал принадлежать будущему ребенку. До ее сознания не доходило, что Анатолий ее сейчас ненавидел. Нина отказывалась все это пони-

мать и вдруг очень ясно ощутила, что очень скоро окажется матерью второго ребенка.

— Ты понимаешь меня?

Нина посмотрела на Анатолия, как провинившаяся собачонка, ее глаза были полны слез, и она не выдержала:

— Что же ты молчишь, как истукан? Ты будешь отцом! Моим мужем!

— Никогда! Ты сделаешь аборт!

— Нет!

— Сделаешь!

— Ни за что! Поздно!

— Шлюха! Тварь! — заорал Горбунов, и его слова иглами впились в ее сердце. — Я никогда не стану отцом чужого ребенка!

— Это твой ребенок!

— Ты могла спать с кем угодно! Ты провоцируешь меня! Тебе нужна моя дача! Моя машина! Мое положение! Шлюха!

У Нины все в голове перевернулось вверх дном, и она взорвалась:

— Мне наплевать на тебя и на твое положение! Виктор был прав! Все вы там в вашем ЦК, как спруты, впились в чужую жизнь! Все вы там подлецы и подонки! И ты подонок!

— Это твой Виктор подлец и подонок!

— Он чище тебя в тысячу раз! К сожалению, я это поздно поняла! А ты — негодяй!

— Придержи язык! — Горбунов уже не владел собой, и он с силой стукнул веслом об воду. Лодка наклонилась и Нину швырнуло в борт. Она бросилась в противоположную сторону, машинально кинулся туда же и Анатолий. Лодку качнуло еще сильнее. От испуга Нина вскрикнула и зачем-то вскочила на ноги. В одно мгновение лодка перевернулась, и они оба очутились в воде.

Анатолий сразу же вынырнул и ухватился за торчавшее из воды днище перевернутой лодки.

— Помоги! — раздался отчаянный крик Нины. Она была совсем рядом и изо всех сил рвалась к лодке. — Помоги! —

Нина протянула к Анатолию руки и тут же опять погрузилась в воду.

Анатолий иступленно посмотрел на то место, где только что была Нина и не сдвинулся с места. Он весь дрожал и с трудом держался за скользкое днище.

— Помоги!!! — на этот раз Нина вынырнула совсем рядом и ее волосы распластались по воде около Анатолия. Он на миг увидел ее безумные, страшные от ужаса глаза и... оттолкнулся вместе с лодкой в сторону. Анатолий вздрогнул от пронзительного крика Нины и увидел, как она вновь скрылась под водой. Анатолий еще раз оттолкнулся в сторону. Искажённое лицо Нины опять появилось на поверхности и тут же ушло вниз. Раздался еле слышный всплеск воды, затем другой более слабый, и неровный водяной круг стал быстро растекаться на глазах Анатолия. Он оцепенел.

В этот момент Анатолий увидел, что в сторону относит его пиджак. "Мой партбилет!" — молнией пронеслась тревога, и, отпихнув лодку, он поплыл к пиджаку. В один миг Анатолий достиг свой пиджак, судорожно схватил его правой рукой и поплыл назад. Мысли Анатолия скакали с лихорадочной быстротой. Он думал только об одном: не пропал ли партбилет? Страх за его исчезновение неожиданно придал Горбунову силы, и он одним рывком перевернул лодку. Бросил в нее пиджак, вскарабкался на борт и перевернулся внутрь. "Где партбилет? Где он?" — дрожащими пальцами он растегнул внутренний карман пиджака и вытащил бумажник.

— Слава Богу! — вырвалось у неверующего Горбунова и он обессиленный опустился на сидение.

Каким-то чудом левое весло удержалось в уключине, правого же нигде не было. И Анатолий, гребя одним веслом и разговаривая сам с собой, двигался к берегу.

— Скорее! Скорее!

Он озибался назад, и ему мерещились обезумевшие от страха глаза Нины. Ему даже показалось, что она встает из воды в своем новом, нарядном, на тоненьких бретелечках платье и что-то кричит. "Поденок!" — эхом отдалось в его ушах.

— Скорее! Скорее! Прочь из воды! — бормотал Анатолий.

Пристав к берегу, он спрятал лодку в кусты, развесил сушить вещи, а потом ничком свалился в густую траву. Он смотрел в землю исступленным взглядом, и мысли его прыгали, как мяч, и ни на чем не могли остановиться. Озноб у него еще долго не проходил.

Анатолий не помнил, сколько он так пролежал. Рассудительность и спокойствие к нему вернулись лишь по пути на железнодорожную станцию. Он вышел на дорогу, ведущую к ней, миновав прибрежный лес где-то далеко за деревней Тишково, и пошел пешком, не желая останавливать попутные машины. "Никаких свидетелей! Никаких!"

Он отгонял всякие мысли о Нине. Он не хотел вспоминать ни ее лица, ни ее голоса. "Все кончено!" — твердил Анатолий самому себе. И Горбунов торопился на станцию, желая как можно скорее возвратиться в Москву. "Никаких свидетелей! Никаких опрочечивых шагов!" — повторял он.

СТАРАЯ ПЛОЩАДЬ

1

Ежедневно к девяти утра на Старую Площадь съезжалось более десяти тысяч человек. Бесперывным потоком, начиная уже с восьми тридцати утра, стягивались туда вереницы лимузинов. В основном это были черные лимузины одной и той же марки "Волга". Они подъезжали друг за другом к высоким зданиям, выстроенным еще в прошлом веке, и из лимузинов выходили важные, напыщенные люди. Но ни у кого из них почему-то не было по утрам улыбки.

И Горбунов, каждый раз приезжая по утрам на Старую Площадь, выглядел точно так же, как и все остальные. А все эти остальные, преисполненные самолюбием и чувством власти, представляли в те утренние часы забавное зрелище. Как муравьи, разбегались они по подъездам, и в девять утра вдоль зданий Центрального Комитета уже не было никакого людского потока. Только охранники, офицеры КГБ, переодетые в штатское, нехотя маячили на тротуарах, поглядывали по сторонам и от нечего делать судачили друг с другом.

Уже много лет, как Горбунов неизменно подкатывал на своем лимузине к подъезду № 3. И всегда им овладевало сладостное состояние приверженности к избранной касте людей, причастности к ее силе. И никогда еще на это его состояние не падала тень. Но вот сегодня к нему примешалась горечь вчерашнего дня и, вообще, все то,

что так или иначе, было связано с Ниной. Горбунов вдруг вспомнил, как пару месяцев назад Нина рассказала ему о приснившемся ей сне. "Представляешь, советская власть кончилась. И все разбежались со Старой Площади, — говорила она. — Все здания ЦК снесли и на их месте построили огромнейшую общественную уборную..."

Горбунов вспомнил об этом, когда поднимался на лифте на свой этаж. Он вошел в кабинет и сразу же позвонил в спецслужбу, попросив немедленно принести ему секретный рапорт милиции о всех наиболее важных инцидентах, происшедших в Москве и ее окрестностях за минувшие сутки. Такие рапорты из Министерства внутренних дел поступали в ЦК ежедневно, и Горбунов с ужасом думал, что в нем может оказаться сообщение о гибели Нины. Ведь там на пристани деревни Тишково у лодочника оставался ее паспорт!

Горбунов лихорадочно листал рапорт. Сначала в нем сообщалось о каких-то убийствах, затем о ночных грабежах. "Не то, не то", — бормотал Горбунов и ему уже начало казаться, что в сегодняшнем рапорте не будет интересовавшего его сообщения. Он даже вздохнул с облегчением и подумал, что факт исчезновения Нины может и не попасть в разряд важных происшествий и тогда к расследованию отнесутся формально. В таком случае, Анатолий это знал, милицейские следователи не станут особенно усердствовать, и это дело, как и сотни других, окажется закрытым и навеки похороненным в архив. "Пусть они попытаются найти какие-то доказательства, что Нину кто-то утопил! — рассуждал Горбунов. — Не так-то это просто, улики же нет!"

Анатолий перевернул следующую страницу рапорта, и настроение его тут же испортилось. На этой странице шло довольно подробное описание происшествия, накануне случившегося в деревне Тишково. Сообщалось о том, как на деревенской пристани появилась нарядная и красивая женщина, и о том, что именно она взяла лодку, а не ее спутник, мужчина лет пятидесяти в темно-сером костюме. Сообщалось, что внешний вид этого мужчины выдавал в нем человека, заранее не готовившегося к загородной прогулке. Затем со слов лодочника описывалась и внешность

спутника погибшей женщины, стоявшего, как утверждал свидетель, почему-то все время в стороне. Лодочник утверждал, что может опознать этого человека и даже высказал мысль, что он показался ему не парой для нарядной московской красавицы.

Чем дальше Горбунов читал милицкий рапорт, тем больше приходил в состояние нервозности и страха. Он читал о том, как деревенские мальчишки случайно наткнулись на спрятанную им лодку, как потом, уже в конце дня, водолазам удалось обнаружить труп Нины. "Кошмар!" — содрогнулся Горбунов, представив Нину мертвой и все то, что теперь могло ожидать и его самого.

Был уже десятый час, а Горбунов неподвижно сидел за письменным столом, и мысли его были далеки от того, что ему предстояло делать. Еще на прошлой неделе шеф поручил Горбунову сугубо секретное и очень важное задание. Нужно было срочно подготовить тексты двух фальшивок, которые предполагалось тут же переправить на Запад и нелегально распространить там среди журналистов и политических деятелей.

Текст первой фальшивки — письма, якобы написанного госсекретарем США Генеральному секретарю НАТО, в котором обсуждались меры по борьбе с антивоенным движением в Европе, был уже готов. Сегодня же Горбунов намеревался закончить текст и второй фальшивки — письма президента США испанскому королю с рекомендациями как следует расправляться с оппозицией в стране. Но сегодня у Горбунова просто не хватало сил взяться за перо, его руки были безжизненны, а голова гудела, как переполненный улей. Горбунов весь ушел в свои личные переживания, и ему было сейчас наплевать и на американского президента и на испанского короля.

Горбунов знал, что оба эти письма предполагалось использовать для дискредитации и извращения внешней политики США. Горбунов знал и то, что уже завтра с утра особый курьер ЦК должен будет отвести написанные им фальшивки на площадь Дзержинского, в КГБ в отдел дезинформации, именовавшийся отделом "А" Первого Главного Управления. Горбунов не беспокоился о том,

как там будут подделывать американские государственные штемпеля, подписи президента и госсекретаря. Горбунова беспокоило его собственное самочувствие, его сегодняшняя немощность и полнейшая неспособность даже сосредоточиться на чем-то ином, не касавшемся личных переживаний.

Горбунов запер дверь кабинета на ключ, уселся в кресло, стоявшее в углу возле окна, и все его мысли устремились к деревне Тишково, к той прогнившей, злополучной пристани, к лодочнику. Лодочник стоял перед его глазами, и Горбунову показалось, что он уже давно знает это лицо. Лодочник завладел мыслями и воображением Анатолия. Горбунов вспомнил, как в тот день он всего лишь на миг увидел его небритое лицо, расплывшееся в слащавой улыбке. "И меня он запомнил, сукин сын! — выругался Горбунов. — А что если Быстров расскажет следователям о моих отношениях с Ниной, и они попросят лодочника опознать меня?" — пронеслась вдруг у Анатолия мысль.

Горбунов продолжал рассуждать, забыв даже о срочном поручении шефа. "Только один лодочник может дать против меня улики! Только он один!"

Горбунов посмотрел на часы. Шел уже одиннадцатый час, и ему пора было собираться в подмосковный аэропорт Внуково, куда прилетал Генеральный секретарь Португальской компартии Куньял. Его вызвал в Москву сам вождь и вчера Горбунова назначили в число лиц, которым поручалось встретить прибывавшего гостя.

И по дороге во Внуково Горбунов продолжал думать о лодочнике. Теперь он видел в нем своего врага, того единственного на земле человека, который был способен его погубить. Горбунов стал хладнокровно взвешивать все обстоятельства и с абсолютной уверенностью решил для себя каким-то образом убрать лодочника со своего пути. И немедленно! "Время работает против меня!" — заключил Горбунов. Постепенно у него созрел план действий.

Куньял прилетел вовремя. Его посадили в специальный лимузин и повезли в Москву. Вождь намеревался встретить Куньяла в Кремле, и Горбунов понимал, что разговор меж-

ду ними состоится серьезный. Вождь спал и видел Португалию отторгнутой от НАТО и хотел сегодня же получить от Куньяла четкие заверения в том, что впредь он будет полностью координировать свою деятельность с международным отделом ЦК и не предпримет каких-либо самостоятельных решений. Горбунов знал, что вождь потребует от Куньяла решительного и быстрого развертывания пацифистского движения и прямого запугивания населения Португалии американским атомным оружием. Анатолий понимал всю важность предстоящего диалога и при иных обстоятельствах с интересом бы ожидал официального приема в Кремле, на котором он должен присутствовать. Но сегодня Анатолий не мог себе этого позволить и думал сейчас только о том, как избежать церемонии в Кремле.

Горбунов сослался на плохое самочувствие и прямо из Внукова помчался на Старую Площадь. Он быстро написал текст фальшивого президентского письма, вложил его в специальный конверт для курьера и отдал этот конверт в секретариат Пономарева. Потом заперся в своем кабинете и стал обдумывать разговор с человеком, который мог избавить его от единственного свидетеля гибели Нины. Этим человеком был его давнишний друг, заместитель министра внешней торговли СССР Николай Пашутин. "Через него можно действовать наверняка", — рассуждал Горбунов, набирая номер его телефона.

2

Убийство жены Пашутина, Арины, совершенное в канун Нового года, прошло для всех почти незамеченным. Соседи по дому знали, что она была алкоголичкой, и смерть Арины связывалась у них с какими-то ее таинственными похождениями в дни поездок мужа за границу. Соседи посудачили по поводу ее смерти, и на этом в доме, где жил Пашутин, закончилось обсуждение той печальной истории. Официальное следствие, его проводило не КГБ, а милиция, выдвинуло версию самоубийства. Причем, в следственных документах говорилось, что в состоянии белой горячки

Арина первоначально убила своего любовника. Дальше этого следствие не пошло и дело положили в архив.

В прекращении дела об убийстве Арины Горбунов сыграл главную роль. Он воспользовался своими связями в КГБ и за передачу в архив "мокрого дела" Пашутину пришлось заплатить тогда наличными огромную сумму денег.

Смерть Арины не повлияла на положение Николая Пашутина. Ему даже предложили поменять квартиру, дабы он навсегда избавился от воспоминаний кошмарного прошлого. К тому времени на улице Алексея Толстого был только что выстроен еще один дом ЦК, и Пашутин сразу же переехал туда. Он стал теперь жить как раз по соседству с Анатолием Горбуновым.

У Пашутина всегда были любовницы и в компании Горбунова с Ниной он кутил в загородных кабаках. Пашутин ввел Горбунова в круг людей, содержавших тайные квартиры для свиданий, и Нина была тогда благодарна ему за избавление от постоянных поисков места для встреч с Анатолием. Пашутин мог делать многое, что невозможным казалось для миллионов других. У него всегда имелись деньги в предостаточном количестве. Пашутин был добр и платил за все.

Но не только одной лишь историей убийства Арины объяснялась опасная откровенность и дружба этих двух людей — Пашутина и Горбунова. Их родители когда-то были в не менее тесных связях. При Сталине Пашутин-старший занимал важный пост в КГБ, а отец Горбунова — в ЦК партии. Их семьи часто встречались, и дети воспитывались той средой, в которой вращались родители.

Для детей тайной остались истоки глубокой взаимной привязанности друг к другу их родителей. Но семейная традиция не умерла. И Пашутин-младший, вспоминая своего отца, говорил даже так: "Старая Площаь должна помогать площади Дзержинского! И наоборот!" А Горбунов в таких случаях отвечал: "У нас, брат, одна с тобой Площаь!"

Горбунов приехал сегодня к Пашутину в его новую квартиру около восьми вечера. Пашутин только что возвратился с работы и, приняв душ, прохаживался по про-

сторной гостиной. Его толстые, мясистые руки, усыпанные порослью редких рыжеватых волос, с трудом сгибались в локтях. Он ходил взад и вперед своей тяжелой, неуклюжей походкой и был похож сейчас на дикого кабана.

— Мда...а, — протянул он наконец. — А Нинка-то была интересной бабой! Вот черт!

Горбунов промолчал и с нетерпением посмотрел на Пашутина. А тот вдруг рассмеялся:

— Ох, эти женщины! Сколько с ними хлопот! Всех бы их в резервацию!

Пашутин достал из бара бутылку запотевшей от холода водки и разлил ее по стаканам.

— Давай! — кивнул он Горбунову.

Они залпом выпили, и Пашутин, развалившись на диване, в упор спросил:

— Ты хочешь, чтобы убили лодочника?

— Да!

— И ты хочешь, чтобы это сделал я?

— Помоги!

Пашутин встал с дивана и опять начал ходить по гостиной. О чем он думал, Горбунов не знал, но по выражению лица своего друга догадывался, что Пашутин не оставит его в беде. Горбунову было известно, что в свою подпольную международную организацию, торговавшую наркотиками и оружием, Пашутин вербовал и эмигрировавших в Израиль и США советских граждан. "Может же он среди них найти какого-нибудь головореза!" — рассуждал Горбунов. И Анатолий тоже напрямик спросил:

— Как насчет евреев?

— Об этом я и думаю!

Пашутин вновь разлил водку. И они выпили.

— Есть один тип, — промышчал Пашутин. — Пару месяцев назад мы освободили его из тюрьмы. У него уже виза в кармане... Хорошо! Давай адрес!

На этом они и порешили.

Горбунов ушел от Пашутина поздно ночью. Они оба тогда много выпили, и Горбунов с трудом добрался до своей постели. Ночью его тошнило, и он почти не спал. Пашутин же, наоборот, заснул, как младенец. Водка всегда

шла ему впрок и он, ничего не ведая, спал в одиночестве в своей огромной холостяцкой квартире.

Но пока он безмятежно спал, произошли события, крайне неблагоприятные для него. В Нью-Йорке специальный отряд полицейских и агентов Федерального Бюро Расследования арестовал банду торговцев наркотиками и оружием. Среди них оказалось и несколько недавних эмигрантов из СССР. В интервью по телевидению капитан Джеймс Скот, начавший следствие по делу арестованных сказал: "Вероятнее всего эти люди являются членами разветвленной международной организации, нелегально торгующей наркотиками и оружием. Мы напали на их след несколько месяцев назад и нашим секретным агентам удалось проникнуть в их преступную среду. Свои грязные дела эта шайка ведет в Австрии, Западной Германии, Италии, Турции... Куба, разумеется, причастна ко многим ее операциям. Но все нити тянутся из СССР. Не исключено, что эта международная преступная организация, малой толикой которой являются арестованные эмигранты из Советской России, принадлежит к официальным правительственным организациям СССР, скорее всего к КГБ, зарабатывающим на нелегальной торговле оружием и наркотиками миллионы долларов".

В вечерних нью-йоркских газетах уже были фотографии капитана Джеймса Скота, демонстрировавшего один из конфискованных мешочков с наркотиком, точно такой же, какой Арина Пашутина показывала своему любовнику в ту предновогоднюю и роковую для себя ночь. "Этот мешочек стоит около ста тысяч долларов!" — комментировал капитан.

Пашутин, конечно, ничего этого не знал. Проснулся он в безмятежном настроении и стал, как ни в чем не бывало, наскоро готовить завтрак.

Утром в Москве шел дождь, проливной, с пузырями на лужах. Улицы закупорились машинами, входы в метро забились людьми. А дождь все лил и не хотел переставать. "Будет ли лодочник работать в такую погоду?" — с тревогой рассуждал Горбунов по пути на Старую Площадь.

Но к полудню дождь перестал, небо расчистилось и от

асфальта повалил теплый пар. Рядом со Старой Площадью в Ильинском скверике все зазеленело вновь, пропала куда-то хмурость, и ожили только что прибитые дождем цветы. Погода обещала быть до конца дня превосходной и звала людей из города прочь.

Сегодня была пятница.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

1

Все эти дни Быстров не находил покоя. Он рано уходил из дома, долго потом шел пешком на работу, и приходя в институт, старался избегать встреч с людьми, подолгу просяживая в библиотеке или в спецхране. Он просто не мог делать что-то другое, ибо Мария не выходила из головы. Виктор не знал, что подумать, не понимал, что же могло с ней произойти.

По три раза в день Виктор ездил на Главный телеграф и звонил в Рим по телефону, который Мария оставила ему перед отъездом. Но телефон не отвечал.

В субботу и в воскресенье Виктор звонил Марии чуть ли не через час. И безрезультатно.

Виктор был в полном отчаянии, он все время думал о Марии и его совершенно не беспокоило отсутствие Нины. Раньше Виктор и сам днями пропадал у Марии и понятия не имел, где и как проводит время его бывшая жена. Виктор это не интересовало, хотя он был почти уверен в том, что Нина стала любовницей Горбунова.

В понедельник Быстров пришел на работу разбитый. Он чувствовал себя так, будто за ночь перетаскал сотню мешков с кирпичами. Ему никого не хотелось видеть, не хотелось ни с кем говорить. Виктор сразу же спустился в полуподвальный этаж, где находился спецхран, и даже не пошел на совещание к директору.

Виктор знал, что директор будет еще раз напоминать ему о сроках отчета для международного отдела ЦК о муниципальных выборах в Италии. Виктора уже торопил даже и сам инструктор ЦК. Он просил Быстрова дать побыстрее анализ групп населения Италии, голосовавших против кандидатов компартии. Но сегодня Быстров не хотел и думать об этом отчете. Он расписался уже в специальном реестре спецхрана и после этого получил только что пришедшие из Италии газеты. Виктор надеялся хотя бы час убить за их чтением, а потом опять поехать на телеграф. Он вспомнил, что в три часа дня его ждали в Московском университете на традиционной встрече с только что сдавшими вступительные экзамены первокурсниками. "Я поеду в университет только после разговора с Римом", — твердо решил Быстров. А в университет он был приглашен как почетный гость и бывший профессор истории, и Быстров обещал прочитать студентам вступительную лекцию к курсу современной истории.

В спецхране в этот ранний час еще никого не было, и Виктор обрадовался тому, что никто не станет приставать к нему с какими-нибудь вопросами. Он небрежно перелистывал страницы газеты и не старался даже вникать в написанное. Так он просмотрел первую газету и взялся за следующую. И тут пальцы его застыли. Виктор увидел снимок, который потряс его.

Это был, вероятно, темный подвал какого-то дома, и снимок поэтому получился не ясным. Но все равно, Виктор узнал Марию. Она сидела на полу, облокотившись спиной к стене и поджав к груди колени. Глаза ее были завязаны, а руки скручены назад. С левой стороны снимка торчало дуло автомата, а на стене над головой Марии Виктор прочитал: "Смерть предателю!"

Быстров стал судорожно читать корреспонденцию, помещенную под снимком. Там говорилось, что по "приговору революционного суда Красных Бригад" Мария Моретти была казнена, а фотография, публиковавшаяся в газете, оказалась подброшенной террористами в корзину для мусора.

Виктор с бешенством стукнул кулаком по столу, и тут же к нему выскочил служитель спецхрана.

— Что случилось?

Виктор не ответил и, как пьяный, пошел к дверям.

Он шел по коридору, и в нем закипала злость. Еще секунда, и Виктор потерял бы самообладание.

— Быстров! К телефону! — услышал он впереди себя, и этот оклик вернул ему равновесие.

Быстров прошел в свой отдел и взял трубку.

— Лейтенант милиции Трубников! — услышал он. — Мне обязательно нужно видеть вас!

— Зачем? — у Виктора все перемешалось, и он не понимал с какой вдруг стати беспокоит его какой-то лейтенант.

— Дело касается вашей бывшей жены!

Виктор взялся рукой за голову и потер лоб.

— Почему же вы обращаетесь ко мне?!

— Запишите адрес и приезжайте! Срочно! Прошу вас!

Быстров положил трубку и только тогда понял, что с Ниной что-то произошло. Лейтенант Трубников приглашал его на Пироговскую улицу, где находился городской морг.

Вид у Быстрова был неузнаваемый. Он даже ссутулился больше обычного, и сослуживцы с удивлением поглядывали на него. Он нервно чиркнул зажигалкой и, прикурив, вышел опять в коридор. Со стен на него смотрели портреты выдающихся коммунистических деятелей, в обилии развешанные по институту. И Виктору показалось, что итальянский коммунистический вождь Энрико Берлингуэр ехидно улыбается ему со стены. "Сволочь!" — выругался Быстров и поспешно направился к выходу.

Виктор ни о чем не мог сосредоточенно думать... Мария... Нина... Что же случилось? Почему все это в один день? Наконец, он начал успокаиваться, и по дороге в морг Виктор неожиданно для себя открыл причину гибели Марии. Быстров только теперь понял, почему же за ним все это время следили агенты КГБ и почему закрыли дорогу за границу и не пустили туда даже туристом. "Они догадались, что документы Гонзалеса у меня, — твердо решил Быстров. — Они боялись, что я вывезу их. Выродки! — ругался про себя Виктор, и он не мог простить себе свою роковую

оплошность, — зачем я дал документы Марии? Это я подставил ее под пулю!”

Мария живой предстала сейчас перед ним, и Виктор вспомнил ту прекрасную новогоднюю ночь. Он, как во сне, увидел Марию, ее длиннющие ресницы и крупные черные глаза. Смущенно улыбаясь, сидела она за тем праздничным столом и как-то удивленно посматривала на него. У Виктора ком подступил к горлу, и он даже встал со своего сидения в автобусе и протиснулся по проходу вперед. Ему нужен был свежий воздух. На первой же остановке Быстров сошел и пешком направился к моргу.

Лейтенант Трубников оказался совсем молодым человеком и в милицейской форме выглядел таким пай-мальчиком. Он с сочувствием встретил Быстрова.

— Вероятно, судьба! — с безнадежностью развел он руками, пригласив Быстрова следовать за ним в подвал. Там было холодно и сыро. Пройдя по темному коридору несколько шагов, Трубников открыл дверь, и Виктор увидел зал, весь уставленный высокими мраморными столами. А на них лежали покойники.

— Это свеженькие трупы. Нам туда! — и Трубников повел Быстрова вдоль стены этого кошмарного зала. Лейтенант открыл еще одну дверь, и они очутились в маленьком помещении, где находились двое в халатах. Здесь было тоже холодно и мерзко. Быстров даже почувствовал озноб.

— Дело номер сто шестьдесят два, — тихо произнес лейтенант. И один из находившихся в помещении, вероятно, санитар, выкатил из холодильника такой же, как и в первом зале, мраморный стол.

Трубников бросил пристальный взгляд на Быстрова, а тот почувствовал какой-то сильный прилив к голове. Виктор обхватил ее руками и чуть было не упал. Лейтенант и санитар подхватили его, и потом все вместе пошли к выходу.

На первом этаже Трубников дал Быстрову подписать какой-то документ.

— Это формальность, — пояснил он. — Вы ведь опознали свою бывшую жену. Вот и все! — лейтенант положил подписанный Виктором документ в портфель. — Следствие установило несчастный случай. Судьба!

Трубников и Быстров вышли на улицу.

— Вы куда? — спросил лейтенант. — Подвести?

— Благодарю! — Быстров жадно затянулся только что закуренной сигаретой.

Лейтенант уехал, а Виктор остался стоять на тротуаре и все вокруг стало чужим и мертвым. "Что же делать? — спрашивал он себя, — что?"

У Быстрова не было сомнений в том, что причину смерти Нины надо было искать в ее отношениях с Горбуновым. Но разве мог он что-то сказать этому сопливному лейтенанту. "Судьба! — вспомнил Виктор участливое выражение Трубникова. — Что этот молокосос понимает в нашей судьбе?!"

Быстров медленно шел по Пироговской улице в сторону Садового Кольца и никого и ничего не замечал. Под светфорами он машинально пересекал улицы, так же машинально уступал встречным дорогу, и его неотступно преследовал вопрос — "что делать?"

Быстров чувствовал, что больше он не может жить своей прежней пассивной жизнью. Он ругал себя за мягкотелость, нерешительность и жаждал активности. "Что же делать?" — спрашивал он себя уже в сотый раз.

Быстров подумал, что будь у него сейчас автомат, он стал бы стрелять вокруг. Виктор был зол и признался себе в том, что никогда еще не испытывал такой ненависти к своим врагам.

"Их всех надо перестрелять!"

Быстров посмотрел на часы. Было уже четверть третьего и он поспешил к станции метро "Крымская". Необъяснимо почему, Виктор вдруг почувствовал удивительную легкость, его походка обрела уверенность, а голова стала совершенно ясной, какой она бывала по утрам, когда он садился писать свои научные статьи. Виктор быстро шел к метро "Крымская" и о чем-то упорно думал.

Быстров не опоздал в университет на встречу с первокурсниками. Когда он пришел, в зале только рассаживались,

а на сцене за длинным столом, уставленном большими букетами красных роз, за которым должны были заседать почетные гости, еще никого не было. Виктор оглянулся, и его поразило обилие всяких лозунгов, висевших в зале. Одни призывали крепить военное могущество СССР, другие — сохранять чистоту марксистской идеологии. А над сценой Виктор увидел большой портрет вождя, на котором он выглядел еще совсем молодым, и под ним — во всю ширину зала — транспарант. Аршинными буквами на нем было написано: "Да здравствует великая коммунистическая партия Советского Союза!"

Раньше Быстров никогда не замечал ни лозунгов, ни транспарантов, во все времена года висевших на улицах и в учреждениях. Он так привык к ним за свою жизнь, что просто никак на них не реагировал. Но сегодня все эти красные полотнища вызывали в нем резкое раздражение и только усиливали появившуюся у Быстрова злобу.

Раздался звонок, какой обычно призывал к началу занятий, и на сцене, наконец, стали появляться почетные гости. Среди них Быстров увидел несколько знакомых лиц. Это были его бывшие коллеги, университетские профессора. Но вот на сцену вышел человек, не имевший к ним никакого отношения. Это был секретарь Московского городского комитета компартии по идеологии Василий Криволапов. А за ним к почетным гостям присоединился и армейский генерал. Он важно уселся за стол рядом с Криволаповым и посмотрел на притихший зал, как полководец на новобранцев.

Быстров тоже направился к сцене. Поздоровавшись со знакомыми ему людьми, он присел на самый крайний за столом стул.

Традиционную встречу открыл секретарь партийной организации университета. Быстров не слушал о чем он говорил, а смотрел в зал на сидевших там мальчишек и девчонок. Он вспомнил и свою юность, подумал и о судьбе своего сына. И тут Виктор с какой-то особой болью ощутил разлуку с ним. Андрей должен был вскоре вернуться из армии, но Быстрову почему-то казалось сейчас, что он уже никогда его не увидит. И жалость к себе, ко всему поте-

рянному в жизни еще больше подстрекала его сегодняшнюю агрессивность.

У микрофона уже стоял Криволапов. Он был в элегантном костюме и гладко причесан. А говорил партийный секретарь о громадном значении для недавних школьников учения Маркса, о том недалеком времени, когда победит всемирная революция, и о том, что всех впереди ждет светлое коммунистическое будущее. Быстров смотрел на него с полнейшим презрением и думал о своем. Он думал о сыне, выросшем, как и все эти юнцы, сидевшие в зале, среди лозунгов и транспарантов, о Марии, не по ее воле заблудившейся в жизни, о несчастной, трагической судьбе Нины. "Кто же во всем этом виноват?"

А Криволапова сменил за микрофоном армейский генерал. Он был прост в выражениях. Генерал грязью обливал американского президента, призывал к уничтожению Израиля. Он с похвалой отзывался о террористах и внушал девочкам и мальчишкам ненависть ко всему, что называлось "Западом". Виктор негодовал — "Чему учит этот солдафон?!"

И вот наступил черед Быстрова. Он подошел к трибуне и ласково посмотрел в зал. Быстров сказал: "Здравствуйте, ребята!" И ему показалось, что зал с облегчением вздохнул. На какое-то мгновение Быстров задумался, а потом спросил:

— Много ли вы знаете о родословной коммунизма?

В зале стояла тишина.

— Где корни его родословного древа? — спросил еще раз Быстров и обвел взглядом зал. — Семена для них разбросали по свету утописты и всякие английские и французские теоретики социализма — Руссо, Сен-Симон, Фурье, Оуэн. Своими зернами раздора эти мыслители прошлого взбудоражили мир, и все тогда стали думать, а как же построить общество взаимной любви, согласия и братства при полнейшей солидарности интересов всех людей. А действительно, как же его построить? — Быстров опять обвел взглядом зал и его тишина вселила в него уверенность. — Вы помните известного французского писателя Флобера? Вы помните его роман "Воспитание чувств"? Властителями душ героев этого романа были все те же теоретики социализма. И зна-

менитейший Макиавелли! И Сен-Жюст! И Робеспьер! А эти мудрецы предложили тогда строить новый мир с помощью гильотины. Врагов революции, говорили они, надо уничтожать. И герои Флобера восхищались их человеконенавистнической доктриной, иначе, якобинской диктатурой, ярким выразителем которой был Максимилиан Робеспьер. Что же он утверждал? Помните? "Укрощайте непослушных террором!" Якобинцы оказались предтечей современных вождей коммунизма. И Маркс принял сторону якобинцев, и никогда в нем не засыпала якобинская душа!

Криволапов вдруг неестественно громко кашлянул, генерал же шаркнул под столом ногой. Секретарь партийной организации университета тут же подскочил к трибуне и что-то шепнул Быстрову. Но Быстров даже не повернулся в его сторону.

— Отцы коммунизма безоговорочно одобрили террор, и их революция в России в 1917 году стала началом его великого разлива. В наши дни он затопил уже полмира...

Секретарь партийной организации побежал через весь зал к выходу. Криволапов и генерал с искаженными от злобы лицами, поспешно ретировались со сцены. Кто-то из почетных гостей потянул Быстрова за рукав и стал что-то быстро и тихо говорить ему. Быстров отмахнулся.

— По продолжительности, размаху и свирепости коммунистический террор неизмеримо превзошел якобинский, но методы и идеология их одинаковы. Если мы говорим о коммунизме, его влиянии на современный мир, то мы прежде всего должны говорить о родословной терроризма. Это одни и те же вещи! Это уголовная история человечества! Без ее знания невозможно понять современность, нельзя узнать правду!

В зале стояла такая тишина, что Быстров слышал даже собственное дыхание. Сердце его билось ровно, и он впервые ощутил отсутствие страха. На него смотрели замороженные, переполненные тревогой глаза, и Быстров торопился сказать им как можно больше.

— Я приведу вам слова лидера французских коммунистов Жоржа Марше. Слушайте! "Миллионы арестов в Советском Союзе! Десятки тысяч в Венгрии! А я утверждаю:

еще недостаточно арестованных, еще недостаточно посаженных в тюрьмы!” Вот так понимает современный мир один из лидеров коммунизма! Сегодня тысячи французов отказались от Марше! Еще раньше миллионы русских отказались от Сталина! Настало время отказаться от Маркса! Откажитесь! Откажитесь и от всех остальных вождей коммунизма! Продлите нашу жизнь и сохраните свою!

Входная дверь зала неожиданно хлопнула и внутрь вбежало несколько человек в штатском. Они бросились к сцене.

— Каждый должен иметь право свободно выражать свои мысли! — выкрикнул Быстров, когда эти люди начали оттаскивать его от трибуны. Быстров стал сопротивляться, и на сцене завязалась борьба. Все в зале встали и с выражением ужаса молча следили за происходящим. Вдруг кто-то крикнул:

— Да здравствует свобода!

— Замолчать! — изо всех сил заорал секретарь партийной организации университета. Лицо его налилось краской, он дрожал и стоял, сжав кулаки. А борьба на сцене тем временем закончилась. Быстрову скрутили руки и на глазах только что поступивших в университет поволокли через зал.

— Призываю всех к порядку! — опять завопил партийный секретарь, опасаясь за Криволапова, генерала и остальных почетных гостей, с опаской пробиравшихся вдоль стены к выходу из зала. — Всем оставаться на своих местах!

Но народ уже повалил из зала, не обращая внимания на раскрасневшегося и потного партийного босса.

Все видели, как по коридору волокли Быстрова. Неожиданно он попытался сопротивляться опять, но обессилев, повис на руках у людей в штатском.

На первом этаже у подходов к лифтам тоже стояли люди в штатском. Они прогоняли всех прочь и расчищали дорогу арестованному Быстрову. Во дворе университета, у самого входа на исторический факультет, где Быстров учился и преподавал многие годы, стояли три машины безо всяких опознавательных знаков. В одну из них втащили бесчувственное тело Быстрова. Люди в штатском

расселись по машинам, они сорвались с мест и помчались на площадь Дзержинского...

В это же самое время Анатолий Горбунов ехал на свою подмосковную дачу. Настроение у него было превосходное. Он уже знал о судьбе лодочника и о том, что за неимением улики дело о гибели Нины навсегда положено в архив. Горбунов хотел сегодня выпить. Перед отъездом на дачу он позвонил Пашутину, и тот обещал быть у него к шести часам вечера...

В шесть вечера Виктор Быстров был уже в арестантском халате и пострижен наголо. Он находился в одиночной камере Лубянской тюрьмы, расположенной во дворе здания КГБ на площади Дзержинского.

ЖЕНЩИНЫ ПРИНОСЯТ УДОВОЛЬСТВИЕ

1

Начальник Десятого отдела Второго Главного Управления КГБ Петр Супрунов выглядел в штатском типичным чиновником, этаким заправским бюрократом, привыкшим свысока поглядывать на людей. В широких брюках и мешковатом пиджаке он становился похожим на степенного и уравновешенного служаку, хорошо знающего себе цену. И в голову не могло бы прийти не знавшим его, что этот шестидесятилетний, приземистый и изрядно располневший человек со вздернутым, как у куклы, носом, один из ведущих генералов КГБ. В таком вот штатском наряде и предстал Петр Супрунов на званом обеде у Колосова в честь Дня Независимости США.

— Константин Фролов, — так тогда Колосов представил его Ральфу и незаметно шепнул, — важная фигура в Совете Министров.

В тот вечер Ральф был в ударе. Ему очень импонировало это общество именитых московских писателей и журналистов, дипломатов и их прелестных жен. А обрюзгший от пьянства, популярный автор детективных романов Юлиан Семенов просто обворожил Ральфа своим остроумием. Писатель буквально впился в американского журналиста, неустанно предлагая выпить то за одного, то за другого президента США.

Ральфу редко удавалось танцевать с Ритой. Но в те ко-

роткие минуты он всем своим существом ощущал теплоту ее тела. А Рита в тот день была действительно хороша. В глубоко декольтированном и длинном из черного бархата платье, она выглядела "королевой бала".

Однако, настоящим "королем" был, конечно, Петр Супрунов. Он почти не выходил из-за стола, мало пил и незаметными взглядами и жестами дирижировал блестяще поставленным спектаклем. Рядом с ним сидела одна из его "ласточек", немолодая уже женщина, но очень миловидная, с большим черным пучком волос и в черном строгом вечернем платье. За весь вечер она, кажется, не проронила ни слова. Но эта пара, Супрунов и "ласточка", действительно выглядели высокопоставленной и всеми уважаемой четой. Ральф попытался несколько раз заговорить с ними, но Супрунов-Фролов отвечал ему официальной учтивостью, не высказывая особого желания заводить с американским журналистом какого-либо разговора.

В тот вечер Ральф пил больше обычного. Он пускался в споры на любые темы, шутил с женщинами и был счастлив от того, что находился в такой непринужденной обстановке. Ральф даже и не заметил, как это у него вырвалось:

— Я ваш должник, а я привык оплачивать векселя.

Так он ответил одному дипломату, а на деле офицеру КГБ, в шутку намекнувшему, что ему, Ральфу, не мешало бы устроить ответный прием. Ральф наговорил в тот вечер много и других глупостей, совершенно не подозревая, что подслушивающие устройства синхронно записывали каждое его слово.

Супрунов остался доволен "званным обедом". На следующий день, когда генерал прослушивал сделанные накануне записи, он даже прищмыкивал от удовольствия и часто повторял:

— Хорошо, хорошо!

Супрунов, конечно, понимал, что все это была невинная и самая обыкновенная болтовня, которой в обычных условиях никто никогда не придавал бы никакого значения. Но ситуация с Ральфом была неординарной, и поэтому его каждое "нечаянное" слово могло впоследствии сыграть роковую роль. И это тоже хорошо понимал Супрунов.

— Отправьте на редактирование! — приказал он своему заместителю, когда закончил прослушивание пленки.

Приказ генерала означал обыкновенную процедуру обработки магнитофонных записей. В таких случаях пленки разрезались, склеивались, в записанные разговоры вставлялись слова и даже целые фразы, никогда не произносившиеся собеседниками. Так была отредактирована и пленка с записью разговоров Бушнелла. И уже вечером ее опять прослушивал генерал.

— Хорошо! — и на этот раз повторил Супрунов, несколько раз возвращая катушку на то место, которое его больше всего интересовало. В то место и была вставлена фраза, не произнесенная на "званом обеде" офицером КГБ, игравшем роль дипломата:

— На той неделе мы попросим вас о небольшом, пустяковом одолжении, — тут следовала пауза, а потом шло продолжение. — Надеюсь, вы не откажете? Кстати, вы получили в пятницу пятьсот рублей?

И следом прозвучал ответ Ральфа, слово в слово то, что он сказал тогда назойливому "дипломату":

— Я ваш должник, а я привык оплачивать векселя!

Со дня "званого обеда" у Колосова прошло уже чуть более трех месяцев. Казалось бы, ничего не произошло с Ральфом за это время. Но видимость спокойствия означала на деле приближение бури.

После спектакля, разыгранного на тайной квартире Колосова, в КГБ решили временно не предпринимать никаких явных шагов против Ральфа. Ему предоставили возможность вволю наслаждаться московской жизнью и оставили наедине с Ритой. К этой мысли в КГБ пришли после неожиданного отъезда Кэрол в Нью-Йорк. Она уехала из Москвы на следующий день после вечеринки у Колосова. И вот до сих пор Кэрол все еще не возвращалась в Москву, ее мать была тяжело больна, а свободный от семейных обязанностей Ральф проводил теперь почти каждый день с Ритой. Он не на шутку был увлечен ею, и Рита полностью завладела его временем и мыслями. А этого как раз и жаждали Супрунов и Колосов.

План их был прост. Оба они считали, что чем глубже

Ральф завязнет в отношениях с Ритой и чем больше скомпрометирует себя, разъезжая по загородным ресторанам, тем сильнее окажется потрясение от удара, который готовился против него.

Срок пребывания Ральфа в Москве истекал в конце года. А сейчас было начало октября. И Супрунов приступил к действиям. Он решил захлопнуть капкан за пару месяцев до окончания срока службы Ральфа в Москве с тем, чтобы в оставшееся время приручить Бушнелла и даже установить с ним дружеские отношения. Генералу почему-то казалось, что если он отпустит Ральфа из Москвы озлобленным на КГБ, то по приезде домой он сможет надеть глупостей. Рискнет раскрыть свою историю перед Эф-Би-Ай. А тогда год усилий, затраченный на Бушнелла, пойдет насмарку. И в один из дней Супрунов вызвал к себе Колосова.

2

Кэрол собиралась вернуться в Москву в субботу, как раз в день рождения Ральфа.

— Ты не забыл, что в субботу тебе исполнится пятьдесят? — спрашивала Кэрол по телефону из Нью-Йорка. — Мы обязательно отпразднуем этот день, неправда ли?

В Москве их разговор был записан на магнитофонную пленку, и Супрунов, прослушав ее, сказал Колосову:

— А почему бы и нам не устроить ему день рождения? Но не в субботу, а в пятницу. Накануне приезда жены! Острее будет! Он должен перенести сильный шок!

Рита была подробно проинструктирована Колосовым и приготовилась к последней встрече с Ральфом. Почти за год знакомства с американским журналистом Рита настолько привыкла к нему, что Ральф казался ей чем-то неотъемлемым в ее жизни. И чем дольше длилась их связь, тем больше Бушнелл нравился Рите. Ей иногда даже казалось, что связи этой не будет конца, что продлится она в бесконечность, и Ральф никогда не покинет Москву. И вот теперь решение Супрунова очень озадачило Риту. Ей так не хотелось расставаться с Ральфом!

Колосов понял ее настроение и твердо сказал:

— Последняя ночь, моя ласточка! Все!

Рита соглашалась со всем, что говорил ей Колосов. Выслушав его, она покорно повторила:

— Все! Последняя ночь.

Рита позвонила Бушнеллу и объявила ему, что приглашает его к себе в пятницу вечером, где они отпразднуют его день рождения. Это было сюрпризом для Ральфа.

— Откуда же ты знаешь о моем дне рождения?

— Ты сам мне об этом говорил! — соврала Рита, точно повторив то, что велел сказать Колосов.

— Я очень рад! Хорошо! Но почему в пятницу? Я же родился в субботу!

— Я хочу, чтобы мы были одни! — вкрадчиво произнесла Рита.

И в пятницу вечером Бушнелл приехал к Рите в ее "гнездышко".

Рита старалась казаться очень веселой, пыталась шутить и смеяться даже без всякого повода. Но все получалось у нее через силу, и Ральф обратил на это внимание.

— Ты смеешься, а глаза у тебя грустные, — он поцеловал ее и вопросительно вскинул брови. — Что-то случилось?

— Случилось! — Рита громко и неестественно рассмеялась. Она обняла Ральфа и крепко поцеловала его. — Я все время думаю о том, что нам суждено будет расстаться. Ты ведь скоро уезжаешь! — Рита удачно вывернулась из положения, и Ральф остался удовлетворен ее ответом.

Стол был уставлен изысканными закусками, а в центре красовалась бутылка армянского коньяка. В комнате стоял полумрак и еле слышалась ласковая мелодия, растекавшаяся вокруг от стереофонического проигрывателя.

А во второй половине этой совмещенной квартиры, где были установлены фотографирующие и подслушивающие устройства, находились два офицера КГБ. Оба они, развалившись на диване, слушали неторопливый разговор, происходивший в "ласточкинском гнезде". А две огромные катушки, установленные на подслушивающем устройстве, все крутились и крутились, наматывая сотни метров магнитофонной пленки. И здесь, в специально оборудованной

комнате, отчетливо слышались даже малейшие шорохи и вздохи из той части квартиры, где жила Рита.

Раздался телефонный звонок.

— Капитан Скоров! — один из офицеров схватил трубку.

— Ну, что? — это звонил Супрунов.

— Без перемен, товарищ генерал. Ждем!

— Хорошо! — генерал произнес свое любимое слово и повесил трубку. Он звонил уже второй раз, и сейчас в его тоне чувствовалось раздражение.

Начинали нервничать и офицеры Супрунова. Они уже более двух часов находились в своем "убежище", но условленного сигнала к действию, который должен был исходить от Риты, все еще не поступало.

— Сколько же денег угроблено за год на этого американца! — прорвалось вдруг у капитана Скорова. — На одну только семгу, икру да коньяк, наверно, тысячи ухлопали!

— Я бы и сам не прочь пропустить сейчас рюмочку! — потирая руки, произнес лейтенант Павлов.

— А потом бы эту потаскуху! — рассмеялся Скоров, кивнув в сторону "ласточкиного гнезда", откуда сейчас слышался голос Риты. "Ты будешь меня вспоминать? — спрашивала она Ральфа. — Будешь! Запомни!" — тут голос ее стал еле слышным. — Что бы ни произошло, я тебя люблю..."

— Вот б...дь! — выругался Скоров.

— За такие деньги, которые ей платят, и барана полюбишь! — рассмеялся на этот раз Павлов, но тут же притих и стал внимательно следить за разговором, который записывал подслушивающий аппарат. Лейтенант понял, что Рита и Ральф были уже в постели, и Павлову начинало казаться, что Рита вот-вот произнесет пароль, который призовет к действию. Но и на этот раз нужных слов "останься у меня ночевать" не последовало. Павлов сплунул, а Скоров посмотрел на часы. Был уже первый час ночи.

— Ей же сказано было! Что она там!? — Скоров со злостью ткнул окурок сигареты в пепельницу. — Пока не наеб...

И в этот момент офицеры отчетливо услышали слова Риты: "Останься у меня ночевать".

Скоров бросился к телефону:

— Товарищ генерал! Порядок!

— Приступайте!

Скоров и Павлов ворвались во вторую половину квартиры через специально оборудованную потайную дверь устроенную в коридоре. И они сразу же вбежали в спальню. Там кое-как светилась только одна ночная лампочка, и Скоров немедленно зажег люстру. Все развивалось в точном соответствии с написанным сценарием. И Рита так же неукоснительно следовала полученным ранее наставлениям. Она тотчас вскочила с постели, потянув за собой одеяло и полностью обнажив Ральфа.

— Что это? — совершенно ничего не понимая, вскрикнул Бушнелл. И он тоже вскочил на ноги. — Что ...

Но Павлов не дал ему договорить. Он ударил Ральфа в живот, потом в самый низ живота, еще раз и еще раз, пока Ральф не повалился на кровать. Бушнелл упал на спину и простонал.

Широко открыв глаза и обхватив голову дрожащими руками, Рита молча наблюдала за избиением Ральфа.

— Что стоишь в чем мать родила? — искоса посмотрев на Риту, буркнул Скоров. — Одевайся!

— А ты что, девственник? Не видел? Смотри! — голос Риты звучал, как натянутая струна. — Смотри! За это я деньги не беру! — и она, чуть не коснувшись Скорова, прошла в другую комнату. А Ральф, с трудом приоткрыв глаза, позвал ее:

— Рита! Что здесь происходит?

— Молчать! — крикнул Павлов.

Через минуту Рита вернулась обратно с бокалом коньяка. Она не смотрела на Ральфа. Она боялась увидеть его глаза. Рита остановилась посреди спальни и придвинув к себе от трельяжа стул, поставила на него ногу. Рита все еще была голой, и даже Скоров и Павлов потупили глаза.

— Ха, ха... — рассмеялась она ледяным голосом. — За вашу победу! — и до дна осушив бокал, разбила его об пол. Рита опять прошла мимо Скорова и, хлопнув дверью, осталась в другой комнате. Скоров и Павлов были предупреждены о ее нраве и поэтому старались не очень-то реагировать

на поведение Риты. Они промолчали, а после того, как Рита ушла из спальни, Скоров обратился к Бушнеллу:

— Одевайтесь! — и он показал американцу удостоверение КГБ.

Ральф с трудом приподнялся и недоумевающе посмотрел на маленькую, красную книжицу.

— Одевайтесь! — строго повторил Скоров.

Боль ослабевала медленно, и Ральфу казалось, что у него внутри образовался какой-то нарыв. Бушнелл чувствовал себя ужасно еще и от того, что был совершенно беззащитным и беспомощным. Однако, одевшись, он с достоинством произнес:

— Что все это значит?

В это время Павлов принес в спальню, взятую из холодильника, воду. Наполнив стакан, он протянул его Ральфу. Такой жест тоже входил в расписание сценария, авторы которого рекомендовали исполнителям постепенно смягчать ситуацию.

Бушнелл отказался от воды.

— А коньяк? — вежливо поинтересовался Скоров. — Вы не обижайтесь на нас. Это наша служба!

— Я спрашиваю, что все это значит?! — Бушнелл присел на стул, который совсем недавно Рита отодвинула от трельяжа.

— Я не буду вас интриговать, — спокойно произнес Скоров. — Мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами, то есть, с советской разведкой. Наше начальство очень высокого о вас мнения...

— Убирайтесь к черту! Вы ночью ворвались в чужую квартиру!

— Это наша квартира! И вы живете в нашей стране! У нас свои законы. Мы можем поступать с вами так, как захотим! — Скоров говорил вежливо, изображая даже вежливую улыбку. И Бушнелл только сейчас начинал понимать, что же в действительности произошло и какую роль во всем происшедшем сыграла Рита.

Скоров закурил и с артистической мягкостью продолжил:

— У нас есть множество причин для того, чтобы просить

вас о сотрудничестве. Во-первых, ваш отец сотрудничал с нами...

— Это неправда!

— Это правда! Мы можем предъявить вам доказательства. А во-вторых, у вас нет другого выхода!

Тут Павлов достал из бокового внутреннего кармана кителя пачку фотографий и веером раскинул их на неубранной постели. Ральф ужаснулся. Он увидел себя с Ритой в самых различных любовных позах.

— Но это еще не самое главное, — Скоров жестом попросил Павлова убрать фотографии. — Вот, смотрите!

И Павлов достал из другого кармана какие-то листки бумаги.

— Это ваши расписки в получении от нас денег.

— Ложь! Никаких денег я не получал! Мою подпись подделали!

— Вы правы! Подделали! — ничуть не смущаясь улыбнулся Скоров. — Но это же документ! Перед кем вы будете его оспаривать? Как вы сможете его опровергнуть?

Пока шел этот разговор, Павлов успел сходить во вторую половину квартиры и принести в спальню магнитофон.

— А теперь слушаем, — предложил Скоров, и Павлов включил магнитофон.

Ральф не верил ушам. Он слышал свой голос, слышал самого себя и приходил в ужас.

— А теперь подумайте, Бушнелл, что произойдет с вами, если мы предадим огласке всю вашу историю? И не только вашу, но и вашего отца! — Скоров, раскуривая сигарету, медленно прохаживался по спальне. — Что произойдет, Бушнелл? Во-первых, вас проклянет Кэрл...

— Довольно! Замолчите! — прокричал Ральф.

— Подумайте! Мы предложим вам великолепные условия, и вы сможете жить, как король! Мое начальство дает вам неделю на размышления. До следующей пятницы! Запомните! Вот номер телефона, по которому вы позвоните мне в пятницу в десять утра, — Скоров протянул Бушнеллу заранее приготовленный листок бумаги с номером телефо-

на. — Свидание закончено! — капитан улыбнулся. — А теперь уходите!

Ральф покорно направился к выходу. В гостиной он встретился с Ритой и поразился ее виду. Лицо у нее было искажено злобой и выражало крайнюю отчаянность. Бушнелл прошел мимо. Он не остановился, не оглянулся.

Ральф захлопнул парадную дверь и встал перед лифтом. В голове шумело, ему казалось, что кто-то копошится там. Бушнелл ничего сейчас толком не ощущал, не мог ни на чем сосредоточиться. Он чувствовал давящую усталость. Ему хотелось закрыть глаза, забыться, не слышать и не видеть ничего вокруг.

Двери лифта растворились, и Бушнелл вошел внутрь. И тут он понял, что расстался с Ритой навсегда. И Ральф не почувствовал к ней ни капельки зла. Ральф ясно представил себе ее искаженное злобой и полное отчаяния лицо, и не испытал к Рите никакой ненависти.

На улице Бушнелла тут же пробрал озноб. Стояла промозглая октябрьская ночь, и казалось, что вот-вот выпадет первый снег. Сгорбившись, Ральф шел к своей машине, запаркованной во дворе дома. Он открыл дверь своего "Форда" и посмотрел вверх — туда, откуда прежде всегда светилося окно спальни. Провожая его по ночам, Рита каждый раз выглядывала в окно и махала ему рукой. Сейчас там никого не было, не было света, не было ничего.

Озноб продолжал беспокоить Бушнелла, и он с трудом вел машину. Тело его ныло от побоев, и он ни о чем сейчас не мог думать. Ральф хотел только одного, — чтобы скорее минула начавшаяся неделя.

3

Юрий Колосов торопился в редакцию. Сегодня с утра он был в международном отделе ЦК и провел там более двух часов. Накануне Борис Пономарев дал задание главному редактору "Правды" срочно опубликовать статью, которая бы в искаженном свете представляла политику американской администрации в области обороны. "Главный"

же перепоручил это задание Колосову, считавшемуся на Западе весьма осведомленным политическим обозревателем.

Колосов выполнил поручение шефа. К утру статья была готова, но, как полагалось в таких случаях, ее следовало согласовать в международном отделе. А согласовывал Колосов статью с Горбуновым. На это у них ушло не много времени, а потом они попросту болтали о всякой всячине. И уже прощаясь с Колосовым, Горбунов, как бы невзначай, обронил:

— Слышал, Абрамов арестован?

Абрамов был одним из помощников Николая Пашутина и тоже имел чин генерала. Колосов с ним не был знаком, но знал, что Абрамов являлся правой рукой "крестного отца" зарубежной мафии и играл немаловажную роль во всех ее операциях. "Почему же его арестовали? Неужели шеф стал показывать когти?" — подумал Колосов о преемнике Андропова, новом председателе КГБ.

Юрий Колосов был не на шутку встревожен известием об аресте Абрамова. Он испытывал необъяснимое чувство какого-то беспокойства, и мысль о случившемся с генералом, как заноза, не давала ему покоя. Почему же Пашутин ничего не сказал об Абрамове?

Колосов знал Пашутина. Горбунов как-то познакомил их у себя на даче. Они быстро сошлись и стали испытывать друг к другу симпатию. Сначала их сближали интересы холостяцкой жизни. Но потом Пашутин приспособил Колосова к торговле наркотиками на черном рынке. Пашутин снабжал Колосова и долларами, и политический обозреватель "Правды" ими тоже торговал на черном рынке. Вырученные деньги Пашутин и Колосов делили пополам, и каждый оставался доволен партнерством.

Колосов знал, что в Нью-Йорке было арестовано несколько агентов из пашутинской банды. Но это известие самого Пашутина нисколько не взволновало. Колосов знал, что у "крестного отца" были глубокие корни, уходившие на самый верх партийной иерархии, и он не беспокоился о его судьбе. За спиной Пашутина Колосов чувствовал себя в безопасности и потому не боялся опасной игры на черном рынке.

Колосов еще раз подумал о нью-йоркских событиях, но тут же отмахнулся от них, полагая, что они никак не могут повлиять на судьбу Пашутина. Но вот арест Абрамова представлял собой нечто из ряда вон выходящее и подсказывал Колосову, что не все так уж и вечно на партийном "олимпе", как это казалось ему.

Колосов знал, что Пашутин был "человеком вождя". И Абрамов, вероятнее всего, являлся его ставленником. "Так, что же произошло?" — недоумевал Колосов. Его мысли сосредоточились, и перед ним рисовались картины трагедии, разыгравшейся с Абрамовым. Колосов все больше склонялся к тому, что Андропов в сговоре с новым главой дома на площади Дзержинского приступил к чистке КГБ от соглядатаев вождя. И Абрамов, как подумал Колосов, стал первой жертвой. Но почему именно он?

Колосов понимал, что для Андропова не были секретом все темные дела Пашутина, включая и его дорогостоящие подарки главе партии и государства. И вот теперь было самое подходящее время, чтобы всем этим воспользоваться для ликвидации близких и преданных вождю людей. "А главное, повод-то официальный! — Колосов обрадовался своей неожиданной догадке. — Законный повод! Обвинение в коррупции! А что еще нужно для расстрела?"

И тут Колосов подумал о себе: "Заодно и меня могут поставить к стенке!" Колосову до слез стало жалко потраченную ни на что жизнь. Когда-то ему прочили успехи на литературном поприще, и он мечтал стать литератором. А у Колосова действительно был талант, но он знал, что загубил его и к пятидесяти годам остался ни с чем. У него не было ничего: ни удовольствия от окружавшей жизни, ни семьи, ни близких людей. А те, что имелись — Горбунов, Пашутин и несколько других, похожих на них, казались ему сейчас человеческой мразью. "Дерьмо они все!" И еще в худшем смысле Колосов подумал о Горбунове.

В последнее время их отношения стали прохладными, хотя оба они вида об этом не подавали. Горбунов почему-то раздражал Колосова, и он начинал избегать с ним откровенных разговоров. "Скользкий тип! Никогда не поймешь, что у него на уме". И тут Колосов вдруг вспомнил, что

на днях Пашутин жаловался ему на Горбунова: "Не виделись мы с ним уже пару недель! Увиливает, жук!" Колосов тогда не придавал никакого значения этим словам, но теперь понял их подлинный смысл. Колосов счел, что Горбунов держит нос по ветру. "Значит арест Абрамова — не шуточное дело".

Лимузин уже свернул с Ленинградского шоссе и направлялся к зданию редакции "Правды". Вдоль улицы голые, как ободранные жерди, стояли потерявшие листву деревья, поеживались от ветра и торопились куда-то прохожие.

— Дождь будет! — впервые за всю дорогу от Старой Площади сказал шофер.

— Будет, — машинально ответил Колосов, а про себя повторил уже не раз за последнее время приходившие к нему слова: "Будь проклят день, когда я связался с ними!" И Колосов с отвращением подумал о Супрунове, о своих "ласточках", о всей своей второй жизни, так тщательно скрываемой от окружавшего мира. И позавидовал он тем, кто не имел этой второй жизни, тому, кто не прятался от людей, не лгал, не хитрил; не превращал свою жизнь в театральные подмостки, а самого себя в пожизненного интригана.

В подъезде здания "Правды" дежурный милиционер проверил удостоверение личности Колосова. Такое было правило — не пропускать в редакцию без особого пропуска посторонних, а "своих" без удостоверения личности. Колосов не стал дожидаться лифта и пешком пошел к себе на третий этаж. По пути он посмотрел на часы. Шел уже двенадцатый час, и пора было давать статью в набор.

Из своего кабинета Колосов сразу же по прямому телефону связался с главным редактором.

- Все в порядке! В ЦК замечаний не было!
- Цензор смотрел?
- Еще нет. Но я ему сейчас покажу.
- Торопись!

Уже в дверях Колосов о чем-то задумался: "Ах, да! Справочник!" — вспомнил он и, вернувшись, вытащил из груды книг, лежавших на письменном столе, увесистый статистический справочник.

Кабинет цензора находился в противоположной стороне

здания на пятом этаже, и Колосов, опять не дожидаясь лифта, побежал по ступенькам вверх. Но мысли его были далеки от того, что он делал, от того, что ему надо было делать сейчас. Колосов думал об Абрамове и зачем-то пытался угадать, в какой он сейчас находится тюрьме — в Лубянской или в другой тюрьме КГБ — Лефортовской.

Прочитав статью, цензор откинулся на спинку стула и ткнул дужкой от очков на ее вторую страницу, в то место, где говорилось о численности советских ракет, размещенных в Европе.

— Откуда это?

— Цифру дали в ЦК. Там все согласовано!

— С кем?

— С консультантом международного отдела Горбуновым.

Цензор записал фамилию в свой блокнот.

— А теперь вот это! — и цензор подчеркнул красным карандашом цифру, обозначающую объем внешней торговли СССР. — Откуда?

— Из статистического справочника, — и Колосов открыл его на странице 573.

Цензор записал номер страницы в свой блокнот и опять ткнул карандашом в статью.

— Вы пишете здесь, что в Туле состоялся митинг трудящихся, протестовавших против гонки вооружений в США... Так! Хорошо! И дальше вы перечисляете ораторов, а среди них генерал-майор! Генерала надо убрать!

Колосов вскинул глаза.

— Почему? — цензор в ответ улыбнулся. — Если в Туле есть генерал-майор, значит в этом маленьком городишке расквартирована солидная воинская часть. Ясно? А мы ведь с вами не имеем права разглашать тайну дислокации наших вооруженных сил! Ясно?

— Хорошо! Уберем генерала, — и Колосов вычеркнул злополучную фразу. Сделал то же самое во втором экземпляре статьи и цензор. Затем он спрятал второй цензорский экземпляр в сейф.

— Все! Можете сдавать в набор! — цензор поставил штамп на все страницы статьи.

Колосов отнес статью в секретариат редакции, позвонил затем главному редактору и сказал, что с цензором все улажено, а статья сдана в набор. Было уже около двух часов дня, и Колосов решил пойти пообедать.

К пяти часам в редакцию должен был приехать Ральф Бушнелл. Колосов понимал, что эта встреча с американским журналистом будет для него очень трудной, и поэтому ему захотелось немножко отдохнуть и подготовиться к ней. "Опять изворачиваться, лгать, интриговать!" — Колосов вновь с сожалением подумал о себе самом. Он шел в столовую, в которой питались только высокопоставленные сотрудники редакции, и ему начинало казаться, что с арестом Абрамова произойдут какие-то серьезные перемены и в его собственной жизни. Колосов решил во что бы то ни стало откровенно переговорить обо всем с Пашутиным. И уж во всяком случае, прекратить торговлю на черном рынке. После известия об аресте Абрамова Колосов почувствовал дискомфорт и впервые в жизни начал испытывать страх.

4

Генерал Супрунов решил не беспокоить Бушнелла, полагая, что тот сам залезет в расставленный им капкан. Супрунов хорошо изучил Ральфа и был уверен, что американец придет к нему за помощью. "Не через неделю, раньше, через пару дней!" — рассуждал Супрунов. И он оказался прав. Уже во вторник Бушнелл рассказал Колосову все, что с ним произошло.

Сначала Бушнелл не хотел раскрываться перед Колосовым, не хотел унижаться перед ним. Кроме того, Ральф все еще помнил, как в баре гостиницы "Националь" Колосов почему-то заговорил с ним о Роберте Хаппере и об отце. Тогда Бушнелл чуть было не заподозрил Колосова в связях с КГБ, но отбросив эту мысль, все же не мог больше относиться к нему с прежним доверием.

Какой-то холодок пробежал тогда между ними, но тем не менее, они продолжали часто встречаться и у них сохранились хорошие дружеские отношения. А вот сейчас Буш-

нелл подумал, что кроме Колосова у него ведь никого не было, с кем бы он мог посоветоваться и попросить помощи. Колосов оставался в глазах Ральфа достаточно влиятельным в Москве человеком, имевшим друзей в самом ЦК.

Когда во вторник Колосов позвонил Супрунову и сказал, что Бушнелл "клянул", генерал чуть было не подскочил в своем кресле:

— Хо-ро-шо! — просмаковал он свое любимое слово. И в его неугомонной голове стал уже рождаться новый план. Генерал решил заманить Бушнелла на дачу и там под видом пресловутого Константина Фролова разыграть с ним, видимо, уже последний водевиль.

— Передай Бушнеллу, что о его деле ты советуешься в Совмине с Фроловым. Понял? — сказал тогда по телефону Супрунов. — До четверга прерви с Бушнеллом связь. Пусть хорошенько понервничает! Понял? А в четверг утром сообщи, что его и тебя Фролов ждет на ужин у себя на даче. Ясно? Он сам прыгнет в наши сети. Ему надо только пообещать, что дело его похоронят. Понял?

И вот сегодня Колосов приготовился к еще одной встрече с Бушнеллом. Ровно в пять часов Ральф позвонил Колосову из телефона, установленного для посетителей на первом этаже.

— Я здесь!

— Отлично! — с деланным энтузиазмом ответил Колосов. — Спускаюсь!

Колосов поехал в служебной машине, а Ральф следовал за ним на своей. Они ехали в один из лучших уголков Москвы, на ее окраину — в Серебряный Бор, каким-то чудом уцелевший на территории Москвы. Это был привилегированный дачный поселок. Там теперь имели дачи высокопоставленные чиновники Совмина СССР, партийные боссы Московского городского Комитета партии, имелись там и генеральские дачи, принадлежавшие КГБ. Серебряный Бор окаймляла Москва-река и на том куске земли росли высокие, стройные сосны и пышные, мохнатые ели. И вот там КГБ имело еще одно "гнездышко", где для иностранцев устраивались всякие "частные" приемы, коктейли, вечеринки. А хозяевами дачи выступали переодетые офицеры КГБ,

игравшие роли ученых, журналистов, дипломатов. Теперь Супрунов решил еще раз сыграть роль ответственного совминовского бюрократа.

Машины остановились возле высокого, глухого забора, покрашенного в зеленую краску. Колосов вышел из машины и надавил на звонок, торчавший над калиткой. Через минуту к ним вышел "хозяин". Супрунов был одет по-домашнему: в теплой спортивной куртке, накинутой на плечи, и в широких, почему-то давно не глаженных брюках.

— Добро пожаловать! — он гостеприимно пожал руку Ральфа.

Дачный участок был большой. Он весь зарос кустарником, уже потерявшим листву, елями и соснами. Ощущение покоя вдруг нахлынуло на Ральфа, и он испытал среди всех этих деревьев такое же чувство, какое обычно испытывал там, под Нью-Йорком, на Лонг Айлэнд.

Они прошли в дачу.

— Добрый вечер! Ужин уже ждет! — приветствовала гостей "ласточка" Супрунова. Ральф сразу же узнал ее.

"Ласточка" сегодня выглядела прекрасно. Она встретила их в ярком розовом платье, и когда ходила по комнате, разрезы его раскидывались, и Ральф несколько раз косился на ее полные ноги. "Лет сорок пять", — подумал Бушнелл.

— Только с работы! Проголодался! — разливая водку, говорил Супрунов-Фролов. — По рюмочке?

Стол был полон яств. На закуску они ели черную икру и семгу. Потом отварной телячий язык с овощами, а на десерт — ананасы. Все пили водку, и даже "ласточка" составила им компанию.

За ужином говорили о всякой чепухе. И ни слова не было сказано ни о политике, ни о деле Бушнелла. А Ральф сам не решался начинать разговор и ждал, когда инициативу проявит Колосов. Но Супрунов-Фролов опередил его.

— Ну, а теперь пойдем потолкуем, — сказал он, когда все было съедено и выпито. — Пошли на террасу.

На застекленной террасе горела лампа под оранжевым абажуром. Здесь было уютно, и дачный участок казался отсюда каким-то сказочным уголком. В стекло от ветра би-

лись мохнатые ели, и Ральф вспомнил, что точно такие же росли под окнами и его дома на Лонг Айлэнд.

— Положение щепетильное, — выслушав Бушнелла, сказал Супрунов-Фролов и выпятил губы. — Мд-а!

Бушнелл и Колосов промолчали.

— Я не хочу вводить вас в заблуждение. Я не могу ничего конкретного обещать...

— Но можно попробовать! — вставил Колосов.

— Можно! Вот это я обещаю. Я поговорю кое с кем.

— Я буду вам благодарен, и на мою признательность вы можете рассчитывать. — Бушнелл старательно подбирал, как он полагал, самые подходящие для этой ситуации слова.

— О! Никаких благодарностей. Я же сказал, я не Бог! Я только постараюсь, — рассмеялся "хозяин" дачи. — Но вам ведь поставили жесткие условия. Да или нет! И вам надо найти решение буквально сейчас...

— Выбора практически нет! — опять вставил Колосов.

— Я постараюсь быть лояльным, — с трудом выговорил Бушнелл, и он тотчас почувствовал какой-то теплый прилив к голове. Ральф был напряжен до предела и отдавал себе отчет в том, что, быть может, именно сейчас решалась его судьба.

— Если вы это обещаете, — медленно проговорил Супрунов-Фролов, — то... это выглядит хорошим авансом. Вероятно, им понравится ваше предложение. Я поговорю, обещаю! Во всяком случае, завтра вы им не звоните. Подождем, что мне скажут, а он, — генерал взглядом показал на Колосова, — передаст вам всю информацию.

Бушнелл буквально сжался в комок, и он почувствовал, как по всему телу пробежал холодок. Руки его стали влажными, а в голове, словно молотком, стали отстукивать его собственные слова: "Я постараюсь быть лояльным". Супрунов-Фролов еще что-то говорил, но Бушнелл уже не прислушивался к его словам, полагая, что все они пустая формальность, а главное было сказано минуту назад. "Что я наделал?" — молнией пронеслась мысль. Но забирать слова было поздно. Бушнелл это понял и, совершенно того не замечая, тяжело и громко вздохнул.

— Не беспокойтесь! — участливо проговорил Супрунов-Фролов. И если бы Ральф в этот момент заглянул ему в глаза, то увидел бы в них море презрения и сарказма. — Я хлопочу за вас! Ну, еще по рюмочке? Последнюю? За удачу!

По дороге домой машина Бушнелла отстала от лимузина Колосова. Бушнеллу почему-то не захотелось ехать следом, да и не по пути ему было с Колосовым. В дороге Ральф стал постепенно успокаиваться, а выпитая водка настроила на сентиментальный лад. Он даже не заметил, как пропустил свой поворот с Хорошевского шоссе и продолжал ехать прямо по направлению к улице Горького. Бушнелл не понимал, почему он вдруг оказался на этой улице, и только когда остановился под светофором, невольно признался себе, что ему очень недостает Риты.

Бушнелл медленно проехал мимо ее дома, который остался по левую сторону от него. И тогда, также непроизвольно, как он все делал в пути, Ральф запарковал машину почти рядом с гостиницей "Националь". Он пошел в бар. Ральф заказал какой-то коктейль, и выпив его, молча сидел, не глядя по сторонам. Неожиданно он встал из-за стойки и быстро прошел к висевшему на стене телефону. Он позвонил Рите...

Генерал Супрунов узнал о непредвиденной встречи Ральфа с Ритой в тот же день от следовавших за американцем агентов. "Сюрприз!" — отметил про себя генерал. Но Рита сообщила ему обо всем лишь на следующий день вечером.

ИСХОД

1

Арест Виктора Быстрова вверх дном перевернул всю жизнь Дудиных, нарушил их покой, изменил привычный ритм. Целыми днями они обсуждали случившееся и говорили обо всем так, будто трагедия Быстрова была их личным, собственным горем.

— Мы не можем чувствовать себя в безопасности! Никогда! — говорил Миша. — Ты понимаешь это, Лена?

Обычно, когда прежде в их доме возникали разговоры на политические темы, Лена почти всегда становилась противницей Быстрова, критиковавшего советскую власть. Она возражала и мужу, в последнее время все чаще принимавшего точку зрения Быстрова. Но после его ареста Лена и сама стала догадываться, что наступило время принимать какое-то серьезное решение. Все те первые дни после ареста Быстрова Лена находилась в нервном состоянии и с ужасом думала о Викторе, доведенном до отчаяния, как она полагала, гибелью Марии и Нины.

— Ты помнишь, что произошло в ресторане? Ты помнишь, где мы очутились с Виктором? — спросил ее как-то Миша. — Я еще тогда понял, что мы совершенно беззащитны перед произволом властей.

— Что же ты предлагаешь? — на этот раз тон Лены был примирительный, и Миша почувствовал, что и Лена стала,

наконец, понимать насколько сложным и опасным был окружавший их мир.

— Надо бежать! И чем быстрее, тем лучше!

— Бежать? Что ты имеешь в виду?

— Надо бежать куда угодно! В Израиль, в Америку! Безразлично куда! Надо эмигрировать!

Эти слова были равносильны разорвавшейся бомбе. Еще несколько месяцев назад Лена не поверила бы, что их произнес ее муж. Еще несколько месяцев назад ни она, ни он не могли и слышать об эмиграции и даже осуждали людей, покидавших страну. Оба они тогда не понимали этих людей, сторонились знакомства с ними из-за опасения, что и на них может упасть тень подозрения в желании присоединиться к разливавшейся волне исхода. Но теперь слова Миши были реальностью, и они выражали суть новых воззрений Дудиных на их старую и ничуть не изменившуюся даже за последние месяцы жизнь.

— Я боюсь эмигрировать, — ответила Лена.

— А ты не боишься оказаться там, где Виктор?

— Мы уже не молоды! Как мы начнем жить сызнова? Без ничего! Мы не знаем ни английского, ни иврита! У нас нет денег! У нас, вообще, ничего нет! Это же... равносильно самоубийству!

— У сотен людей одинаковое положение. А есть и такие, у которых дела еще хуже. И они едут! Они поняли, что надо ехать! А мы с тобой идиоты! Виктор был прав. Мы прожили жизнь слепыми. Мы прожили пятьдесят лет и остались нищими! И живем в постоянном страхе. А что будет дальше? Пока эмиграцию не закрыли, надо бежать!

Они долго еще в тот день обсуждали свои проблемы. И в конце-концов Миша убедил жену. Лена согласилась с ним в том, что главным были не их постоянные стесненные материальные условия, превращавшие жизнь в тяжкое бремя. Лена начинала сознавать реальность и понимать, что речь идет о куда более важных делах — о существовании их собственной жизни и, что если, не дай Бог, с ними что-то случится, то защитить их будет некому.

— Хорошо, — вздохнув, согласилась Лена.

Но на следующий день они ни единым словом не обмол-

вились о принятом решении. Они оба боялись его и чувствовали себя как бы повисшими над пропастью. И только вечером Лена сказала:

— Не знаю, не знаю, что нам делать! Я не представляю, как буду жить без всего этого! — и она развела руками.

— Без чего? — недоуменно посмотрел на нее Миша.

— Без того, к чему я привыкла. Без людей, без этих улиц, без этих вещей. Это же наша жизнь! Неужели ты сможешь все это забыть, выбросить вон за один момент? Ты понимаешь?

— Понимаю, — Миша глубоко вздохнул. — Я тоже себе этого не представляю. Мне страшно даже думать, что в один прекрасный день я проснусь в чужом городе, в другой стране, в другом мире... Но нам надо сделать этот шаг! Ради самих же себя. Мы должны найти силы перечеркнуть всю нашу прошлую жизнь. Прошу тебя! У нас еще есть впереди жизнь! И мы обязаны жить! А здесь? Кто знает, что произойдет завтра?

Они опять до полуночи говорили о своих делах. И на следующий вечер все повторилось. День шел за днем, и вечерние споры затягивались каждый раз допоздна. А потом оба они не могли уснуть, их мучил страх за будущее, а тяжелая бессоница изматывала силы.

Прошла неделя после ареста Быстрова. А Дудины все никак не могли прийти к согласию, что им делать дальше. Лена возвращалась домой раньше Миши, и пока его не было, рыдала навзрыд, находя в слезах утешение и защиту от одиночества. Она теперь почему-то боялась оставаться дома одна. Нервы ее сдали, и Лена в те дни выглядела ужасно.

Прошла еще одна неделя. В понедельник Мишу вызвали в КГБ. Он поехал на площадь Дзержинского прямо с работы и приготовился к самому худшему. Но опасения оказались напрасными. Его пригласили, чтобы передать кое-какие вещи Быстрова. У Виктора ведь не было никого из родных, и он попросил отдать свои вещи Дудину.

— Фотография сына арестованного, кошелек арестованного, восемь рублей. Все. Распишитесь в получении и можете быть свободны, — младший лейтенант, встретивший Дудина в приемной КГБ, сложил все это в полиэтиленовый ме-

шочек и протянул его Мише. — Это все, что арестованный просил передать.

— Да, это все, что у него осталось, — не стал возражать Дудин.

Миша рассказал Лене о своем визите в КГБ. Лена потом плакала, а он долго в тот вечер сидел на кухне.

Прошла еще одна, третья неделя.

— Я больше так не могу! — Лена звонила мужу на работу. — Ты можешь сегодня прийти пораньше?

Он обещал ей.

— Так жить невозможно! — Лена в слезах ходила по комнате. — Надо что-то решать!

Миша понял, что реальность оказалась сильнее его жены, и Лена уже была готова пойти на отречение от всего, что представляло пятьдесят прожитых ею лет.

— Давай уедем, — он нежно посмотрел на жену. — Давай!

На следующий день Миша встретился со своим бывшим сослуживцем Фридманом, уже имевшим визу на эмиграцию в Израиль. Дудин попросил прислать ему вызов, без которого никто не имел права обращаться к властям с просьбой об эмиграции. Через месяц такой вызов пришел, и в середине ноября Дудин сделал шаг, еще недавно казавшийся ему невероятным. Он подал заявление на эмиграцию в Отдел выдачи виз и регистраций, в ОВИР, как его сокращенно называли. Там ему и Лене сказали:

Если вам дадут разрешение на эмиграцию, вы навсегда потеряете советское гражданство и никогда не сможете вернуться в СССР. Вы это знаете?

— Да! — ответил Дудин.

— Вы потеряете Родину.

— У меня ее нет!

Работник ОВИРа сделал вид, что не расслышал эти слова, но крайне резко сказал:

— Уведомляю вас и о том, что в случае получения разрешения на эмиграцию вам нужно будет заплатить за каждую визу по 800 рублей.

— Иначе, за отказ от гражданства? — сняв зачем-то очки, спросил Дудин.

— Иначе говоря, — отчеканил работник ОВИРа, и свидание закончилось.

На улице Лена в страхе посмотрела на мужа:

— Где же мы достанем денег? Тысяча шестьсот рублей! Это же почти твоя годовая зарплата!

— Дали бы разрешение, а деньги достанем.

— Где?

— В Голландском посольстве.

— При чем оно тут?

— Голландия представляет интересы Израиля. Понимаешь? И там нуждающимся эмигрантам дают помощь. Не волнуйся! Мы получим там деньги. Фридман все подробно рассказал мне.

— А он обращался туда? — Лена никак не могла поверить в простоту решения их сложной финансовой проблемы.

— Да! И ему дали деньги! — успокоил ее Миша.

По пути домой настроение у них улучшилось, и они решили отпраздновать сегодняшнее событие. Миша настоял, чтобы была куплена водка. Они потратили, вероятно, час на беготню по магазинам и, наконец, купили всю необходимую закуску. Не хватало только картошки, ее не было в соседних магазинах, и Миша махнул рукой:

— Ну, и черт с ней!

Все уже было готово к скромному пиршеству. Лена даже одела вечернее платье, в котором была на новогоднюю ночь у Риты, а стол был убран, как к самому настоящему празднику. И тут Лена заметила, что Миша спит. Он развалился в кресле напротив включенного телевизора и дремал. Телевизионный диктор рассказывал о последних новостях на Ближнем Востоке, а Миша, измученный за все эти дни переживаниями, преспокойнейшим образом спал, и ему сейчас было ни до чего.

Лена выключила телевизор и присела на диван рядом с мужем. Ей вспомнилось, как вскоре после Нового года к ним пришел Виктор Быстров и как все они вместе смотрели тогда телевизионный спектакль "Часовые Кремля". Вспомнила, как спорили они потом на разные политические темы, как просила она Быстрова говорить потише, боясь, что подслушают соседи. Лена увидела сейчас перед

собой большие, выразительные глаза Виктора, и у нее навернулись слезы. "Несчастный человек!" Лена поудобнее устроилась на диване и не заметила, как вскоре уснула. А спала она тяжелым мучительным сном.

2

Был конец ноября. В Москве стояли сильные морозы, и Дудин был рад, что ему не нужно выходить на улицу. Он уже не работал на автомобильном заводе. Дудин был уволен на следующий день после подачи в ОВИР заявления на эмиграцию.

Дудин знал, что это случится с ним, как тоже случилось и с Фридманом. И Дудин был ко всему готов. Он не удивился, когда его вызвали в отдел кадров и сказали:

— Сдайте заводской пропуск и распишитесь в приказе. Вы у нас больше не работаете.

Дудин сдал пропуск и расписался в приказе. А через некоторое время он уже разговаривал с партийным боссом конструкторского бюро. А тот, не глядя ему в глаза, отчеканил:

— В час дня быть на собрании! Будем обсуждать!

Дудин знал, что и этот этап нужно пройти. Было правилом представлять на общее собрание человека, решившегося на эмиграцию. Так было и с Фридманом, и с десятком других коллег Дудина по заводу, подавших заявления на эмиграцию.

Первым на собрании выступил сам секретарь парторганизации. Он сказал, что Дудин проработал на заводе более четверти века. И это было правдой. Но все остальное, как выразился про себя Дудин, оказалось "чистейшим враньем". Секретарь парторганизации говорил, что Дудин всегда считался плохим инженером, плохим товарищем, что был он политически и морально неустойчив. И вот теперь, как настаивал партийный босс, "Дудин встал на путь предательства".

— Мы живем в условиях тяжелой политической обстановки, — ораторствовал секретарь, — алчные Соединенные

Штаты Америки грозят миру термоядерной войной и рвутся к мировому господству! И вот в такое трудное для нас коммунистов время — Дудин покидает Родину, иначе, предаст ее, перебегает в стан врага! Товарищи! Заклеймим предателя Родины! Пусть земля горит под ногами изменника!

Затем выступили еще двое. Это были те же, что выходили на трибуну, когда обсуждали "предателя" Фридмана. Дудин сидел молча и пытался не слушать, что говорилось вокруг.

Собрание кончилось, и люди повалили к выходу. Все старались быстрее покинуть зал, словно боялись еще минуту подышать его тяжелым, спертным воздухом. Люди уходили молча, опустив головы, не глядя по сторонам. Они выглядели усталыми, подавленными, и Дудин понял, что не эти люди осуждали и клеймили его. Он поймал даже несколько сочувствующих взглядов, и эти взгляды больно отозвались у него в душе. "Почему же все молчали?" И он тут же ответил самому себе на свой собственный вопрос: "А кто бы осмелился меня поддержать? Разве я не боялся выступить в защиту Фридмана?"

Сейчас все это было уже позади. Прошло две недели с тех пор, но сцены того собрания все еще не покидали сознание Дудина. И он думал о людях, с которыми проработал десятки лет, о своем прошлом, о пережитом, обо всем том, что он вынужден был покинуть навсегда. И тут вдруг ему пришла мысль: "А что, если бы на собрании находился Быстров, заступился бы он за меня?" Дудин сразу ответил себе так: "Заступился бы!" Но сколько же таких, как Быстров? Дудин продолжал рассуждать и признался себе в том, что в жизни своей не встречался с каким-то другим человеком, подобным Быстрову. Дудин что-то слышал о диссидентах, кое-что знал и о великомученике Сахарове. "Но сколько же у нас таких Сахаровых, Быстровых? — спрашивал себя Дудин. — Могут ли они изменить нашу жизнь? Могут ли они хоть чем-то помочь?"

Дудин стоял у окна и смотрел на запорошенную снегом Москву. И ему стало грустно и больно от мысли, что он должен покинуть ее, уйти от нее. И уйти навсегда! "Поче-

му? — спрашивал он себя. — Кто так уродливо устроил мою жизнь? Кто же тут виноват?”

Дудин вновь стал думать о диссидентах, о Сахарове, о Быстрове. И тут он вспомнил, как Виктор Быстров однажды сказал ему об Олеге Раковском: ”Железный человек! Он наших взглядов”. И Дудин подумал: ”Неужели Раковский такой же как и Быстров?”

На ум приходили разные мысли. И Дудин начинал с беспокойством думать, как ему поступить с ”наследством Гонзалеса” — пухлой папкой с рукописью и письмами, переданной ему Быстрым за несколько дней до ареста. Виктор тогда сказал:

— Я не суеверный, но пусть лучше папка хранится у тебя.

Дудин вспомнил сейчас и другое.

— В крайнем случае, все уничтожь! Либо передай Раковскому! — так сказал в тот вечер Быстров, а вот сегодня Дудин подумал: может быть, и впрямь передать папку Раковскому?

Дудин знал тайну Гонзалеса. Быстров все рассказал ему, и потом они уже вместе старались докопаться до самой сути истории Эдуарда. Но теперь Быстров был арестован, а Дудин не знал, что ему делать дальше. Он понятия не имел, как поступить с содержимым папки.

Дудин достал папку из письменного стола и стал уже в который раз перечитывать рукопись. Раньше он сделал на ней кое-какие карандашные пометки и сейчас всматривался в них с особым пристрастием. Это была начатая Быстрым книга об Эдуарде Гонзалесе. Виктор задумал ее давно, но начал писать лишь после смерти Эдуарда. Быстров назвал свою книгу ”Смерть молчаливого диссидента”.

Вновь читая сейчас эту рукопись, Дудин испытывал чувство досады и даже обиды на самого себя за то, что раньше недолюбливал Гонзалеса. Они работали в одном и том же конструкторском бюро автозавода многие годы, и Дудин не мог сейчас припомнить, чтобы у него когда-нибудь возникало желание завязать с Эдуардом какие бы то ни было отношения. Гонзалес всегда казался Дудину поглощенным только собою, холодным и неприветливым человеком.

И Быстров писал о Гонзалесе, как об очень замкнутом и необщительном человеке. В таких местах книги Дудин и делал свои пометки. Но по мере повествования и развития сюжета Быстров объяснял мотивы поведения своего "молчаливого" героя. И вот читая именно эти места рукописи, Дудин испытывал угрызения совести и ругал себя за свою близорукость и черствость. Рукопись открыла глаза Дудина на всю жизнь Гонзалеса, и только после чтения ее Миша понял, почему герой Быстрова был таким замкнутым, неприветливым и недоброжелательным к людям.

"Жизнь сделала его таким", — так теперь Дудин думал о Гонзалесе. И Миша старался представить себе ту атмосферу, в которой рос Эдуард. Дудин с интересом читал те места рукописи, где рассказывалось, как отец Эдуарда, фанатик-коммунист, сизмальства заставлял сына чуть ли не наизусть выучивать статьи Ленина и Сталина, как он наказывал сына, если тот не успевал к заданному отцом времени выучить очередной "урок марксизма". Гонзалес-старший запрещал Эдуарду дружить с еврейскими детьми, потому что евреи не были в почете у Сталина. Он не одобрял дружбы сына и с детьми, родители которых не были членами компартии.

В Испании у Гонзалеса-старшего осталось много родных, и все они считали его тогда умнейшим человеком на свете. Он был очень активным коммунистом и во время военного путча коммунистов в 1939 году входил даже в состав руководства испанской компартии. Культ Гонзалеса-старшего сохранился в семье и после побега ее в СССР. Отец Эдуарда сразу же вступил в советскую компартию и на автозаводе, где Гонзалес работал первые годы, его оценили и назначили на высокую должность члена заводского партийного комитета. А после Второй мировой войны его карьера приняла другой оборот.

Еще в Испании Гонзалес начал сотрудничать с советской разведкой. И в КГБ о нем не забыли. Ему вновь предложили сотрудничество, и отец Эдуарда стал работать в Министерстве иностранных дел дипкурьером.

Переход на работу в МИД был пышно отпразднован, и Эдуард на всю жизнь запомнил, как в тот день отец про-

возглашал тосты за Сталина, за великую коммунистическую партию, за всемирную победу коммунистической революции.

После того праздничного дня прошло несколько лет. И вот однажды семья Гонзалеса стала готовиться к переезду из ее старой крошечной квартиры в только что отстроенный для МИДа дом. Но за день до переезда вдруг рухнул и разлетелся в прах миф и культ Гонзалеса-старшего, и мир предстал перед его сыном в ином свете.

В тот день рано утром Гонзалес-старший покончил с собой. Он повесился в уборной. Когда Эдуард увидел отца мертвым, с ним случился нервный шок. И с тех пор до конца своих дней Эдуард оставался заикой.

Никто не знал, что в действительности произошло и что вынудило Гонзалеса-старшего к самоубийству. Ничего, конечно, не знал и четырнадцатилетний Эдуард. Он просто не понимал тогда подлинного значения происшедшего и, как прибитый мышонок, неподвижно сидел на диване и следил за людьми в военной форме, проводившими в квартире обыск.

В тот день с утра и до полуночи в их доме находились агенты КГБ. Они что-то тщательно и упорно искали. В доме все было перевернуто вверх дном. Ночью агенты увезли мать Эдуарда. И он больше ее никогда не видел. Только спустя несколько лет Эдуарду удалось узнать, что она умерла по пути в один из сибирских концлагерей.

Попечительство над Эдуардом взяла одна испанская семья, жившая в том же доме. Так и стал он жить до совершеннолетия среди чужих людей, привыкая к непривычным для себя взглядам. Его сознание постепенно избавлялось от тяжелого груза прошлого, и он даже выбросил на помойку все книги Ленина и Сталина, ранее принадлежавшие отцу.

В восемнадцать лет Эдуард влюбился в еврейскую девушку. Они готовились к свадьбе. Но ей не суждено было состояться. В один из дней отца девушки арестовали, а потом забрали и саму эту девушку и ее мать. И мир вконец перестал существовать для Эдуарда. Он весь ушел в себя и таким остался навсегда. Эдуард не был потом женат и жил все вре-

мя в одиночестве. И лишь только в Быстрове по каким-то необъяснимым для себя причинам находил он отдушину своим мыслям. С Быстровым Эдуард был откровенен и ему единственному он и поведал свою тайну. Эдуард мечтал о возмездии. Он раскрыл и тайну своего отца.

3

Дудин очень любил бродить по старой Москве, по ее узким, петляющим улочкам и переулкам. Он любил всматриваться в окна низкорослых, выстроенных еще в прошлом веке домов. Дудин почему-то видел в этих окнах какой-то другой мир, вовсе не тот, который царил в районах московских новостроек с их однообразными, серыми и скучными рядами домов. Он сам жил в одном из таких районов, поэтому, попадая в старую Москву, испытывал всегда приятное душевное волнение от соприкосновения с когда-то прекрасным и ушедшим из жизни миром. Дудин всматривался в окна этих старых домов, украшенных лепными карнизами и вензелями, и ему становилось грустно от мысли о скорой разлуке.

Дудин шел сейчас с Леной по одному из таких заснеженных переулков старой Москвы, направляясь в дом своего нового знакомого, уже через пару дней уезжавшего в Израиль. "Счастливый человек! — думал о нем Дудин. — Удалось вырваться!"

Как-то само собой получилось, что со времени подачи заявления на эмиграцию, Дудин незаметно для себя оброс кругом новых друзей, от которых ранее со страхом бы отшатнулся. Но теперь он видел этих людей чуть ли не каждый день, и они стали частью его тревожной жизни. Эти люди были ему теперь близки, и они понимали друг друга с полуслова. И все они жили одной мечтой — как можно скорее уехать в неведомые и пугавшие неизвестностью западные края. Эти люди, как и Дудин, были сейчас безработными и распродавали свое добро с надеждой хоть как-то материально дотянуть до отъезда.

Новый приятель Дудина был зубным врачом и звали его

Яков Агранович. Сегодня у него была прощальная вечеринка. В среде эмигрировавших стало традицией устраивать подобные вечеринки, получившие название "проводы". На "проводы" приходили не только друзья уезжавших, но и друзья друзей, и просто любопытные, и те, которые еще только думали об эмиграции и интересовались последними новостями. В такие вечера квартиры эмигрировавших на Запад не закрывались и до полуночи, а то и намного позже, из них слышались смех, песни, музыка.

— Милости прошу! — приветствовал Дудиных Агранович. — Знакомьтесь! "Предатели родины!" — смеялся хозяин дома, представляя Дудиным своих приятелей, подавших заявления на эмиграцию.

Один из них, маленький худенький человечек в очках и в не по фигуре длинном пиджаке, сразу же подскочил к Дудину.

— Аркадий, — он протянул руку. — А ведь это не смешно, когда тебя называют предателем!

— Такими нас считают наши правители, — Дудин пожал плечами.

— Я никого не предавал! Я еврей и хочу ехать в Израиль! Вот и все!

— Разве этого недостаточно, чтобы считать тебя предателем? — вмешался еще один приятель Аграновича.

— Не понимаю!

— Ты ведь не хочешь жить под коммунизмом?!

— Ну, а если американец задумает уехать, скажем, на Северный Полюс, где ни коммунизма, ни капитализма, что тогда? Его тоже сочтут за предателя?

— Американец уедет из свободной страны, и никому в голову не придет приклеивать ему ярлык предателя! — ответил Дудин.

Они уже сидели за столом, уставленным бутылками с водкой, пивом, вином. Жена Аграновича принесла из кухни только что отваренный картофель, селедку, сыр, колбасу, банки с какими-то консервами. И началось застолье.

— Прощу тост! — выкрикнул Аркадий.

Установилась тишина, и он спросил:

— Вы знаете, что такое еврейская жена? Это средство передвижения...

Дружный смех оборвал его.

— Это не смешно! — продолжал Аркадий, — это печально! В нашей стране никто кроме евреев не может рассчитывать на эмиграцию. Поэтому, многие ищут еврейских жен. Дела наши пошли в гору! Прекрасно! И я хочу поднять тост за наш еврейский народ, пробивший брешь в толстой, бесчувственной советской стене. Мы — первопроходцы! Никому же еще не удавалось проложить из СССР тропинку исхода на Запад, по которой сейчас исчезают туда тысячи людей. Я пью за мой еврейский народ! До встречи в Иерусалиме!

— И в Нью-Йорке! — выкрикнул кто-то.

— За благополучный исход! — добавил сосед Дудина, и все стали чокаться наполненными бокалами, рюмками, стаканами.

Через минуту комната наполнилась разговорами, табачным дымом, и Дудин не заметил, как вокруг стало много людей. А народ все приходил и приходил. Гости толпились в коридоре, на кухне, вокруг стола, и все что-то говорили, о чем-то спорили, жестикулировали.

— Вы давно подали заявление? — спросил Дудина его сосед.

— Около трех недель назад.

— А-а! Свеженький!

— А вы?

— Я уже год как в отказе.

— Вы отказник? — горько усмехнулся Дудин и с сочувствием посмотрел на соседа. — Что же дальше?

— Подал второе заявление. Жду ответ.

— Почему же они вас не выпускают? — Дудин положил на тарелку кусок колбасы и наполнил рюмку. — Вам налить?

— Конечно!

Они выпили.

— Почему меня не выпускают? — сосед Дудина закурил и выпустил изо рта дымовое колечко. — А черт их знает! Нет никаких официальных причин. Я никогда не имел

секретности. И, вообще, я самый простой, самый рядовой инженер. Они просто надо мной издеваются! Давайте еще выпьем!

И они выпили еще по рюмке, и Дудин развязал галстук.

— А вы работаете? — спросил он соседа.

— Нет. Я не работаю уже полтора года. Как подал заявление, меня выгнали, а теперь нигде не принимают. Мы ведь хуже прокаженных.

— М-да, — протянул Дудин, и тут кто-то хлопнул его по плечу.

— Здорово! Вот уж не ожидал увидеть тебя здесь! Какими судьбами? — перед Дудиным стоял высокий, крепкий мужчина, видимо, одних лет с ним, одетый в превосходный серый костюм. — Не узнаешь?

От удивления Дудин даже снял очки и поднялся со стула.

— Борис? И ты тут?

— А где же мне быть? — рассмеялся этот мужчина, и раздобыв стул, втиснулся с ним к столу между Дудиным и его соседом. Это был один очень давний знакомый Дудина Борис Лещинский, работавший директором обувного магазина. Они так давно не виделись, что Дудин даже с трудом узнал его.

— Познакомьтесь! — Дудин показал Лещинскому на своего соседа. — Впрочем, и мы ведь не представлялись друг другу.

— Семен Бринберг, — рассмеялся сосед Дудина и посмотрел в сторону Лещинского. — Вам штрафной! Налить?

— Разве об этом спрашивают? — Лещинский был весел и чувствовалось, что у него сегодня превосходное настроение.

— Ты тоже эмигрируешь? — Дудин закусывал колбасой после очередной рюмки.

— У меня разрешение уже в кармане! Через пару недель скажу родному правительству "гуд бай!"

— Ты занимаешься английским?

— А как ты думаешь? Я уже год занимаюсь с преподавателем. Ты знаешь, какой самый ценный груз эмигрант должен вывести на Запад? Английский! Без него — погибнешь!

— А ты куда едешь?

— В Америку.

Дудин задумался, а выпитая водка мешала ему сосредоточиться и вспомнить вопрос, который он хотел задать Лещинскому.

— Скажи, если не секрет, — Дудин, наконец, уловил ход своих мыслей, — почему ты решил эмигрировать? Что тебя вдруг ужалило? Ты ведь делал хорошие деньги! Имел машину, кооперативную квартиру! Вот у меня ничего нет. Я нищий!

Лещинский скинул пиджак на соседний стул, развязал галстук и швырнул его на пол.

— У меня есть деньги на тысячи галстуков! Ну и что? Я боюсь купить лишний костюм! Спросят, откуда деньги? Моя же зарплата — мизер! Я и машину записал на тещу. Квартиру — на отца! — Лещинский закурил. — Да, я делал большие деньги. Но как? Незаконно! В торговле все воруют, и я воровал. Но мне надоело жить под страхом ареста. Я больше так жить не могу и не хочу! Мне надоело давать взятки милиции, райкому партии, горкому партии! Не дашь — посадят! Вам нужна такая жизнь? — Лещинский налил себе рюмку водки и залпом выпил ее. — Мне не нужна такая жизнь! А другой здесь нет! Хочешь быть сытым, воруй! Но с меня достаточно! Я не политик. Я не диссидент. Но мне здесь все опротивило! Пошли бы они все ...

— А что же вы будете делать в Америке? — Бринберг с интересом слушал Лещинского.

— Не знаю. Об этом я сейчас не думаю. Сначала я хочу отсюда вырваться.

Квартира Аграновичей была набита людьми. Играла музыка. Кто-то даже пытался танцевать в этой сутолоке и тесноте. Иногда кто-то разливал всем подряд вино или водку, и тогда на всю квартиру слышались тосты за хозяев, за их счастливый путь и за удачный исход остальных.

Дудины вернулись домой очень поздно. Лена сразу же легла спать, а Миша, поглощенный своими мыслями, ушел на кухню. Он достал из шкафчика купленную в день подачи заявления в ОВИР бутылку водки, выпил рюмку и задумал-

ся. "Почему же люди бегут отсюда, как крысы с тонущего корабля?"

Дудин вспомнил своего бывшего коллегу по автозаводу Фридмана, уехавшего в Израиль. Вспомнил, как тот рассказывал ему о своем сыне, которого не приняли в университет только потому, что он был еврей. "Я уезжаю ради детей! — говорил тогда Фридман. — Ведь у меня еще и дочь растет!"

Вспомнились Дудину и проводы у Фридмана, и как там одна женщина сказала: "Да пошла бы эта советская власть к ... матери! Ну, хотя бы завалили магазины продуктами! Дескать, смотрите, какой на самом деле коммунизм щедрый! Жрите и молчите! А то ведь жрать не дают и рты всем позатыкали! Слово боишься выговорить, оглядываешься, не подслушивает ли кто!" Дудин вспомнил и то, как на тех проводах кто-то пропел злую песенку про советскую власть:

Жить стало лучше,
жить стало веселее:
шея стала тоньше,
но зато — длиннее!

Дудин сейчас пропел эту песенку сам и рассмеялся: "Все отсюда бегут потому, что боятся за свои шеи и головы!" И тут на ум ему пришли странные мысли. "Вот и Быстров мечтал о побеге! А чего ему здесь не хватало? Какое положение занимал! Зарабатывал в три раза больше, чем я! Имел доступ в святую святых — в ЦК партии! А чего не хватало этому Лещинскому? А чего не хватало всем этим Фридманам, Аграновичам, Бринбергам? Чего? Дудин вдруг стукнул кулаком по столу и прокричал:

— Чего же им не хватало? — он с силой отпихнул от себя стол, и со стола все посыпалось на пол. Выпитая водка уже не позволяла ему контролировать себя, и Дудин продолжал кричать:

— А чего же мне не хватает?

В кухню вбежала испуганная Лена. Но Дудин неожиданно умолк, на его лице проступила какая-то странная улыбка, и он пошатываясь, вышел из кухни. Дудин остановился посреди комнаты и шепотом пропел:

Жить стало лучше,
жить стало веселее...

Взгляд его неожиданно изменился, и он испуганно посмотрел на Лену.

— Всех этих коммунистов, сволочей, как говорил Быстров, от пуза из автомата... А вот Гонзалес поехал бы с нами!..

4

Лена никогда не видела мужа в таком состоянии. Она была в ужасе, хотя прекрасно понимала причину такого поведения и все его душевные переживания. "Ему нужна разрядка", — уже на утро Лена про себя оправдывала мужа, хотя внешне сохраняла осуждающий вид:

— Не собираешься ли допить начатую бутылку?

Дудин проснулся с единственной мыслью — о Гонзалесе. Он даже снился ему в эту ночь, и Дудин видел во сне его последние минуты жизни. "Сегодня же свяжусь с Раковским, — рассуждал Дудин еще до завтрака, — надо же что-то делать!"

После завтрака Дудин разложил на столе все содержимое оставленной Быстрым папки и стал еще раз перечитывать финальные главы рукописи. Видимо, под влиянием сна Дудину почему-то захотелось увидеть самого себя на месте Гонзалеса и перечувствовать все то, что в свое время пережил покойный.

Дудин нашел в рукописи место, где приводилось предсмертное письмо Гонзалеса-старшего. Эдуард передал это письмо Быстрову в ту роковую для себя ночь буквально за час до смерти.

Быстров пришел к нему тогда поздно вечером за день до Нового года, и они за спорами просидели почти до самого утра. Гонзалес просил Быстрова как можно скорее переправить письмо отца за рубеж. "Сделай это сразу же после Нового года! — упрашивал он. — Я чувствую, потом будет поздно!" Быстров же предлагал не торопиться и просил время для серьезного обдумывания ситуации. Под утро Быстров

вместе с письмом уехал от Гонзалеса, а через час Эдуард был убит.

О предсмертном письме отца Эдуард узнал в ту самую ночь, когда агенты увезли из дома его мать. Эдуард обнаружил письмо под подушкой и подумал, что мать специально подложила его туда.

В то время для Эдуарда не было до конца понятно все написанное отцом, но он сообразил, что хранить письмо надо в глубочайшей тайне. И он держал его в тайне почти всю свою жизнь, пока не созрела мысль переправить секретное завещание отца на Запад. И Эдуард как-то нечаянно проговорился об этом в той испанской семье, которая некогда взяла над ним попечительство. Но невдомек было Эдуарду, что в тот день он собственной рукой занес топор над своей головой. Глава семьи, уже глубокий старик, оказался давним осведомителем КГБ, и он сообщил обо всем своему начальству. А ведь письмо Гонзалеса-старшего и было тем исчезнувшим документом, так переполошившем высшие власти.

В тот последний вечер, когда Быстров был у Гонзалеса, Эдуард решился на полное откровение и поведал Виктору о своей тайне. И вот позже Быстров утверждал в своей неоконченной книге, что в смерти Гонзалеса-младшего повинно КГБ. Быстров писал, что узнав о завещании бывшего дипкурьера, власти решили немедленно завладеть им и ликвидировать единственно оставшегося в живых свидетеля их многолетней тайны — сына Гонзалеса-старшего. Но документ все же ускользнул из их рук. И вот Быстров в своей книге приводил это секретное завещание.

Гонзалес-старший так начинал письмо: "Я проклинаю тот день и час, когда встал на преступную тропу коммунизма. Я был тогда молод, доверчив и глуп. Но это не оправдание. И моя семья, которой я принес столько несчастий разлукой с нашей Родиной, нашей любимой Испанией, не должна принимать во внимание мою бывшую молодость. Я виноват перед тобой, моя доверчивая и покорная Долорес! Я виноват перед тобой, мой еще совсем юный сын! Я ухожу в другой мир, чтобы хоть как-то иску-

пить перед вами вину, и моя смерть, быть может, сохранит вашу жизнь”.

Завещание было длинным и в конце его Гонзалес-старший писал: ”Ты помнишь, Долорес, как в Мадриде коммунисты убили твоего отца. Он был против них, и они лишили его жизни. Ты хотела меня проклясть, но твоя любовь ко мне пересилила. Любовь слепа! А я, ты знаешь, как юноша, был влюблен в коммунизм, и моя любовь к нему ослепляла меня. Только теперь я понял, что руки мои в крови, что был я лишь простым исполнителем своих московских хозяев и убивал ни в чем не повинных людей. Таких, как ты, как наш с тобой сын. Теперь я каждый день вижу их лица, и кошмары тех дней измучили и раздавили меня. Я не могу так больше жить, я сойду с ума! Тогда нам в Мадрид деньги на пушки и бомбы переправлял из Нью-Йорка некий Николас Бушнелл, тайный агент Москвы. Он был выходцем из России, и я симпатизировал ему. Но только сейчас я понял, что и у него были кровавые руки. А теперь я и сам стал таким же Бушнеллом, таким же тайным агентом Москвы, и я почти каждый месяц перевожу через границу огромные деньги американской компартии. Огромные! Но мне известно, что американские коммунисты хотят у себя устроить такую же резню, какую мы тогда устроили в Испании... Все мои предшественники на посту дипкурьера исчезали бесследно. В КГБ людям не доверяют и предпочитают отправлять их на тот свет вместе с секретами. Скоро настанет, видимо, и мой черед. Я это чувствую. Но не доставлю я радости подлецам! Я до смерти выпущу джина! Вот их многолетняя тайна, скрытая смертью убитых ими дипкурьеров. Вот имена их сверхсекретных агентов в Чикаго: братья Ларри и Джек Саундерс. Это им я и мои предшественники переправляли деньги для американской компартии. Оба они не раз тайно побывали в Москве, а младший, Джек, умудрился сфотографироваться даже со Сталиным. В КГБ их секретная миссия известна под названием ”Дуэт”. Я прошу вас выполнить три моих желания. Это мое завещание. Сын мой! Никогда не вступай в компартию! Долорес! Сообщите имена чикагских агентов на Запад! Уничтожьте это письмо! Если его у вас найдут, вам не простят. И последнее.

Как-нибудь загляните на мою могилу. Мне этого будет достаточно. Прощайте”.

Дудин отложил рукопись в сторону и глубоко вздохнул. Ему стало стыдно перед собой за вчерашнюю ночную выходку на кухне и за все нелепые вопросы, которые он вчера сам себе задавал. Но песенка, услышанная им на проводах Фридмана, так понравилась ему, что он и сейчас вновь пропел ее с выражением. ”Да, надо связаться с Раковским. И побыстрее!” — подумал он и стал собирать со стола содержимое папки.

ЦВЕТЫ ДЛЯ ГОСПОДИНА РАКОВСКОГО

1

Наступил декабрь. Он выдался мокрым, слякотным. Часто выпадал снег, но он тут же на глазах таял, образуя на улицах грязную жижицу, разлетающуюся во все стороны от проезжавших машин.

В те дни Дудин почти не выходил на улицу. После прощальной вечеринки у Аграновичей он весь ушел в себя и никого не хотел видеть. Дудин с сожалением думал о быстро летящем времени, о том, что вот еще один год так безысходно приближается к своему логическому концу.

Дудин часто вспоминал начало этого года, ту веселую и прекрасную для него новогоднюю ночь, которую он провел в Ритином доме. Дудин чувствовал себя тогда превосходно, а встреча после долгих лет разлуки со своими давними школьными друзьями казалась ему в ту ночь какой-то фантастической и удивительной. В ту ночь он не переставал восхищаться блестящей карьерой Горбунова и Колосова, с восторгом наблюдал за Быстрым и Раковским, тоже добившихся немалых высот на служебном олимпе и бывших отнюдь не рядовыми людьми. Жизнь этих людей, стоявших на иной, чем Дудин, общественной ступеньке, была ему чуждой, и он смотрел на своих однокашников широко раскрытыми глазами. Дудин прожил всю свою жизнь в другой среде, и та, в которой он вдруг оказался, произвела на него сильное впечатление.

В ту ночь Дудин впервые за свою жизнь очутился в таком привилегированном обществе, и благодаря ему впервые же наяву с глаза на глаз увидел американского журналиста, да еще разговаривал с ним по-русски. Это окончательно потрясло Дудина, и впечатление, вызванное встречей с американцем, привело его тогда в экзальтированное состояние. Дудин потом часто вспоминал Ральфа и Кэрол, которых ему так и не удалось больше увидеть.

А вот Рита Дудину почему-то вовсе не вспоминалась. Он даже забыл ее лицо. Но прежнюю жену Быстрова, свою бывшую одноклассницу, Дудин в последнее время попросту никак не мог выбросить из головы. В ту новогоднюю ночь она показалась ему такой женственной, такой жизнерадостной, что теперь он все никак не мог согласиться с фактом, что она мертва.

В эти последние дни года Дудин все чаще почему-то размышлял о судьбе Марии Моретти, тогда так неожиданно для всех явившейся на новогоднее празднество и ставшей тринадцатой гостьей их компании. Сейчас Дудин даже с сарказмом повторил про себя тост, произнесенный им в ту новогоднюю ночь: "Я предлагаю в том же составе встретиться на праздновании следующего Нового года! Пусть тринадцатое число станет счастливым числом!"

Теперь это тринадцатое число казалось Дудину роковым. И весь этот уже почти прошедший год представлялся ему каким-то необычным и из ряда вон выходящим. Но, поразмыслив, Дудин спросил себя: "Почему необычный? Он самый обыкновенный!"

В эти дни Дудин не переставал перебирать в памяти происшедшие после новогодней ночи события, и вообще все то, что приключилось с ним самим и со всеми остальными, за которых он поднял тогда свой праздничный тост. "Да, да! Это был самый обыкновенный год!" — Дудин все больше и больше укреплялся в такой мысли, и в его памяти просыпались давние и жаркие споры с Быстровым. В такие минуты сознание Дудина напрягалось до предела, и ему даже казалось, что он слышит взволнованный голос Быстрова: "Наше поколение с сызмальства слепо. Оно не знает собственной истории". Именно так ведь и говорил Быстров. И

вот теперь Дудин был благодарен ему за те "вечерние университеты", открывшие ему глаза на мир.

Дудин был уверен, что все вокруг было сейчас почти таким же, как в прошлом году, как и десять, как двадцать лет назад. Единственной разницей было лишь то, как считал теперь Дудин, что он потерял слепоту и превратился в зрячего человека. Дудин стал с отвращением слушать радио и с таким же отвращением смотреть на телевизионный экран. В газетах он читал только колонки спорта. Дудин больше не верил официальной правительственной пропаганде и ясно сознавал, что она ослепляет и дурачит людей.

Дудин напрочь переоценил все прожитые им годы, и все в эти дни воспринимал не так, как прежде. Раньше бы он назвал диссидентов, сосланных на каторжные работы в лагерь, "отходами социалистического производства". Теперь же, когда он узнавал об очередных арестах инакомыслящих, приходил в бешенство от злости на правительство. "Все у нас по-прежнему! Все, как при Сталине! — доказывал Дудин жене. — Судят за каждое лишнее слово. А Быстрова за что посадили? Разве он кого-то убил? Ударил? Оскорбил? В чем его преступление? Только в том, что он не согласен с официальной политикой? Разве за это надо сажать за решетку?"

От Быстрова со дня ареста никаких сведений не было. Что с ним — никто не знал. Дудин несколько раз пытался хотя бы что-то узнать о его судьбе в КГБ, но ему там каждый раз отвечали, что это не его дело. И теперь по опыту Быстрова и по своему собственному Дудин окончательно и бесповоротно утвердился во мнении, что и ему никто здесь не может гарантировать личную неприкосновенность. "Единственный выход — эмиграция!" И только в этом Дудин видел путь к спасению.

Но эмиграционные дела еврейских семей, единственно получавших разрешение на выезд из страны, складывались в конце того года наихудшим образом. Эмиграционные пути неумолимо сужались, и все поговаривали, что вскоре они и вовсе наглухо закроются. И люди, переборов все страхи и согласившись навсегда покинуть родные места, торопились относить свои заявления в ОВИРы. Но там не спешили удовлетворять их просьбы.

Эмиграция, о которой еще несколько лет назад запрещалось даже говорить и которая всеми теперь считалась явлением временным и случайным, причиняла много хлопот и неприятностей властям. Эмиграция рикошетом посылала обратно в страну своего исхода чудовищную для властей информацию, сокрушавшую официальную правительственную версию о Западе, как о мире кошмаров, поджигателей войны, рабства и полицейского террора. Информация эта вызывала эррозию в сознании людей, разрушала их стереотипы мышления, меняя укоренившиеся десятилетиями представления о добре и зле. Труднее стало управлять людьми, расшатывался прежде казавшийся непоколебимым тотальный контроль над обществом, и многие члены правящего Политбюро компартии начали тогда всерьез и категорически высказываться за окончательное пресечение эмиграции. А повод для этого был и другой, и тоже весьма серьезный. К тому времени Запад перестал далее платить передовой технологией за советских евреев. И пути эмиграционные не по слухам, а наяву — все более и более сужались.

В те последние месяцы года КГБ отказал в эмиграции тысячам евреям. И Дудин считал, что все эти отказники стали обреченными в жизни людьми. Он знал, что власти не доверяли отказникам и не давали им хотя бы какой-то сносной работы. Официальная пропаганда клеймила отказников, называла их предателями, и Дудин слышал о том, что многие бывшие друзья отказников стали сторониться их, словно бы они были прокаженными. Отказников вызывали и в КГБ, грозили им там тюрьмой в случае, если они не выбросят из головы дальнейших намерений об эмиграции. И лишь только счастливым удавалось выскальзывать через еще оставшиеся эмиграционные щели. И среди таких был Лещинский, старый знакомый Дудина, которого он встретил на проводах у Аграновича.

Пару дней назад Лещинский тоже устроил провода, и он долго уговаривал Дудина прийти. Пообещал серьезный разговор с ним, и Дудин сдался. У Лещинского, как и у Аграновича, была уйма людей. Было выпито много

вина и водки, и гости разошлись чуть ли не под самое утро. Прощаясь, Лещинский спросил Дудина:

— Тебе нужны деньги?

Деньги у Дудина были на исходе, и он немного подумав, ответил с горькой усмешкой:

— Конечно!

— На рубль — четыре доллара. Идет? Доллары вернешь, когда приедешь на Запад. Тебя выпустят. Кому ты здесь нужен?

Дудин в этот момент о чем-то сосредоточенно думал и, вероятно, не обратил внимание на последние слова Лещинского. Дудин только спросил:

— Сколько ты можешь дать?

— Около трех тысяч. Здесь их бессмысленно тратить. На тряпки? Выгоднее поменять на доллары. Ну?

Дудин молчал. Он не знал, что ответить Лещинскому.

— Бери! На жизнь хватит, а там, смотри, и бриллианты купишь.

— Бриллианты? — от удивления Дудин широко раскрыл глаза. — Зачем они мне? Их же не вывезешь. В таможне поймают — посадят!

— А ты не бойся! Рискуй! Вся наша жизнь — отчаянный риск!

Дудин с интересом смотрел на Лещинского, а тот продолжал:

— Ты просто не знаешь, как надо таможню за нос водить. Так ведь?

Дудин пожал плечами.

— Бриллианты надо проглотить! Ясно? — губы Лещинского вытянулись в струночку, а в глазах появился злой блеск. — Проглотить! И вся недолга! Я, жена, дочь, теща, все мы проглотим. Понял? А там в Вене, с твоего позволения, в ночном горшке... все эти бриллиантики заплаваят, как на ладошке. Понятно тебе? Это доллары! Тысячи!

Дудин так и не дал тогда Лещинскому ответ на обмен деньгами. В тот вечер у Дудина страшно разболелась голова, и придя уже под утро домой, он уснул тяжелым, тревожным сном.

Проснувшись, сразу же стал звонить Раковскому. Мысль

о необходимости передать ему папку Быстрова не покидала его все это время, и Дудин чуть ли не каждый день разговаривал по телефону с Наташей. Но она неизменно отвечала, что Олег все еще в заграничной командировке и что она не знает, когда он возвратится.

И сегодня Дудин тоже не был уверен в том, что Раковский уже вернулся домой. Но как он обрадовался, когда узнал, что Олег в Москве. Раковский даже был в это время дома и на удивление Дудина согласился встретиться с ним сегодня же вечером.

— Часов в восемь. Приходи ко мне, — предложил Раковский.

2

Операция "Дуэт", прерванная почти год назад всем тогда казавшимся загадочным убийством братьев Саундерс, вновь заработала. Места погибших долголетних кассиров Кремля заняли люди тоже не молодые и хорошо известные в коммунистических кругах США. Многие годы знал их и Раковский. Ранее они исправно выполняли некоторые его задания, и Раковский считал их вполне надежными агентами. И вот, когда он получил секретнейшее поручение от руководства КГБ восстановить операцию "Дуэт", Раковский и остановил выбор на двух старых знакомых.

Пару месяцев назад оба они туристами приезжали в Москву. Их принимал Андропов, беседовал с ними более часа, а потом пригласил к себе на обед домой. Новые высокопоставленные агенты были приняты даже самим вождем, и они сфотографировались с ним в его кремлевском кабинете. А копию той фотографии Раковский вскоре вложил в свой тайник, устроенный в стене Центральных бань. И фотография затем благополучно добралась до берегов США.

Раковский знал, что за восстановление операции "Дуэт" он будет представлен к высшей правительственной награде — ордену Ленина и произведен в генералы. Сразу же после отъезда из Москвы новых кремлевских эмиссаров,

руководство КГБ представило в Политбюро компартии необходимые формальные документы для награждения и повышения Раковского в чине. Документы утвердил Андропов, и вождь собственноручно пожелал вручить награду и поздравить с генеральским чином героя разведчика и коммуниста Олега Раковского. Но вождь вдруг, в который уже раз в тот год заболел, и торжественную церемонию пришлось отложить.

Вскоре Раковский опять уехал в США, так и не дождавшись обещанных почестей. К тому времени вождь уже выздоровел, но он к удивлению некоторых не собирался выполнять своего обещания. Ему доложили, что на Раковского пало подозрение и что за ним установлено наблюдение.

Почему вдруг возникло подозрение? Возможно, знакомство Раковского с Марией Моретти и Быстровым вынудило руководителей КГБ проявить осторожность и бдительность. Возможно, Раковский каким-то образом допустил когда-то, где-то, какой-то опрометчивый шаг. Даже самые близкие к Раковскому по работе люди потом уже, спустя некоторое время, ломали головы и не могли понять откуда же подул ветер немилости.

В те же дни произошла странная гибель в автомобильной катастрофе Алексея Кузьмина, следователя отдела особых расследований КГБ, которому было поручено найти исчезнувший у Гонзалеса документ. Но смерть Кузьмина, со стороны казавшаяся нелепой, ни у кого и никак не вязалась с упавшими на Раковского подозрениями. И действительно, было уж как-то нелогично ставить в один ряд судьбу Кузьмина, неожиданно проникшего в чрезвычайную государственную тайну, затрагивавшую интересы вождя, и судьбу одного из талантливейших разведчиков КГБ Олега Раковского. Было во всем этом много удивительного и неожиданного, и тайна источника подозрений на Раковского почему-то тщательно от всех скрывалась.

Раковский же чувствовал себя превосходно, и у него даже не возникало каких-нибудь сомнительных или тревожных мыслей. Он был уверен в себе и, как ребенок, радовался тому, что ему так легко удавалось осуществлять конспи-

ративную связь с американской разведкой. Тайник, устроенный им в стене Центральных бань, оказался, по его мнению, надежным источником связи, и через него Раковский уже переправил немало крайне важной секретной информации.

Раковский считал, что самое главное он уже сделал. "Дуэт" находился в руках американцев. Шпионская операция, длившаяся более тридцати лет, наконец, стала явной. Раковский был уверен в том, что только ради одного этого стоило рисковать даже жизнью.

Раковский был убежденным противником войны. Он хорошо представлял ее последствия и не находил оправданий своим высшим партийным боссам, нашедшим в войне наивысший смысл жизни. Раковский не понимал своих боссов, их мысли казались ему убогими и ничтожными, а образ действий внушал страх и отвращение. "Нашим правителям нельзя иметь детей! — сказал как-то Раковский своей жене. — Они не имеют права на потомство. Их гены заразны!"

Раковский не сожалел об избранном пути, который он сам же назвал "предательством коммунизма". Он даже считал, что для него этот путь был единственно возможным выходом из глубокого морального тупика. Раковский уже многие годы тяготился соучастием со своими боссами и искал какую-то приемлемую альтернативу своей жизни.

С особой остротой Раковский почувствовал необходимость разрешения внутреннего душевного конфликта пару лет назад, когда его боссы поставили перед ним задачу переквалифицироваться из похитителя военных и технических секретов в похитителя человеческих душ. Раковский стал тогда работать в той деликатной сфере человеческих общений, в которой люди объединяются по зову совести для борьбы против новой мировой войны, против создания новых чудовищных средств уничтожения жизни.

Раковский начал тогда вербовать в США платных "борцов за мир". И его агентура повела очень удачную пропаганду, вовлекая в пацифистское движение тысячи доверчивых людей, ничего не подозревавших о коварстве. Они даже возмущались, когда кто-то высказывал сомне-

ния в честности организаторов движения за мир и разоружение.

А тайный жрец и один из вдохновителей этого движения, полковник КГБ Олег Раковский, все чаще и чаще размышлял о судьбах людей, столь доверчиво предоставивших ему свои чистые души. "Чем страшнее ложь, тем люди сильнее верят в нее!" — с сожалением много раз повторял Раковский и каждый раз ужасался смыслу этих слов.

Раковский поражался тому, как покорно и бездумно эти люди подчинялись его воле. Через свою агентуру он призывал их устраивать демонстрации, и они выходили на улицы. Он призывал их разбрасывать листовки, и они это делали. Такая безоговорочная покорность вызывала в нем глубокую тревогу, и к своему ужасу он стал замечать, как пацифистское движение опустошало и растлевало человеческие души.

Во время своего последнего визита в США Раковский осуществил еще один свой замысел. Он передал американской разведке секретнейший план организации в Чикаго многотысячной демонстрации сторонников замораживания вооружений в США, которую должен был увенчать кровавый разгул.

Чикагский мятеж намечался в канун Рождественских празднеств. Дирижеры, агенты КГБ, уже отрепетировали роли со своими подопечными. Оставалось только ждать назначенного дня и сигнала к кровавой резне.

Поначалу все должно было обстоять мирно. Для демонстрантов уже заготовили транспаранты с трафаретными лозунгами, активисты знали, что и где выкрикивать. Известен был и маршрут шествия — по окружной магистрали в центре города, Вакер Драйв, потом на юг по Мичиган Авеню до Адамс Авеню, и по ней до Федерал Билдинг — к зданию, в котором размещались правительственные учреждения. И вот там-то боссы Раковского и решили пустить в ход ими уже испытанный "английский вариант".

По образцу и подобию беспорядков, организованных ими несколько лет назад в Лондоне и Ливерпуле, в Чикаго тоже намечались избиения прохожих, погромы магазинов, поджоги машин. Не исключались и убийства. Для этой

цели имелись уже подобранные отпетые уголовники, давшие согласие сделать за деньги все, что им будет поручено.

Чикагские события должны были оказаться во много раз страшнее лондонских и ливерпульских и послужить примером для подобных же мятежей в других городах страны. Бунт "борцов за мир" в Чикаго предполагалось растянуть на несколько дней. Планировался захват Федерал Билдинга со всеми его служащими. Заложников намечалось держать до тех пор, пока власти не дадут согласие на "помилование" всех участников беспорядков.

В Москве Раковский был подробно информирован о мельчайших деталях мятежа. В свой последний приезд в США он посетил Вашингтон и Чикаго, и как ему было положено, инспектировал там ранее им завербованных вожakov предстоящего "антивоенного" шествия в Чикаго. Раковский хорошо знал и всех местных организаторов этого шествия, а с иными из них, журналистами ТАСС, аккредитованными в США, и некоторыми сотрудниками советского посольства в Вашингтоне, находился даже в дружеских отношениях.

К своему подробному описанию намечавшегося мятежа в Чикаго, переданному им в тот последний визит американской разведке, Раковский приложил короткую записку. "Мои московские хозяева считают, — писал Раковский, — что крупные беспорядки в Чикаго вызовут большой испуг населения не только в этом городе, они создадут и атмосферу паники и психоза, обеспечив обстановку нетерпимости к усилиям президента США укреплять обороноспособность страны. Чикагских событий не должно быть. Ваш друг Олег Раковский".

И вот сейчас Раковский был очень доволен тем, как он просто и ясно изложил тогда в той записке свою мысль и, конечно, он не переставал радоваться тому, что провал чикагского мятежа основательно потреплет нервы его хозяевам.

С утра Раковский находился в прекрасном настроении. В таком вот расположении духа его и застал телефонный звонок Дудина. "Станный он человек, — подумал Раковский о Дудине, когда уже ехал на работу. — Почти год не

виделись, а тут вдруг пристал, как банный лист. Что за спешность?"

Первая половина дня пролетела для Раковского незаметно. И тут вдруг, как гром среди ясного дня, разразилась катастрофа. Около полудня из Вашингтона пришло сообщение о высылке из США пятидесяти двух советских дипломатов и журналистов. Среди них оказался первый секретарь советского посольства, один из заместителей руководителя советской миссии при ООН и шеф корреспондентского бюро ТАСС.

В кабинетах КГБ наступила мертвая тишина. Она прерывалась лишь телефонными звонками, казавшимися сегодня почему-то ужасно резкими и неприятными. И люди почему-то стали говорить чуть ли ни шепотом, они не смотрели друг другу в глаза и делали вид, что чрезвычайно заняты. Везде воцарился страх. Все почему-то испугались случившегося, словно бы сами были виновниками разразившейся катастрофы.

Уже через несколько минут после сообщения о высылке дипломатов и журналистов из США, у главы КГБ началось экстренное совещание. Раковского на него не позвали. Но он ничего в этом подозрительного не увидел и даже обрадовался тому, что никто не посягнул на его обеденный час. И он решил провести его в одиночестве, в раздумьях и покое. Раковский вышел на улицу и подумал, что не худо бы перекусить в каком-нибудь приличном ресторане.

События в тот день развивались с поразительной быстротой. В тот момент, когда Раковский выходил на улицу, руководители КГБ отдавали строгие команды техническим службам резко усилить глушение всех зарубежных радиостанций. Шефы КГБ не желали проникновения в их собственную страну каких-либо сведений об изгнании своих агентов, хотя бы до того времени, пока ТАСС не передаст населению официальную правительственную версию происшедшего. Отдел пропаганды ЦК КПСС отдал распоряжение всем газетам, всем радиостанциям и телевидению до получения из ТАСС правительственной версии не сообщать об инциденте ни единого слова. Консультанты международного отдела ЦК уже готовили текст этой версии. Утвердить его

должен был сам вождь, который к тому времени уже собрал в своем кабинете членов Политбюро. Встревоженная и разгневанная партийная элита была в сборе.

А Раковский по дороге в ресторан вдруг представил себе пухлое и вспотевшее лицо вождя, и как он тяжело дыша, выслушивает объяснения Андропова. В последнее время вождь с трудом досиживал в своем кремлевском кабинете. Потом вместе с врачом, его постоянно сопровождавшим, вождь отправлялся отдыхать домой. Но с каждым днем он все реже после полудня возвращался обратно, и внутри кремлевских стен нарастало затаенное нетерпение.

Сегодня у вождя было вконец нарушено расписание и совершенно испорчено настроение. Он полулежал в своем мягком кожаном кресле, и его грузное тело было неподвижно. Вождь ни на кого не смотрел, выглядел подавленным и с большим напряжением прислушивался к тому, что говорилось вокруг. А сидящие в кабинете искоса на него поглядывали, пытаясь понять, доходит ли до вождя смысл их слов.

— Мы ответим Вашингтону по-своему, — сказал Андропов, обращаясь скорее не к вождю, а к присутствовавшим в кабинете, и на его восковом сегодня лице застыли старческие морщины. — Не сейчас, конечно. Позже!..

Раковский же провел весь остаток дня в прекрасном настроении. Ему казалось, что он еще ни разу не испытывал такой легкости духа и не был так возбужден от собственного успеха. Он не обращал внимания на происходящее вокруг, не прислушивался к разговорам, а был полностью поглощен собой. А в кабинетах все еще стояла напряженная, угнетающая тишина, служившая там своеобразным признаком каких-либо чрезвычайных и не добрых событий.

Раковский знал, что по распоряжению его шефов специальным рейсом в Нью-Йорк уже вылетел пассажирский лайнер "Илюшин", который должен был забрать на свой борт высылаемых дипломатов и журналистов со всеми их семьями и багажом. Раковский знал и то, что образована особая группа из старших офицеров КГБ и что ей поручено немедленно приступить к расследованию провала чикагско-

го мятежа. Но узнав об этом, Раковский про себя усмехнулся: "Ну, ну! Пусть поработают!"

В конце рабочего дня Раковский вдруг подумал, что визит Дудина будет сегодня даже кстати. Как ни как, а были они давнишними школьными друзьями, и Раковскому захотелось поболтать с этим, как он назвал сейчас Дудина, "простым советским человеком", о всякой чепухе и о всяких житейских делах. У Раковского появилось желание расслабиться и поговорить с человеком, жившим совсем на противоположном социальном полюсе. "Черт побери! Какая нас разделяет пропасть! — подумал он и вспомнил проведенную у Риты новогоднюю ночь и тост Дудина за счастливое тринадцатое число. — Почему же у всех нас жизнь пошла вверх тормашками?" — Раковский предался воспоминаниям и раздумьям и даже не услышал, как часы, висевшие в его кабинете, пробили шесть вечера.

Когда-то, еще при первой встрече в Нью-Йорке с американскими разведчиками, Раковский условился с ними о способе оповещения его на случай неожиданно нависшей опасности. Они договорились тогда о том, что в таком случае в одном из окон третьего этажа американского посольства в Москве будет выставлен большой букет цветов. С тех пор Раковский почти ежедневно возвращался домой через Садовое Кольцо, проезжая по улице Чайковского мимо американского посольства. Сегодня же он даже и не подумал поехать по этому пути, ему и в голову не приходило, что именно сегодня и возникла та опасная ситуация, о которой его оповещали цветы, появившиеся в окне посольства после полудня.

По дороге домой Раковский заехал в свой любимый магазин — Елисеевский гастроном, где он обычно покупал маслины. Это был, пожалуй, единственный в Москве магазин, где их можно было достать, и Раковский частенько туда наведывался. Сегодня же, кроме маслин, он купил еще и бутылку коньяка. "Выпьем за победу! Обязательно!" — пронеслось у него в голове, когда он протискивался сквозь людскую толпу, набившуюся в магазине. Наконец, Раковский выбрался из духоты на улицу, и тут ему

очень захотелось поскорее приехать домой. Он сел в ожидавшую его машину, и шофер тут же спросил:

— Через Садовое?

— Прямо! Только прямо! — Раковский даже сам удивился неожиданной категоричности своего тона. Машина тронулась, а он подумал: "Завтра поедем через Садовое. Завтра!"

В тот миг Раковский даже и не подозревал, что этого "завтра" у него уже никогда не будет. В тот самый момент, когда его машина выруливала со стоянки, от здания КГБ отъехала черная "Волга". Она миновала площадь Дзержинского и пошла в том же направлении, по которому ехал сейчас Раковский. В машине сидели три старших офицера отдела особых расследований КГБ, имевших приказ о немедленном аресте Раковского. Они должны были его тут же доставить на площадь Дзержинского и поместить в одну из особых камер Лубянской тюрьмы.

Вслед за первой "Волгой" в том же направлении ехала и вторая машина с офицерами отдела особых расследований. Они имели задание произвести обыск на квартире Раковского и с результатами немедленно возвратиться обратно.

К тому времени во дворе Центральных бань уже дежурили два агента КГБ. Чтобы не вызывать подозрений, они переоделись в какое-то старье и выглядели завзятыми пьяницами. Эти сыщики внимательно следили за тем проходом вдоль стены бани, который вел к тайнику Раковского. К полуночи первую пару сыщиков готовилась сменить вторая пара, а с утра туда направлялась третья. И так круглые сутки слежки за тайником, а потом и вторые и третьи. До тех пор, пока кто-нибудь не придет "разгружать" тайник.

Раковский подъехал к своему дому почти одновременно с первой "Волгой". Он успел только поздороваться с Наташей и пройти в комнату, где стояла кровать сына. Малышу шел третий месяц. Он спал, и как показалось Раковскому, чему-то улыбался во сне. Раковский поцеловал сына, и тут раздался звонок.

Все произошло просто и быстро. Раковскому не дали в последний раз поговорить с Наташей, не позволили вер-

нуться к сыну. Когда Раковский решил зачем-то подойти к своему письменному столу, ему преградил путь офицер КГБ. Другой сам снял с вешалки пальто Раковского и передал его арестованному. Наташа, застыв в ужасе, неподвижно стояла возле стены. Ее сковал спазм, и она не могла произнести ни единого слова. Раковский был бледен. Он машинально подчинялся указаниям офицеров и, вероятно, еще до конца не сознавал всей трагедии. Уже в дверях, при выходе из квартиры, он резко повернулся, чтобы взглянуть на Наташу. Но его грубо и больно схватили за руки и повели к лифту. Дверь квартиры захлопнулась, и от Раковского навсегда ушла вся его предыдущая жизнь.

Когда Раковского выводили на улицу, Дудин находился почти в двадцати шагах от подъезда. Дудин чуть было не окликнул Олега, но его странный вид и военная форма, сопровождавших Раковского людей, удержали Дудина. Он видел, как Раковский садился на заднее сидение стоявшей возле подъезда "Волги", как по обеим его сторонам тут же уселись двое военных и, как третий занял место рядом с шофером. Дудин попытался разглядеть сквозь окна машины лицо Раковского, но "Волга" с такой стремительностью сорвалась с места, что он даже не успел достать из кармана очки. Дудин лишь инстинктивно прижал к груди папку с рукописью Быстрова и решил, как можно скорее убраться от того места прочь.

Он шел по пустынной улице, и мороз жалил его уши. В каком-то окне стоявшего впереди дома Дудин увидел зажженную новогоднюю елку, и сердце его сжалось. Он почувствовал себя беззащитным, маленьким человечком, которого каждый мог пнуть ногой или столкнуть в яму. Ему стало от всего этого ужасно противно. "Что же такое происходит? Боже мой!" — Дудин даже сжался от своих мыслей. Ему вдруг показалось, что видит в темноте уходящей вперед улицы Быстрова, Марию Моретти, Нину... И тут на ум ему пришел Ральф Бушнелл. "Может быть, теперь ему передать рукопись? — Дудину все больше нравилась эта мысль. — Пусть переправит ее на Запад".

Дудин очень обрадовался своему неожиданному решению и подумал, как бы ему завтра разыскать Бушнелла.

Дудин нахлобучил на лоб шапку, и потеряв рукавом пальто замерзшие уши, ускорил шаг. Он свернул за угол и пошел к метро. И тут только Дудин ощутил страх. "А что, если бы я на пять минут раньше пришел к Раковскому? Они бы забрали рукопись, а с ней и меня!"

Теперь Дудин думал только о том, как разыскать Бушнелла. Он шел и непрерывно оглядывался, а папка с рукописью превратилась для него в тяжелый и опаснейший груз.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГОД

1

По пути к площади Дзержинского Раковский постепенно приходил в себя. Впервые за эти полчаса он глубоко вздохнул и от этого почувствовал какое-то облегчение. "Как же так? Провал?!" — Раковский пытался найти какие-нибудь ошибки в своем поведении или что-то такое, что могло хотя бы подсказать причину ареста. Но никакого вразумительного ответа не находил. Раковский понимал только одно — просто так его никогда бы не повезли на Лубянку. "Ну, а если им все известно, то..." — Раковский оборвал мысль и посмотрел в окно машины. И тут ему подумалось, что он в последний раз видит всю эту вечернюю суету исхоженных им московских улиц.

Машина в это время делала поворот с улицы Чехова на Тверской бульвар, и Раковский с неведомым ранее чувством всматривался в давно знакомые дома и в совершенно незнакомые лица прохожих. И дома, и лица приобретали для него сейчас удивительно отчетливые и незримые им ранее очертания, и Раковскому казалось, что они уходят от него в никуда, в неизвестность, в ночную темноту, в которую погрузилась Москва. Он мысленно прощался со всем, что видел, со всем, что каких-нибудь полчаса назад составляло его плоть, его прошлое и настоящее. Раковский опустил голову, и невольный вздох вырвался у него из груди.

Машина остановилась как раз у того подъезда КГБ, че-

рез который Раковский многие годы входил в этот огромный и угрюмый дом на площади Дзержинского. Знакомо скрипнули тяжелые широкие двери, и часовой по привычке отдал Раковскому честь. Но дальнейший его путь был совершенно новым, и Раковского буквально обожгла мысль о том, что он ведь еще ни разу не спускался в подвалы Лубянской тюрьмы, и как это было ни странно, знал о ней только по рассказам.

Теперь Раковского вели по длинному, тусклому, подвальному коридору, в конце которого он заметил двух часовых. Его ввели в просторную комнату, выкрашенную в светло-зеленую краску, и велели сесть на скамейку. Раковский оглянулся и увидел в стороне от себя металлическую каталку, точь в точь такую, на которых в больницах перевозят больных, небольшой письменный стол и рядом с ним этажерку, в беспорядке заставленную какими-то баночками из-под лекарств.

В комнату вошел мужчина в штатском и молоденький лейтенант. Тот, который был в штатском, велел Раковскому раздеться догола. Раковский молча повиновался, и тогда ему приказали нагнуться. Раковский нагнулся, и человек в штатском, одев резиновую перчатку, проверил его задний проход. А тем временем лейтенант какими-то щипцами выдергивал из брюк Раковского все металлические застёжки. Потом вытащил из брюк ремень, оторвал с рубашки все пуговицы и бросил Раковскому одежду.

Вошел парикмахер. Через пару минут Раковский был пострижен наголо, и его повели по тусклому коридору подвала. Раковскому казалось, что он теряет способность ощущать действительность. Все его чувства онемели, и притупилось желание хоть как-то реагировать на происходящее. Он ощущал сейчас только неприятнейший озноб и слабость, разлившуюся по телу.

Коридор свернул влево, и по обеим его сторонам Раковский увидел серые глухие металлические двери с массивными запорами, одну за другой тянувшиеся вдоль стен. В этой части коридора прохаживались часовые, и как только они завидели сопровождавших Раковского офицеров, вытянулись в стойку и отдали им честь.

— Пятнадцатую! — приказал один из офицеров.

Лязгнул запор, и металлическая дверь камеры отворилась. Раковского подтолкнули в нее. Он нерешительно сделал полшага вперед и остановился. Раковский не понимал, как он мог пройти за открытую дверь, когда от нее и метра не было до сразу же выступавшей глухой стены. Раковского подтолкнули опять, а потом, взяв за руки, кинули на ту глухую стену, и лязгнул запор.

От удара о стену Раковский сбил на руках ногти. Но он не ощутил никакой боли. Он только почувствовал, что здесь было нечем дышать.

Стояла абсолютная темнота. Раковский повернулся вправо, и руки его тут же уперлись в боковую стену. Он развернулся в обратную сторону, и опять холодная стена встала на его пути. Раковский не смог даже полностью раздвинуть по сторонам руки. Локти касались стен, и от этого ему не удавалось распрямить грудь. Раковский встал лицом к двери и нащупал на ней смотровой глазок. Но глазок оказался наглухо закрытым снаружи, и страшная, непроницаемая темнота навалила на Раковского со всех сторон.

Раковский попытался присесть на пол, но колени наткнулись на холодный металл двери. Он понял, наконец, что в этом выдолбленном в стене шкафу невозможно было даже сидеть. И Раковский сорвался. Он закричал. Он стал безумно стучать в дверь. Раковский не помнил, сколько он так стучал и кричал, в этой крошечной тьме он не понимал — ни времени, ни себя.

Когда дверь, наконец, открылась, из камеры вышел совсем другой человек. Казалось, Раковский стал ниже ростом, и плечи его вытянулись куда-то вперед. Он до боли тер глаза, жмурился, стараясь различить стоявших перед собой людей.

А перед ним стоял теперь уже его бывший шеф — генерал Кружков. Этот сорокалетний генерал любил одеваться в штатское и сейчас, впрочем, как и всегда, выглядел щеголеватым красавчиком. Увидев Раковского, Кружков невольно отшатнулся и как-то неестественно откашлялся. Если бы Раковский мог разглядеть глаза генерала, то увидел бы в них затаенный страх и сострадание.

Кружков был не один. Рядом стоял генерал из отдела особых расследований.

— Ну, что? — спросил он. — Побеседуем, Раковский! — генерал скорчил гримасу, похожую на улыбку, увидев, как арестованный неуклюже наклонил зачем-то голову набок. Генерал не успел опомниться, как потянувшийся вперед Раковский плюнул ему в лицо.

Раковский очнулся в камере только тогда, когда в ней зажегся свет. Он становился ярче и ярче, и все сильнее чувствовалось тепло от горевшего над головой и спрятанного в металлическую сетку огромного светильника. Раковскому казалось, что он излучает тысячи огней и горит, как ворвавшаяся в ночную мглу дуга электрической сварки. У Раковского начинали болеть глаза, и светильник становился ему ненавистен. Воздух в камере согревался. Раковскому почти уже нечем было дышать. Теперь он даже не знал, что же лучше — кромешная тьма или яркое солнце.

Дверь в камеру неожиданно приоткрылась. На миг в ней показался солдат с какой-то большой металлической корзиной. Он что-то вытряхнул из нее и сразу же закрыл дверь. Раковский прижался к стене. Перед ним на полу сидели три большущие крысы и недовольно вертели мордами. Раковский боялся пошевелить ногой. Ведь был он босой...

2

Бушнелл сравнивал сейчас свои переживания с теми, которые были у него год назад, когда он только собирался в Москву. Тогда он с радостью готовился к поездке и с нетерпением ждал дня отъезда. Сейчас же, Бушнелл это с горечью отметил, он с таким же нетерпением ждал часа возвращения в Нью-Йорк. Бушнеллу оставалось прожить в Москве всего несколько дней, но теперь эти дни казались ему вечностью.

Бушнелл уезжал из Москвы совсем другим человеком. И в этом он тоже признавался самому себе. Бушнелл сейчас все чаще вспоминал своего нью-йоркского коллегу по редакции Аллена Филда и его нетерпимость к советской

стране и ко всему, что так или иначе было связано с коммунизмом. "Аллен был прав!" — повторял про себя Бушнелл, и в такие минуты раздумий он весь съеживался в комок от мысли, какой ценой далось ему это запоздалое прозрение.

Бушнелла удручало сейчас не столько устроенная ему КГБ ловушка, сколько полнейший крах всех его жизненных устоев, его мировоззрения, всего того, что еще совсем недавно составляло его духовное и моральное богатство. Теперь же всего этого не было, теперь все это рассеялось в прах. Его жизненная философия оказалась начисто разрушенной, не оставалось ни прежних ценностей, ни прежних моральных принципов. В старом мире своего мировоззрения, в котором прекрасно все уживалось, где добро и зло соседствовали рядом, где царило равновесие и сосуществование, Бушнелл теперь ничего не замечал, кроме коварства и лжи.

Прошла неделя с тех пор, как Бушнелл встретился с Дудиным, и... с тех пор "Нью-Йорк Дейли" не получила еще ни одной статьи от своего московского корреспондента. Бушнелл ничего не писал. Он не мог ничего писать. Он был не в состоянии писать так, как писал всегда. Бушнелл пробовал садиться за пишущую машинку, но тут же отодвигал ее. Мысли его путались и сбивались, он начинал чувствовать себя беспомощным юнцом. "Может и впрямь жизнь надо начинать сначала?" — Ральф не находил в эти дни покоя. Прошное для него не существовало, а вот будущее виделось в тумане и казалось совершенно неясным.

Неделю назад Дудин принес Бушнеллу рукопись Быстрова. И вот теперь она буквально жгла его сердце. Первый раз Бушнелл прочитал рукопись с отвращением. У Ральфа воскресли запавшие в душу горькие воспоминания о встрече с Быстровым на Ленинских горах, и образ его, скуластое лицо и сутуловатая фигура, неотступно преследовали за чтением. "Фальшивка! Провокация!" — восклицал Бушнелл. Но потом он поостыл и задумался: "Не мог же Быстров выдумать письмо Гонзалеса. Откуда ему могло быть знакомо имя моего отца? А откуда же он узнал о Саундерсах?".

Бушнелл был знаком с младшим из братьев Саундерс. Он когда-то часто приходил в дом его отца, и Ральф ласково называл его тогда "дядюшка Джек". Но сейчас "дядюшка Джек" был мертв. Ральф узнал об этом только теперь, прочитав рукопись.

Потом Ральф еще раз перечитал рукопись Быстрова. Потом он мучительно перебирал в памяти все известное ему о своем отце и все рассказанное Дудиным о Быстрове. И, наконец, Ральф понял, что письмо Гонзалеса было правдой. Ужасной правдой, разрушившей его прежний мир, унесшей покой и убившей в нем его гордость и достоинство.

А вчера жизнь Бушнелла оказалась окончательно перевернутой вверх тормашками. Он был настолько потрясен, что даже еще и сегодня все никак не мог успокоиться и нормально воспринимать окружающее.

Вчера ему позвонила Рита.

— Я хочу тебя видеть. Обязательно! — голос ее был взволнован, и Бушнелл спросил:

— Что-то случилось?

— Да!

Это была их последняя встреча.

— Колосов покончил с собой! — сказала Рита, как только Бушнелл закрыл за собой дверь.

— Колосов? — Бушнелл оторопел. — Колосов?! — переспросил он еще раз.

В ту последнюю встречу Рита рассказала Бушнеллу все. И о себе, и о Колосове, и о том, как все время жила в страхе, ожиданиях и неведении.

— Так и Колосов жил! — Рита тогда плакала и непрерывно вытирала слезы. — У нас сейчас провал за провалом. Арест за арестом! Сажают подряд! И виновных и невиновных!

В ту последнюю встречу Рита открыла Бушнеллу и тайну человека по имени Фролов, у которого он был на даче и просил защиты от КГБ. "И я ему обещал быть лояльным!" — Бушнелл со страхом и отвращением слушал Риту, и она казалась ему увядшей и потерянной. Он с сожалением смотрел на нее в тот миг.

Рита же любила Бушнелла и верила ему. Она просто не

могла в тот последний их день не договорить ему всей правды. Рита даже сказала:

— Напиши книгу. Пусть люди все знают!

— Какую книгу? — удивился тогда Бушнелл.

— О том, как ты прожил в Москве этот год! Для меня он был обыкновенным. Но не для тебя же!

В тот день Бушнелл узнал и о жизни "ласточек", и о их прекрасных, уютных "гнездышках".

— Значит это не твоя квартира? — негодовал он. Ральф смотрел на Риту злыми глазами, и перед ним вставляли картины той новогодней ночи, с которой и началась его жизнь в Москве.

Они простились навсегда, хотя Рита наивно полагала, что ее правдивый и искренний рассказ вызовет у Бушнелла желание каким-то образом помочь ей бежать на Запад. Но у Бушнелла такого желания не возникло. Он думал только о том, как бы самому поскорее покинуть Москву и очутиться в своем собственном доме на Лонг Айлэнд. Он мечтал о своем камине, о тепле, об уюте и был готов хоть сейчас бежать сломя голову в аэропорт. Но его рейс уже был назначен. Бушнелл уезжал из Москвы на следующий день после наступавшего Нового года.

... За окном кружила метель. Уже зажглись вечерние огни, а Бушнелл все еще был занят своими переживаниями. Вчерашнее известие о самоубийстве Колосова, рассказ Риты о его кошмарной, запутанной и одинокой жизни не выходили у него из головы. Да и все остальное, так неожиданно свалившееся на него в эти последние дни, представлялось Бушнеллу не менее ужасным. И Дудин с его незавидной судьбой, и трагическая участь Быстрова, и, наконец, история Гонзалеса и секретнейшее письмо, за которым КГБ охотилось весь этот уходящий год... "Обыкновенный год! — подумал Бушнелл и содрогнулся от неожиданно пришедшей к нему сумасшедшей мысли. — А что, если бы я родился в России?"

Кружила за окном метель. Бушнелл налил в стакан виски и выпил залпом. До этого он никогда залпом не пил. Тем более виски.

НЕТЕРПЕНИЕ

1

По Москве разнесся слух о смерти вождя. Вчера вечером вдруг неожиданно прервались передачи по радио, и заиграла траурная музыка. Всего лишь минуту звучал в эфире Реквием Моцарта, а потом, как ни в чем не бывало, радио продолжило трансляцию новостей из-за рубежа и сообщений об огромных трудовых успехах советских людей, которыми они заканчивали очередной год своей жизни.

Слух о смерти вождя моментально облетел город, хотя никаких официальных сообщений об этом не было. Но москвичи поверили тому, что вождя уже нет в живых. Они знали, что такие слухи — чистейшая правда, ибо уже не раз умирали советские вожди, и всегда о их смерти сообщалось с большим опозданием. Москвичи и теперь считали, что вождь мертв, а в Кремле просто еще не закончилась борьба за его престол. Москвичи были терпеливы, и они надеялись, что к утру все стихнет возле смертного одра, и их оповестят о переменах на партийном олимпе.

Говорить вслух о смерти вождя боялись. Шушукались: "Какая разница, кто вместо него придет!" Гадали о будущем: "Самое лучшее — это, чтобы не было хуже!" К Новому году в магазины выбросили продукты, и москвичи втихомолку говорили: "Вот так бы всегда!" Вполголоса спорили о еврейской эмиграции: "Евреям всегда везет! А почему только им дают визы?" Шепотом москвичи возму-

щались: "Зачем наши полезли в Сальвадор и Никарагуа? Что, Кубы мало? А, что нам в Афганистане надо?" Озирались по сторонам и недовольно ворчали: "Какой провал! Наших шпионов из Америки вытурили! Позор!"

К утру слухи о смерти вождя еще официально не подтвердились. Радио об этом молчало, хотя сегодня с самого утра уже дважды звучала похоронная мелодия. В газетах, кроме обычных новостей, тоже ничего привлекавшего внимание не было. Разве лишь короткое сообщение о том, что некий гражданин Раковский приговорен к смертной казни за предательство Родины и что приговор уже приведен в исполнение. Москвичи на минуту задерживали в руках утреннюю газету, а потом, как обычно, убирали ее с глаз долой.

В Москве все еще кружила метель. И это тоже было обычно. К Новому году природа украсила Москву, и она выглядела наряднее и величественнее. Казалось даже, что Кремлевские стены стали еще древней и молчаливее, чем всегда.

С полудня траурные марши уже слышались отовсюду. Скорбная мелодия будоражила души людей, напоминая им о скоротечности жизни. Реквием завершал тот обычный для москвичей год.

2

Консультант международного отдела ЦК КПСС Анатолий Горбунов был доволен собою. Он сохранил семью и, кажется, был даже счастлив в супружеской жизни. Карьера его круто пошла вверх. После Нового года он становился шефом консультантов отдела. "Это в сто раз лучше, чем производство в генералы! — шутил он с женой. — Вот, что значит правильно все рассчитать!" А он действительно все рассчитал правильно и присоединился к тем, кто примыкал к Андропову. Мысленным взором Горбунов окинул сейчас прожитый год, и сердце его защемило от радости. Горбунов не слушал и не хотел слышать траурных фанфар. В душе его лилась праздничная мелодия, и он был готов петь и танцевать в эту наступающую новогоднюю ночь...

У Наташи, жены Раковского, находились Бушнеллы и

Дудины. Ральф и Кэрол принесли букет красных гвоздик и попросили Наташу положить их на могилу мужа.

— У него нет могилы. Они мне его не отдали. И никогда не отдадут! — Наташа уже больше не плакала, а голос ее был каким-то особенным, прерывистым и глухим.

Миша и Лена Дудины тоже принесли цветы. И вот теперь огромный букет стоял в центре стола рядом с фотографией Раковского. Все встали возле нее и опустили головы...

Сегодня был Новый год, и Дудин разлил шампанское.

— В прошлом году нас было тринадцать, — он с осторожностью подбирал слова. — И я надеялся, что тринадцатое число станет для всех нас счастливым. Но не судьба. Выпьем за тех, кого мы потеряли! И проклянем тех, кто отнял их у нас!

Они встали из-за стола и стоя выпили бокалы до дна.

Наташа включила проигрыватель, и комнату заполнила мелодия танго.

— Олег так любил эту пластинку! И мы танцевали...

Дудин взял Наташу под руку, и они пошли танцевать. Они танцевали только вдвоем, легко и плавно. А Бушнелл шепнул Кэрол:

— Удивительные они люди, эти русские!

Ральф и Кэрол простились с ними глубоко за полночь. А Миша и Лена остались ночевать у Наташи. Они не хотели оставлять ее одну.

— Ну, вот и все! — вздохнул Дудин. — Все!

Бушнелл крепко пожал ему руку и поцеловал Наташу.

— Ну, вот и все! — повторил Бушнелл, и какой-то комок подступил к горлу. — Все!

Ральф и Кэрол улетели на следующий день. Они были рады покинуть заснеженную и холодную Москву.

Бушнеллу нетерпелось вернуться в Нью-Йорк. Он знал теперь, что ждет его дома. Бушнелл увозил с собой рукопись Быстрова, и он дал себе слово на весь мир раскрыть тайну Кремлевских стен. Бушнеллу не терпелось взяться за дело. Год, который перевернул его мир, остался уже позади, и Бушнелл с твердой уверенностью смотрел в будущее.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Здравствуй, Москва!	7
Ральф Бушнелл	22
Николай Пашутин	31
Новогодняя ночь	35
Паутина	53
Прозрение Дудина	81
Гениальное двуличие	104
Порочный круг	116
Шаг в пропасть	128
Спрут	140
Старая Площадь	150
Что делать?	159
Женщины приносят удовольствие	169
Исход	188
Цветы для господина Раковского	208
Обыкновенный год	224
Нетерпение	231